ЮТ
9
1960

Литературный сценарий научно-фантастического фильма

Василий Соловьев

Рис. **Л. Смехова, Е. Верлоцкого**

Тревожный вой сирены и размеренное биение метронома. Возникает надпись:

«ЭТО СЛУЧИЛОСЬ СОВСЕМ НЕДАВНО... В 1980 ГОДУ».

Горы. На одной из вершин над облаками сверкают ажурные фермы гигантских антенн. Здесь раздается торжественный голос профессора Бахарева:

— Москва?!

На экране возникает звенигородский пейзаж с березовым леском, речушкой и радиостанцией на ее берегу. Звучит ответ:

— Готовы!

— Владивосток?! — слышен опять голос Бахарева.

Теперь мы видим сопку над Великим океаном. Радиостанция на ее вершине:

— Готовы!

— Планетная обсерватория?!

Выжженная солнцем бескрайная степь. Городок обсерватории. Стройная башня. Паутина антенн радиотелескопа.

— Готовы!

И всюду слышен вой сирены и биение метронома.

— Ну что ж, друзья... Может быть, мы сделали не все, что надо. Однако все, что было в наших силах, сделано, — так говорит очень старый и очень взволнованный человек — профессор Бахарев. Он встает из-за своего рабочего столика и, переглянувшись с академиком Забродиным, продолжает: — Сейчас ровно двенадцать часов тридцать семь минут. По поручению объединенного института астрофизических проблем я приказываю **ВКЛЮЧИТЬ АВТОМАТЫ ВЗЛЕТА!**

— Есть включить автоматы взлета! — отвечает инженер Градов.

Пульт управления. На щите трепещут стрелки сотен контрольных приборов и рассыпаны бесчетных сигнальных глазков.

Руки Градова берутся за штурвал с табличкой **«АВТОМАТИЧЕСКИЙ СТАРТ»** и, помедлив, резко поворачивают его.

Только теперь обрывается назойливый вой сирены.

Застывает в суровом напряжении лицо старого Бахарева.

Замер в неудобной позе академик Забродин.

Перо над чистой страницей блокнота карандаш журналиста Алмикулова.

Наменеет над приборами Градов.

Ползут стрелки бесчисленных приборов к предельным красным полоскам высших напряжений...

Мощный свист возникает мгновенно и вспышкой разрастается до сотрясающего землю грохота. Многократное эхо мечется по горной долине между скалами.

Сначала является сомнение: неужели эта монолитная сверкающая башня, которая соперничает высотой даже с окружающими скалами, и есть виновница грохота?! Но, заметив крошечный стреловидный снаряд, венчающий башню, и стабилизаторы-гиганты, на которых она стоит посреди долины, мы понимаем: да ведь это не башня, а РАКЕТА! КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ, ГОТОВЫЙ К ПРЫЖКУ В КОСМОС!

Ракета содрогается от вулканов, бушующих в ее недрах. Прозрачные серые струи десятком сокрушающих потоков ударяют в бетонный выступ под дюзами и, разбившись о него, растекаются по лучам-траншеям, изрезавшим стартовое поле.

Серые смерчи перехлестнулись через края траншей и завихрились раскаленной поземкой по серому бетонированному полю.

Стабилизаторы ракеты уже висят в воздухе. Медленно, содрогаясь от напряжения, она ползет вверх... все выше... выше!

Монолитная громада ракеты всплывает над горами... какое-то время висит недвижимо и вдруг начинает неудержимо падать — вопреки законам тяготения — вверх, в небо!

Где-то в горах начался обвал...

И тотчас на экран хлынул поток газет и журналов. Броские шапки. Кричащие заголовки. Сенсация!

— Полет на Венеру!

— Дан старт космической ракете русских!

— Активный участок траектории преодолен благополучно. Двигатели выключены. Корабль лег на курс!

На всех языках мира в эти дни дикторы и комментаторы твердили одно:

— Впереди сто сорок шесть суток полета в пустоте!

— Впереди загадочная Венера!

— Самая дальняя, самая трудная и самая безопасная экспедиция в истории человечества!

Прошло десять дней...

Бездна. Она казалась бы черной-черной, не будь в ней такого количества звезд, звезд разноцветных и немигающих. В пустоте висит чудесный шар. Освещена только одна половина его. Голубоватая, тающая по краям дымка окутывает освещенное полушарие и двумя узкими лентами заходит на теневую половину. Наша Земля! Такой выглядит она «со стороны», из космического пространства. Сверкают ее полярные снежные шапки. Белые облака тонкой пленкой задергивают отдельные детали невиданного «глобуса». Моря и океаны кажутся не голубыми, а черными...

Это видит профессор Бахарев на огромном экране, когда идет вправо, вдоль щита управления ракетой, мимо бесчисленных шкал.

Мерно бьется электронный пульс пульта управления. Монотонно звучат шаги Бахарева. Вот он поворачивается и идет назад. Теперь в поле его зрения попадает левая стена центрального поста. Она кажется стеклянной, ибо представляет собой огромное световое табло. На табло прочерчена линия заранее рассчитанной трассы полета. Цели путешествия еще не видно, как не видно уже и его начала. Красный огонек ракеты медленно ползет по этой линии, словно нанизанный на нее.

Бахарев поворачивается и идет назад. Должно быть, это безостановочное хождение Бахарева вошло в быт участников экспедиции, стало привычным.

Академик Забродин, отложив ленты с результатами записи приборов-самописцев, провожает Бахарева глазами и замечает:

— Со временем космические полеты будут считаться самыми скучными из всех видов путешествий.

— Да, да, Федор! — остановившись, откликается Бахарев. — Иногда мне начинает казаться, что ракета... остановилась. Как тянется, тянется время! Как далеко еще до Венеры!

— Ракета летит со скоростью ОДИННАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ, — замечает Градов, — пройдено ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ КИЛОМЕТРОВ!

В это время на столике Бахарева мигает синяя лампа и жужжит зуммер радиотелефона.

Мерным шагом Бахарев подходит к столику и снимает трубку. С этого момента начинается переполох на ЦСУ.

— Направление? Скорость? Границы? Густота? — задает Бахарев сразу четыре тревожных вопроса.

Угрожающе дребезжит звонок. Из репродукторов доносится голос Бахарева:

— Тревога! Метеоры на трассе корабля!..

Распахиваются двери, и вдоль тесного коридора бегут люди.

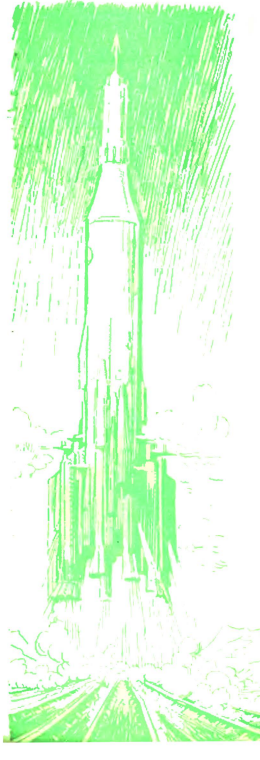
— Тревога! Метеоры на трассе корабля!..

Алимкулов первым подбегает к двери с табличкой «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ» и распахивает ее.

Первый взгляд Алимкулов бросает на экран. В серебристо-черной бездне сияют два серпа — Земли и ее верного спутника Луны.

Второй взгляд Алимкулов бросает на световое табло.

Огонек ракеты попрежнему медленно ползет среди звезд, словно нанизанный на линию трассы. Кажется, ничто не предвещает опасности. Но люди уже знают о ее приближении!



— Убрать ракету с пути метеорного роя! Убрать с трассы! — командует Бахарев, замерший посреди отсека главного пульта. — Федор Платоныч, приготовьте программу для работы двигателей!

— Слушаюсь, Алексей Павлович! — отзывается академик Забродин, и его пальцы мелькают над клавишами счетной машины.

Первый отзвук космической грозы появляется в виде сухого треска. Это первое столкновение с крупинкой космического вещества весом в тысячную долю грамма. Потом колючий звук повторяется... Еще удар.

— Ускорьте, голубчики, операцию! — тихо просит Бахарев.

Забродин видит, как заложенные за спину руки Бахарева нервно сжимаются.

Звук трех ударов подряд!

— Насколько реальна опасность? — подступает к Градову Алимкулов.

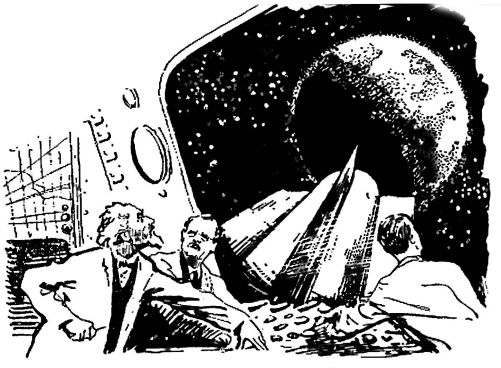
— Если ракету догонит всего один метеорит весом в несколько граммов, она будет уничтожена! — отвечает Градов.

— Такой крупный метеорит может встретиться ракете не чаще одного раза в сто лет! — замечает Забродин.

— Но не обязательно в последний день столетия, — включается в разговор Бахарев. — Столкновение может произойти и в двадцатый и в любой другой день полета.

— К тому же мы врезались в самую гущу метеорного роя! — отзывается Градов. — Глядите!

На большом экране зароились крошечные, разнокалиберные звездочки. Ну, точно пылинки в солнечном луче! Только эти пылинки пролетают мимо ракеты со скоростью ВОСЕМЬДЕСЯТ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ! Грохот становится частым и беспорядочным.



— Иван Митрофаныч, что же двигатели?! — тревожно спрашивает Бахарев.

Резко и сразу к звуку ударов метеоритов присоединяется грохочущий гул.

На экране видна кормовая часть ракеты. Из нее вырывается ослепительный сноп пламени. Он бьет не прямо назад, а немного вверх.

Все попорачивают головы в сторону табло.

Огонек ракеты начинает сползать с линии трассы. Он отдаляется от нее все скорее... скорее...

И в тот самый момент, когда улыбка облегчения готова затеплиться в уголках бахаревских губ, раздается самый сильный удар. Удар скрежещущий, гулкий!

Гаснет экран.

Гаснут контрольные глазки пульта.

Зловещая тишина. В полутьме не слышно дыхания людей.

Старый Бахарев шатается... хватается руками за грудь и, опускаясь прямо на пол, хрипло просит:

— Федор... там, в аптечке... на нижней полке...

К профессору кидаются три фигуры: Забродин, Градов и Алимкулов.

Они несут старого профессора по тесному коридору мимо двойного ряда дверей... Тупик. Здесь Градов нажимает в серой стене рычаг. Участок стены начинает опускаться вниз... Открывается ниша и дверь в ее глубине.

Под синим небом сверкают над облаками гигантские рефлекторы ЦСУ — Центральной станции управления. Гудит под ветром массивные фермы, врошие в приземистое железобетонное основание... Вдруг участок стены начинает опускаться вниз... Открывается ниша... дверь! Из двери Забродин, Градов и Алимкулов выносят Бахарева.

От приземлившегося невдалеке вертолета бегут Мажид Сармулатов и Дарья Матвеевна в белом халате.

Бахарев открывает глаза.

— Почему несете? — спрашивает он. — Не надо нести! Я сам...

Он опускает ноги на землю и действительно идет, поддерживаемый Градовым и Забродиным.

Когда старик видит бегущих навстречу Мажида и врача, он останавливается и, сжав лицо ладонями, задумывается...

— Что случилось?.. Куда вы меня?

— Немедленно вниз, в долину! — кричит Дарья Матвеевна. — Ему нельзя оставаться в горах! Я предупреждала!..

Оказывается, — об этом можно было догадаться и раньше — Центральная станция управления ракетой находится не в самой ракете, а на Земле.

Над облачным полем, кренясь прозрачной кабиной книзу, летит вертолет.

За рулями — Мажид Сармулатов.

Сзади над пилотами Бахаревым склоняется Дарья Матвеевна.

— Не очень резко, но вниз, вниз! — просит она пилота.

Мажид молча кивает, и вертолет погружается в туманное месиво облаков...

— Как вы смели?! Назад! В ЦСУ! — протестует Бахарев. — Мажид, вы слышите, что я приказал?!

— Среди больных приказываю я! — отвечает Дарья Матвеевна. — Вам нельзя оставаться в горах.

— Мне надо! Надо! Вы понимаете, что там происходит?! — разгневанно кричит старик.

— С вашим сердцем? С вашим давлением? Нельзя! Нельзя! Это очень трудно понять?!

— Мне надоело слушать одно и то же! — морщится Бахарев. — «Сердце — давление», «сердце — давление».

— Разве не все равно, как называется болезнь, из-за которой вы можете не узнать об итоге экспедиции на Венеру? — с расстановкой спрашивает старая женщина, и Бахарев сразу никнет.

— Ну-ну, — бурчит он, — нечего пугать старика. Стариков утешать надо. Мне вредно волноваться...

Дарья Матвеевна кладет руку на лоб профессора.

— Алексей Павлович, — печально говорит она, — мы друг о друге знаем все. Я знаю, как ждешь ты посадки на Венеру...

— Мне надо знать, на что я истратил последние двадцать лет жизни... может быть, всю жизнь, — тихо признается Бахарев.

— Так слушай меня, старый товарищ, — грустно и очень искренно говорит Дарья Матвеевна, — еще одно... только одно путешествие в горы... и ты больше ничего и никогда не узнаешь о своей ракете.

Оба задумываются о серьезном и грустном...

Вертолет над степью. Внизу — городок планетной обсерватории.

— Связь с ракетой восстановлена? — спрашивает Бахарев.

— Да, восстановлена. Она летит там! — раздраженно и с непонятной обидой машет рукой старая женщина. — Летит твоя ракета.

Помещение центрального поста.

Огонек ракеты снова ползет по линии трассы.

На большом экране попрежнему сияет «двойная звезда»: Земля и ее верный спутник. Словно ничего не случилось.

— Что же было?! — спрашивает Забродин Градова, когда он, тщательно просмотрев показания всех приборов пульта, возвращается на свое место.

— Разбита солнечная электростанция ракеты, — мрачно отвечает Градов.

— У нас осталась атомная электростанция, — облегченно вздохнув, успокаивается Забродин.

— Кроме того, разбит запасной бак рабочей жидкости.

— Что это значит?

— Если мы начнем тратить запасы жидкости на работу электростанции, у нас не останется ее для посадки на Венеру!

— Это катастрофа?.. — слышится голос журналиста Алимкулова.

— Это убьет Бахарева, — поворачивается к нему Градов, — он не должен узнать об этом.

— Что делать?.. Иван Митрофаныч, вы командир корабля! — говорит Забродин.

— Давайте думать вместе, — отвечает Градов. — вы теперь начальник экспедиции...

На двери, там, где обычно вывешивают «Без доклада не входить» и прочие негостеприимные надписи, висит табличка:

«Я ВСЕГДА И ДЛЯ ВСЕХ ДОМА»

Дарья Матвеевна снимает ее.

Это производит большое впечатление на Мажида. Низенький медлительный казах с горящими черными глазами порывисто шагает к старой женщине:

— Надо перелить кровь? Возьмите мою. У меня хорошая кровь. Я родился и вырос в степи!

Из глаз Дарьи Матвеевны выкатываются две скупые слезинки. Она привлекает к себе Мажида.

— Вы любите его, юноша... помогите мне оградить этого неугомонного старика от волнений. Спокойствие сейчас единственное лекарство, которое ему поможет.

— Никого не пущу! — клятвенно обещает Мажид. — Спать буду на этом пороге!

Обложенный подушками, Бахарев лежит на диване в своем рабочем кабинете при Планетной обсерватории. Сейчас особенно заметно, что старому ученому далеко за семьдесят лет, что он нездоров. Может быть, болезнь зажгла глаза старого ученого таким лихорадочным огнем? О чем думает он? Что его тревожит? Отсвет каких волнений делает старческие глаза такими выразительными?

«Можно обмануть старую женщину, можно обмануть всех, но... нельзя обмануть самого себя, — думает ученый. — Я уже стар и... «это» может прийти и завтра и через час... Значит, я обязан рассказать миру о своей догадке, убедить людей. Но как это сделать?.. Мне никто не поверит. Даже посмеются. И все же я обязан это сделать! Может быть, этой догадкой измерится впоследствии вся ценность моей жизни...»

О чем тревожится ученый? Он беспокойно ворочается в постели, протягивает руку к тумбочке и берет толстую тетрадь и авторучку.

— Если я подробно... последовательно расскажу, как я пришел к своей догадке, мне поверят, должны поверить! — бормочет ученый.

Он пытается что-то написать в тетради, но ослабевшие руки не слушаются. То тетрадь, то ручка выпадают из них. И Бахарев даже стонет от обиды, от отчаяния, от бессилия.

Скрипит дверь, на пороге — Мажид. Он подходит к постели, берет тетрадь и ручку и уносит на стол.

— Нельзя, Алексей Павлович, — строго говорит Мажид, — работать нельзя. Волноваться нельзя!

— Нельзя волноваться, — соглашается Бахарев, — и вот, чтобы я не волновался... придвинь диктофон.

— Дарья Матвеевна... — опять было начинает Мажид, но Бахарев улыбается и перебивает его:

— А мы, голубчик, ничего не скажем Дарье Матвеевне. Ей тоже вредно волноваться...

Мажид еще некоторое время крепится, стараясь сохранить на лице строгое выражение, но потом не выдерживает и улыбается...

Диктофон у постели ученого. Близко придвинув микрофон к губам, Бахарев протягивает руку и щелкает выключателем.

Вертятся бобины, протягивая ленту.

Бахарев сосредоточивается...

— Все началось с того, что мне никто не поверил. Отвергли результаты моего двадцатилетнего труда...

Глаза ученого, взгляд которых обращен в прошлое...

Через газетно-журнальное мелькание просвечиваются антенны, устремленные в безоблачное небо.

Все, что мы видим, — это воспоминания Бахарева. Вот он стоит, склонившись над лентой, и лихорадочно перебирает ее руками. Лента, испещренная загадочными значками, — во весь экран. Снимки этой ленты — на страницах газет и журналов. И дикторы всех частей света волнуют своих слушателей сенсацией:

— Новый радиотелескоп Планетной обсерватории принял загадочные сигналы с Венеры!

— Сигналы с загадочной планеты!

— Самая близкая и самая загадочная планета!

— Кто расшифрует загадочные сигналы?

— Растения-радиостанции!

— На Венере есть жизнь! Так утверждает знаменитый Бахарев!

— На Венере нет и не может быть жизни. Даже сам профессор Бахарев не обнаружил там воды и кислорода, — слышен властный голос академика Забродина.

Длинной указкой он постукивает по схеме, висящей перед ним. На схеме изображены Земля и Венера, соединенные двойной пунктирной линией. Забродин продолжает:

— Я предлагаю не совершать посадки на Венеру. Пусть ракета приблизится к планете, несколько раз облетит ее, произведет соответствующие наблюдения и вернется назад, на Землю... В заключение могу добавить: гипотезу профессора Бахарева о природе Венеры отвергаю не только я. Гипотеза профессора Бахарева не отражает мнения большинства астрономов-планетчиков!

— В подобных вопросах большинство не всегда оказывается правым! — с живостью, свойственной темпераментным людям, отзывается Бахарев. Он стоит у своей схемы экспедиции на Венеру. Здесь планеты соединены не двойной, а одинарной линией.

— И докажет это экспедиция не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру, уважаемый Федор Платоныч!

Мы переносимся в квартиру Бахарева. Профессор лежит в кровати, в его руках микрофон. Усталые, больные глаза. Крутятся бобины, протягивая ленту. Бахарев думает мгновение и, напрягаясь, говорит в микрофон:

— Это была кульминация, высшая точка спора, который начался пятнадцать лет назад. Это было... мое поражение.

Мы снова там, где обсуждаются проекты экспедиции на Венеру. Движение в группе конструкторов. Поднимается молодой инженер Градов.

— Алексей Павлович, — говорит он, обращаясь непосредственно к Бахареву, — мне лично... интереснее верить, что жизнь на Венере есть. Мне интереснее проектировать ракету для полета не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру, как предлагаете вы. Но... дайте нам не гипотезу, а точные, хорошо проверенные данные для конструирования такой ракеты. Что ждет ракету на Венере? К чему мы должны подготовить ракету заранее? Напоминают ли условия Венеры хотя бы приблизительно что-нибудь земное? Ну... нашу сибирскую тайгу, пустыню Сахару, долину реки Миссисипи...

— Мы не имеем права думать, что условия Венеры похожи на земные, — «директивным» голосом отвечает Забродин. — Венера — это не Земля, не Марс, а Венера. Свои условия. Свой путь развития. Свой мир, который нам не известен и ни на что нам известное не похож.

Градов поворачивается к Бахареву, и тот говорит:

— На Венере сейчас приблизительно такие же условия, какие были на Земле триста миллионов лет назад!

— Мы точно знаем, что было на Земле триста миллионов лет назад? — терпеливо спрашивает Градов.

— На этот счет имеются только предположения, гипотезы! — улыбается академик Забродин.

— Простите, Алексей Павлович, но... вслепую проектировать ракету для посадки на Венеру невозможно! — заключает Градов дискуссию.

Слышен тихий голос Бахарева, говорящего в микрофон:

— И Градов был прав. Доказать мою правоту мог только полет на Венеру. А на Венеру нельзя было лететь потому, что ракету невозможно проектировать вслепую. Я понимал, что гипотезы одного, хоть и важного, старика не могут соперничать с убеждением большинства и отсутствием точных данных о Венере. Разумеется, мы не могли и подозревать, что в это самое время под землей происходит такое, что спутало наши споры, выводы, гипотезы!

Киноаппарат переносит нас в шахту. Молодежная бригада во главе с Мажидом Сармулатовым в хорошем темпе ведет смену.

...Бывают удачные дни: машина ровно и мощно рокочет мотором. Глыбы жирного угля согласно и охотно рушатся на ленту транспортера. И хочется, чтобы эта слаженность и деловитая легкость продолжалась бесконечно... Глаза недавних ремесленников — русских и казахских пареньков — полны азарта и ликования.

Неожиданно в угольной толще скрежещут зубья и лопается цепь режущего механизма. От звука, резанувшего по сердцу, у Мажида чуть слезы не полились из глаз. Он выключает мотор и кричит:

— Лешка, подрывника!

— Зачем? Давай сращивай цепь и еще попробуем! — советует долговязый белобровый Лешка.

— Подрывника! — блестят черные глаза Мажида.

Гремит взрыв.

Бригада во главе с Мажидом пробирается в забой.

Мажид первым наводит свою лампу на развороченный взрывом угольный пласт. Он светит в его недра и видит то, из-за чего запоминает этот день на всю жизнь.

Из неровной черной стены торчит... металлическое полушарие.

Мажид пробует ковырнуть ломиком около этого полушария, и вдруг из толщи «угольного пакета» выпадает черная глыба. Полушарие словно впалко в эту глыбу.

— Каких только штучек в угле не находишь?! — бормочет над Мажидовым ухом Лешка. — То целые бревна окаменелые, то листики...

— Листики! — сиплым от изумления голосом шепчет Мажид. — Листики вырастают, а эту штуку... сделали!

Мажид светит вокруг и находит еще одну глыбу с «гнездом» в середине. Он соединяет их, и полушарие оказывается в недрах одной большой угольной глыбы.

— Давай ноччай работу! — вдруг приказывает Мажид и, кивнув Лешке, выбегает из забоя. Он прижимает находку к груди.

Клеть подъемника с рабочими взлетает на-гора.

— Бомба, Мажид? — спрашивает Лешка, опасливо поглядывая на полушарие.

— Откуда может оказаться в угле бомба?! — отвечает Мажид.

Перемазанные угольной пылью Мажид и Лешка катят железную тачку по двору шахтоуправления.

В тачке громыхают два угольных куска и... цельный металлический шар величиною с арбуз.

Они прямо с тачкой въезжают в здание шахтоуправления. Вокруг них толпа. Все кричат, размахивают руками, хватают рабочих за плечи. Лешка суетливо отмахивается свободной рукой. И только Мажид невозмутим. Он упорно пробивается вперед, к двери с табличкой «Главный инженер».

— Они с ума сошли! Прямо с тачкой въехали! — сообщает всем вновь подбегающим секретарша «главного».

По коридору бежит дежурный врач в белом накрахмаленном халате.

На шум открывается обитая коричневой кожей дверь и выходит «главный». Он машет рукой и грозно глядит на тачку. Взглянув, говорит последние разумные слова, которые слышали от него в этот день. Он говорит:

— Откуда это у вас, Сармулатов?!

— В угле нашли. В пласту, — отвечает Мажид, — давай организуй комиссию, Иван Иваныч.

«Главный» берет шар, прижимает к белой шелковой груди и идет в кабинет. Мажид с Лешкой беспрепятственно катят за ним тачку по красной плюшевой дорожке.

Дверь, обитая коричневой кожей, захлопывается перед носом секретарши.

Тишина и недоумение в приемной.

Когда через минуту секретарша заглядывает в кабинет, мы видим: Иван Иваныч — черный, потный и сопящий над угольной глыбой — машет досадливо рукой:

— Нету, нету меня! Дома... или там... в тресте!

Секретарша понимающе кивает головой и осторожно прикрывает дверь.

— Совещается с бригадиром молодежной бригады, товарищем Сармулатовым, — поясняет она собравшимся...

Вечером того же памятного дня...

Планетная обсерватория.

Градов почти бегом проходит мимо грандиозной антенны радиотелескопа и стройной башни главного инструмента обсерватории... В саду, где причудливо смешались представители скудной растительности Крайнего Севера, высокогорных областей Памира и безводных пустынь Средней Азии, Градов встречается с врачом профессора Бахарева. Старая женщина воинственно настроена.

— Предупреждаю вас, молодой человек! — еще издали начинает она. — Я запретила профессору Бахареву волноваться. Я запретила ему заниматься даже его депутатскими делами!

Она решительно загораживает инженеру путь к профессорскому особняку.

И очень может быть, что женщина так и не пустила бы Градова к профессору, но... у особняка слышится грохот и старческий голос...

Взъерошенный профессор Бахарев в полосатой пижаме, размахивая большим молотком, приколачивает что-то к двери и кричит между ударами:

— Уговаривать меня приехали?.. Ну идите! Идите сюда!.. Да не слушайте вы эскулапа! Эта старая женщина понимает в сердцах, но ничего не смыслит в людях!

Дарья Матвеевна обиженно поджимает тонкие губы и, ни слова больше не говоря, идет вон из сада... Дорога к профессорскому дому открыта.

Бахарев уже приколотил к двери табличку, на которой написано:

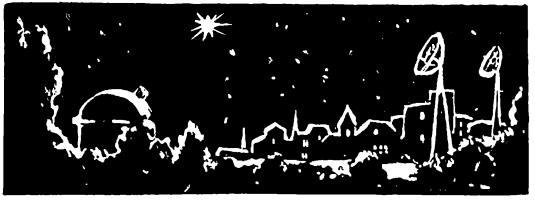
«Я ВСЕГДА И ДЛЯ ВСЕХ ДОМА!»

В кабинете он влезает на стул и вешает над своим рабочим столом другую табличку, на которой значится:

«ПРОШУ САДИТЬСЯ БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ!»

— Мои избиратели еще не отзывали меня! — говорит старик и, спрыгнув со стула, усаживается на диван.

— Ну-с, голубчик Иван Митрофаныч, вы приехали уговаривать мсия? Начинайте, — Бахарев складывает руки на груди и приготавливается слушать терпеливо и долго. Но... не успел Градов и рта раскрыть, старик, встрепенувшись, добавляет: — Только предупреждаю: никакие уговоры не заставят меня отказаться от результатов пятнадцатилетних трудов. Я никогда не соглашусь с проектом Забродина. Никогда! Не для того народ избрал меня



своим депутатом, чтобы я помогал без всякого смысла выбрасывать миллиарды народных рублей на ветер... на небо!

— Алексей Павлович, ради бога, разрешите и мне высказаться?

— Ну-ну, чего вы там кипятитесь? — ворчит Бахарев, в гневе которого много усмешки и озорства.

— Разговор не о проектах! Случилось невероятное, и если можете, вам надо немедленно поехать в Академию наук, — говорит, наконец, Градов, полный радостного нетерпения.

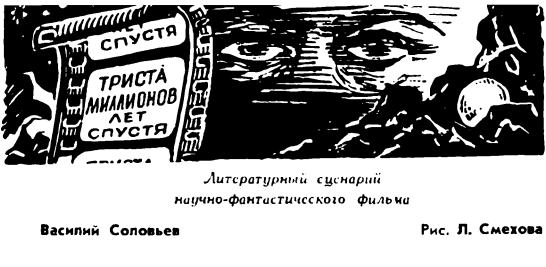
— Зачем?

— Не могу... пока не имею права объяснить, но поехать надо. Алексей Павлович, вы потом поймете, поверьте мне!..

Крутятся бобины. Тянется лента. Мы вновь слышим голос Бахарева:

— Невероятное уже случилось. А люди еще не знали, и все на Земле шло своим чередом...

(Продолжение следует)



Литературный сценарий
научно-фантастического фильма

Василий Соловьев **Рис. Л. Смехова**

К зданию президиума Академии наук мчатся автомашины. Летят вертолеты.

Солидные люди медленно поднимаются по парадной лестнице. Всех встречает секретарь президиума — представительная, сдержанная молодая женщина.

— Почему меня оторвали от дела? Что случилось? — спрашивает у нее академик Забродин.

Она только загадочно улыбается:

— Чрезвычайное происшествие, Федор Платоныч.

Из очередной машины выскакивает расторопный Алимкулов.

— Рада видеть вас, — мрет ему навстречу женщина, — но журналисты не приглашены на совещание...

— Настоящие журналисты не ждут приглашения, — восклицает Алимкулов, целуя руку женщины, — настоящие журналисты угадывают сами, где им надо быть!

И, прицеливаясь на ходу объективом фотоаппарата, он устремляется навстречу Градову и Бахареву, которые выходят из машины.

— О-о, вас подняли с постели, Алексей Павлович! Что за чрезвычайное происшествие?

— Если даже вы не знаете, голубчик, откуда знать мне? — хмуро отзывается старик.

По лестнице спускается академик Забродин.

— Очень рад видеть вас, уважаемый Алексей Павлович, — говорит он, протягивая руку Бахареву. — Как ваше здоровье?

— Прихварываю помаленьку, но в мои годы это неизбежно, — отвечает профессор.

Они жмут друг другу руки, потом отступают на один шаг и церемонно раскланиваются — корректность противников.

— Вы не могли бы уделить мне двух минут? — спрашивает Забродин, поддерживая Бахарева за локоть.

— С удовольствием, уважаемый Федор Платоныч! — расшаркивается Бахарев.

Они сходят по лестнице вниз и направляются в одну из пустынных аллей парка. В тени акаций останавливаются, и Забродин сразу, без обиняков, начинает:

— Время идет, а дело ни с места. Мы упустим выгодное взаимное расположение Земли и Венеры. И тогда экспедицию снова придется отложить...

— Экспедиция имеет смысл только в одном случае: если она посвящена ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ НА ВЕНЕРЕ! — отчеканивает Бахарев. — А изучать жизнь планеты, не опускаясь на нее, как предлагаете вы, изучать жизнь сквозь НЕПРОНИЦАЕМЫЙ ОБЛАЧНЫЙ СЛОЙ — НЕВОЗМОЖНО!

— И все же нам с вами необходимо прийти к единому мнению. Договориться, наконец! — терпеливо настаивает Забродин.

— Нам? Договориться?! — изумляется Бахарев. — О чем? О том, что на Венере нет жизни? И вы думаете, она исчезнет, жизнь на Венере, если мы с вами договоримся?.. Да если все человечество «договорится» до такой нелепости, на Венере ничто не переменится.

— Нелепая, трагикомическая ситуация, — с удивлением качает головой Забродин. — Вы всю жизнь отдали подготовке межпланетных перелетов. И теперь, когда время первого вылета в космос

---

1 Продолжение. Начало см. в № 3.

пришло, вы, именно вы, Алексей Павлович, оказались главной преградой в этом деле.

— Почему я? Я в меньшинстве. Голосуйте, и ваш проект будет принят.

— Пока мы с вами не придем к единому мнению и не подпишем заключения комиссии... правительство не утвердит никакого проекта! — всердцах кричит Забродин, потеряв всякую выдержку.

И, может быть, только для того, чтобы досадить ему, Бахарев спокойно, тихо и внятно заключает разговор:

— Ракета должна лететь не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру!

Старый профессор поворачивается и быстро уходит.

Большой металлический ящик. Он стоит на красном бархате стола президиума. За столом, кроме президента, только двое — Мажид и Лешка.

Когда последние из прибывших на совещание — Забродин и Бахарев — усаживаются в противоположных концах зала, президент поднимается. Он явно взволнован и даже смущен. Он хочет что-то сказать, но раздумывает или не находит нужных слов. Потом молча открывает ящик и вынимает из него сначала... пук грязной ваты... потом глыбу каменного угля.

Участники совещания недоуменно переглядываются.

Президент разъединяет куски угля, из которых сложена глыба, и вынимает... шар — загадочную находку шахтеров. Нервно посмеиваясь, говорит:

— Прошу... поглядеть на этот шарик и... пощупать его руками.

Покрытый черными крапинками шар тускло поблескивает при свете люминесцентных ламп.

Шар передают из рук в руки.

Те, к кому он попадает, выражают на лицах вежливую заинтересованность. С подчеркнутой добросовестностью осматривают шар, гладят его, царапают ногтем, стучат костяшками пальцев и... передают дальше. И снова все начинается сначала. Лишь иногда слышится бормотание:

— Шар как шар... Тяжелый... Цельнолитой, вроде ядра...

Когда шар попадает в руки Бахарева, старик «взвешивает» его и недовольно спрашивает:

— Для того нас и вызвали сюда, чтобы шарином играть? Во всяком случае, зачем здесь понадобились астрономы?

Градов переглядывается с президентом, предвкушая эффект, который вызовет разъяснение. Однако президент не спешит удивить аудиторию. Он только говорит:

— Я затрудняюсь сказать заранее, кто окажется здесь нужнее — астрономы, палеонтологи, геологи или представители любой другой науки. Я не знаю, кого больше всех заденет это событие.

— Какое событие? К чему игра в таинственность? — нетерпеливо спрашивает Забродин.

— Товарищ Градов, доложите нам о результатах предварительного исследования шара,—просит президент и садится на свое место.

— Академик Ефремов утверждает, что металл, из которого выплавлен шар, является для него... загадкой. Технология получения такого сплава не известна нашей науке, — так начинает Градов.

Бахарев, который хотел уже было передать шар дальше, вырывает его из очередных рук и прижимает к груди.

— Во всяком случае... металл шара обладает целым рядом свойств невероятных. Например, он абсолютно непроницаем для жестких рентгеновских лучей, непроницаем для ультразвука, не плавится при пяти тысячах градусов... — продолжает Градов.

— Позвольте, позвольте! — перебивает Бахарев. — Не торопитесь и начните сначала. Прежде всего: что ЭТО и откуда ОНО взялось?

— Для того мы все здесь и собрались, чтобы СООБЩА ответить на эти вопросы, — смеется президент и обращается к шахтерам: — Кто из вас расскажет, товарищи?

— Могу я, — с готовностью дергается Леша. Но Мажид «осаживает» приятеля.

— Я расскажу, — неторопливо поднимается он.

В просторном помещении секретариата толпятся многочисленные газетчики.

Распахивается дверь, за которой происходило совещание. Выходит президент.

— Магнитофон, кинооператора! Немедленно! — приказывает он и обращается к газетчикам: — Товарищи, нужен только один из вас.

— Значит, я! — тотчас выходит вперед Алимкулов.

Все засмеялись, но возражать не стали.

Вспыхивает «мигалка». Объективы фотоаппаратов направлены в сторону двери, из которой выходят Бахарев с Мажидом. В руках старика шар, который он теперь не хочет отдавать никому. Старый профессор выглядит ошеломленным, помолодевшим и счастливым.

Президент берет под руки Бахарева и Забродина и направляется к выходу.

По улицам города мчится вереница легковых автомашин. И мы слышим голос Бахарева:

— Кажется, что удивительного может произойти в век атомной энергии и счетных машин, в век строительства искусственных спутников Земли и подготовки межпланетных экспедиций? Оказывается, удивительное может случиться и в такой век. Может! Случилось!

Машина президента. На переднем сиденье — президент и Забродин.

На заднем — Бахарев и Алимкулов.

Старый профессор вкладывает в руки журналиста шар:

— Шар как шар, что же тут необыкновенного, не так ли, голубчик? — спрашивает он. — Но есть основания думать, что он попал в угольный пласт во времена образования угля на Земле.

— Триста миллионов лет назад?! — изумляется Алимкулов и невольно отдергивает руки.

— А могли на земном шаре триста миллионов лет назад быть люди? — спрашивает Бахарев.

— В каменноугольный период? Нет. Обезьян даже не было, — неуверенно отзывается журналист, привыкший задавать вопросы, но уж никак не отвечать на них. — Хвощи были. Папоротники древовидные были... Стегоцефалы были... А шар сделали люди?

— Не могли же стегоцефалы отлить шар! — кричит старик. — Откуда он взялся, голубчик? Откуда?

— И вы не знаете? Кто знает? Он знает? — журналист указывает на Забродина.

— И я не знаю, — оборачивается к ним Забродин. — Я знаю только одно: шар не мог пролежать в земле триста миллионов лет. По одной простой причине: триста миллионов лет назад его никто не мог сделать. Слишком неправдоподобно!

— Для вас! — азартно говорит Бахарев.

— Почему только для меня?

Бахарев вместо ответа вкладывает загадочный шар ему в руки.

— Шара не может быть, а он есть. Вот он. Чувствуете, какой тяжелый? Смотрите на него!

— Предпочитаю не верить своим глазам и рукам, чтобы не поверить в чудеса, бога и чорта! — говорит Забродин, возвращая шар Бахареву.

— Вот-вот! — смеется в ответ Бахарев. — Чувствуете, как шар требует себе места в наших теориях? В какой из них ему найдется местечко, а, Федор Платоныч?

— Вы догадываетесь, откуда шар взялся? — поворачивается к Бахареву президент.

— Каждый из нас догадывается... и каждый по-своему! — уклончиво отвечает Бахарев. — О своем предположении я... не решаюсь сейчас сказать, оно слишком... невероятно. Кстати, мы приехали.

Машина останавливается.

Эти бурные сутки исследователи загадочного шара воспринимали как нечто нереальное. Каждый из них в отдельности и все вместе то впадали в задумчивость, строя всевозможные предположения, то начинали бурно спорить.

Так было и сейчас.

Загадочный шар в руках молодцеватого и по-военному подтянутого профессора. Он осторожно кладет шар под жерло мощной «кобальтовой пушки».

Остальные участники «чрезвычайного совещания» наблюдают за ним через большое смотровое окно из другого помещения. У всех возбужденное состояние. Все настороженно ждут чего-то неожиданного, невероятного.

— Попробуем гамма-лучами! — говорит молодцеватый профессор, выходя к остальным. Он садится за небольшой пульт перед смотровым окном. — Для «кобальтовой пушки» шар окажется прозрачным, как хрусталь, и мы увидим, что в нем есть. Полторы тысячи грамм-эквивалентов радия! Сейчас эти «полторы тысячи грамм-эквивалентов радия» что-то приоткроют в загадке шара...

Профессор переводит пластмассовый рычажок, и тотчас на его пульте вспыхивает маленький красный глазок. Слышится легкое гудение.

— Радиоактивный кобальт из бункера транспортируется в пушку! — говорит профессор.

Зеленая лампа над пушкой в этот момент мигает и гаснет. Вместо нее вспыхивает красная лампа.

Нервное напряжение туманит лица ученых.

— Просвечивание началось! — объявляет профессор.

Кинооператор снимает пульт, пушку, шар под ее жерлом...

Крутятся катушки магнитофона. Звукооператор записывает малейший шорох, который сопровождает это необыкновенное «совещание».

Карандаш Алимкулова лихорадочно скользит по листкам блокнота.

Мажид и Лешка, захваченные всем происходящим, скромно притулились на одном стуле.

Профессор берется за рычаг, собираясь прекратить облучение. Стрелка хронометра на пульте завершает минутный круг.

— Удвойте экспозицию, профессор! — тихо просит его президент.

— Помилуйте! — обижается профессор. — В природе нет вещества, которое оказалось бы непрозрачным для гамма-пучка такой мощности!

Однако он ждет, пока стрелка хронометра сделает еще один минутный пробег.

Вместо красной лампы над пушкой опять вспыхивает зеленая.

— Проявите пленку, — распоряжается профессор.

Лаборант в белом халате несет кассету с пленкой в проявочную.

— Если в шаре что-то есть, мы сейчас увидим! — уверенно обещает профессор.

Открывается дверь лаборатории. С мокрой пленкой в руках входит лаборант.

Профессор — руководитель института — первым глядит пленку на просвет.

— Пожалуйста, — не совсем уверенно говорит он, протягивая пленку Бахареву.

Пленка. На засвеченном непроницаемо-черном фоне фотопленки — четкая белая «тень». Так что же это: шар или ядро? Есть что-нибудь внутри?

— Нашлось в природе вещество, непроницаемое и для гамма-лучей, — улыбается президент руководителю Института радиоактивных веществ.

— Фантастика! — соглашается тот.

Пленка идет по рукам. Слышатся разочарованные возгласы.

— А не пора ли, товарищи... вспомнить о моем институте? — спрашивает в это время молодой ученый, который из скромности не сказал до сих пор ни слова.

— Ускоритель на сто миллиардов электрон-вольт? — говорит президент, глядя на Забродина, Бахарева и Градова.

— Поехали! — машет рукой Градов.

Машины длинной вереницей мчатся по ночным улицам города. В небе сияет Луна. Летят поперек извечного движения звездной сферы «фонарики» искусственных спутников. Их теперь много — новых планет, изготовленных на заводах.

Спор не прекращается и в машинах.

— Определенно в шаре что-то есть! — кричат из одной.

— Устали глаза — вот мы и начинаем видеть, что нам хочется! — возражают из другой.

— А что нам хочется видеть? Вы знаете?

Темнеет силуэт большого здания, в котором разместился «ускоритель». Вереница машин останавливается у его подъезда.

Нетерпеливой студенческой толпой ученые проходят через двери с тамбуром, идут по глухому длинному коридору. Все одеты в белые халаты и прозрачные пластикатовые полукомбинезоны... Двойные двери. Видно, как толсты стены помещения.

Молодой и застенчивый руководитель института сидит перед небольшим смотровым окном с очень толстыми свинцовыми стеклами. Он подает сигнал на пульт управления «ускорителем». В ответ согласно мигают многоцветные огоньки.

Мажид разгоревшимися глазами заглядывает в смотровое окно. Через толстые стекла видны горячая камера и металлические «лапы» манипулятора, которые свешиваются в камеру откуда-то сверху.

Нажимается кнопка.

Под «лапами» в камере появляется наш загадочный шар.

Руководитель установки продевает пальцы в кольца рычагов манипулятора.

— Разрешите начинать? — обращается он к президенту. — Я готов.

— Да, да, Владимир Николаевич! — кивает ему президент. — Вы здесь хозяин, мы гости.

Руководитель установки производит руками движения, которые со стороны кажутся странными, даже магическими.

Через смотровое окно видно, как оживают «лапы» горячей камеры. Одна из них хватает рычаг, торчащий из стены, и двигает его в сторону. Открывается круглое отверстие. Тотчас же на противоположной стене камеры засветилось голубое яркое пятно. «Лапы» берут шар и устанавливают его в голубом луче. В середине голубого пятна на стене появляется прозрачная тень шара. И на ней отчетливо видно...

Шар полый! И в нем что-то есть!

Ученые еще плотнее сбиваются у смотрового окна.

По краю тени шара светится более прозрачный ободок, а в середине темнеет четкий силуэт какого-то продолговатого предмета.

— Внутри шара еще один шар, — бормочет Градов, — а в том шаре что-то лежит.

Работают руки ученого. Движутся рычаги манипулятора.

Движутся металлические «лапы» в камере, поворачивая шар в мощном голубом луче.

Вдруг из недр камеры слышится щелчок, и возникает легкое шипение.

Владимир Николаевич окидывает тревожным взглядом приборы... Нажимает рычаг...

В камере пропадает голубой луч, но шипение не прекращается. Оно даже усиливается.

— Что случилось? — спрашивает президент.

— Не знаю. Я уже остановил «ускоритель»...

— Это он шипит! Шар шипит! Он дрожит! — восклицает Мажид.

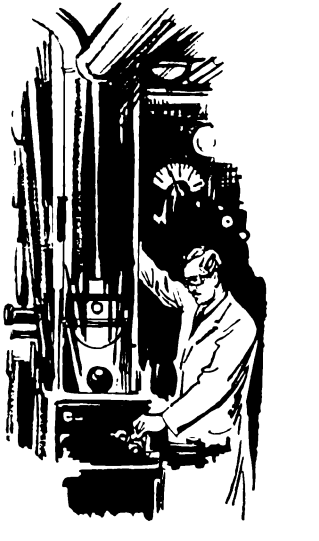
— А вдруг это бомба! — шепчет Лешка, оттаскивая товарища от смотрового окна.

Мажид вырывает руку. Однако на некоторых участников «совещания» замечание Лешки производит впечатление. Они начинают отходить от смотрового окна.

«Лапы» манипулятора расходятся в стороны и выпускают шар. Он действительно дрожит... потом начинает дымиться.

— Горячая камера находится под землей, в бетонированном колодце, — поясняет Владимир Николаевич малодушным, — мы заглядываем туда через перископ.

Но... теперь только он сам, президент, Бахарев, Забродин, Градов и Мажид остались у смотрового окна.



Тесно сдвинув головы и прижавшись носами к стеклу, они жадно глядят и ждут... ждут того, что называется чудом.

С резким шипением шар вдруг выбрасывает из себя струю голубых мелких искр.

Люди невольно закрывают глаза, отшатнувшись. А когда открывают их...

В камере лежат две половинки шара. Вернее, на две половинки распалась толстая металлическая «скорлупа» шара. А из ее недр выкатился... новый шар. Он пестро и очень ярко раскрашен.

— Оператор! Кинооператор, снимайте! — кричит президент.

— Да, да, я сейчас... заело! — бормочет оператор, вытягивая руки с камерой.

Все уже устыдились минутной слабости и кидаются к смотровому окну.

— Газ, который был в шаре, не улетучился? — тревожно спрашивает Бахарев. — Для науки сейчас дорого все! Вплоть до погасших искр!

— Нет, нет, состав газа и его количество мы узнаем! — заверяет его Владимир Николаевич, который поглядывает кругом, не скрывая торжества и гордости за свою мощную технику.

— Смотрите! Смотрите! — кричит Забродин. — Ведь это изображение какой-то планеты!

Раскрашенный шар во весь экран. Должно быть, его краски светятся — так они выразительны и ярки.

— Уберите свет! — просит президент.

Свет гаснет. В темноте шар сияет маленькой самосветящейся и прекрасной планеткой. Океаны, моря и синие реки, материки, покрытые долинами и горами, — все это непривычных очертаний. Поражает отсутствие густой зелени на этой планете. Бледная желтозеленая краска, однако, разлилась по южному и северному полушарию и господствует на планете. Она захлестнула даже полюса! Планетка охвачена координатной сеткой. Но... то, что должно быть цифрами и надписями, не имеет привычного вида арабских или римских цифр и начертаний букв известных на Земле алфавитов!

— Это Марс? — слышен голос потрясенного Градова.

— Нет, голубчик, — отвечает голос Бахарева.

— Венера?

— О нет! — уверенно отвечает Бахарев.

— Вы можете назвать эту планету? — слышен саркастический голос Забродина.

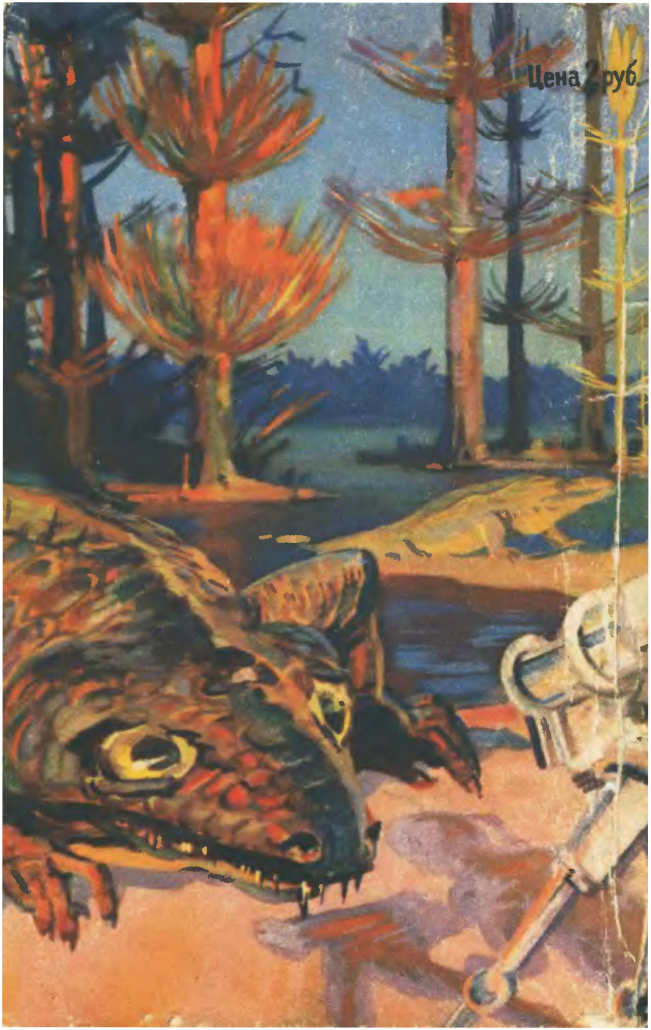
— Да, — отвечает Бахарев. — Такой была наша Земля триста миллионов лет назад. Это Земля!

Кто-то щелкает выключателем, и вспыхивает свет.

— Земля?! — ошеломленно переспрашивает Градов.

— Откуда она взялась? Не стегоцефалы же сделали шар!..

(Продолжение следует.)


Цена 2 руб.

Литературный сценарий научно-фантастического фильма

(Продолжение)

Василий Соловьев ***Рис. Л. Смехова***

1980 год... Гигантская ракета-автомат отправляется на Венеру. Неожиданно она сталкивается с метеорным роем. Связь обрывается. Руководитель экспедиции — старый профессор Бахарев — чувствует себя плохо. Со станции управления ракетой, находящейся в горах, его отправляют домой, в Планетную обсерваторию. Здесь Бахарев и рассказывает о событиях, которые предшествовали запуску ракеты.

Все началось с того, что новый радиотелескоп Планетной обсерватории уловил странные радиоизлучения Венеры. Бахарев объявил, что это сигналы жизни. Академик Забродин выступил с заявлением, что на Венере нет и не может быть никакой жизни. Спор ученых достиг апогея, когда было принято решение об исследовании Венеры специальной ракетой-автоматом.

Академик Забродин предложил запустить автомат так, чтобы он облетел вокруг Венеры и вернулся на Землю. Бахарев вместе с конструктором Градовым предложили другой проект: оставить ракету на Венере! Но тут произошло удивительное событие. Шахтеры Мажид и Лешка нашли в толще угольного пласта металлический шар. Специальная комиссия пришла к выводу, что шар попал в недра угольного пласта ОКОЛО ТРЕХСОТ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД! Кто изготовил его? Кто положил в землю?

Крупнейшие ученые республики во главе с президентом республиканской Академии наук принимаются за исследование загадочного шара.

Когда шар начали «просвечивать» мощным потоком частиц в гигантском ускорителе, он вдруг раскрылся сам собой. А внутри металлической «скорлупы» оказался своеобразный «глобус» — модель какой-то неведомой планеты. «Это Марс?.. Венера?» — терялись в догадках ученые. «Это Земля. Такой была наша Земля триста миллионов лет назад!»

Так сказал профессор Бахарев...

— Алексей Павлович — неисправимый геоцентрист, — смеется Забродин. — Ему всюду мерещится Земля. На Марсе он обнаружил голубую тянь-шаньскую ель, на Венере — каменноугольный период...

— Нет, вы уж позвольте, Федор Платоныч! — вдруг выступает вперед сухоньний старичок. — Я, как тектонист, заявляю: Алексей Павлович прав. Именно таким было расположение материков на Земле в каменноугольном периоде, в Карбоне!

Поддержка оказывает на Бахарева неожиданное действие. Он вдруг затрясся от гнева и, покраснев, кричит на Забродина:

— А вы, милостивый государь, идеалист! Идеалист все последние пятнадцать лет жизни! Разучившийся мечтать, собиратель мертвых фактов!

— Что здесь происходит?! — слышится возмущенный женский голос.

Все оборачиваются. В дверях стоит Дарья Матвеевна.

— Шесть часов утра, — говорит она, — поглядите друг на друга. Вы больные люди. Все, все больные люди.

Ученые переглянулись. После пережитых волнений и бессонной ночи они выглядели неважно. Лица у всех, и особенно у Бахарева,

---

Начало см. в № 3 и 4 за 1956 год.

были землистыми, под глазами зияли темные круги. А Дарья Матвеевна обратилась к президенту:

— Товарищ президент, позвольте вам заявить, что вы растранжириваете здоровье наших ученых!

— Дарья Матвеевна, бывают случаи... — миролюбиво начинает президент, однако старого врача не так-то легко остановить.

— Да, да, товарищ президент, растранжириваете. А профессора Бахарева вы хладнокровно убиваете! У профессора Бахарева постельный режим. Но профессор Бахарев тоже здесь и продолжает изнурительную войну с академиком Забродным. Почему вы до сих пор не можете примирить их?! — И Дарья Матвеевна своей мужской походкой, развернув по-солдатски плечи и высоко неся голову, выходит из зала и идет по длинному коридору.

Из подъезда вслед за ней выходят наши ученые. Они щурятся под лучами солнца и в молчании расходятся по своим машинам. Все устали, очень устали, и это особенно заметно при бодрящем свете утреннего солнца.

Один только сухонький старичок, назвавший себя тектонистом, выглядит именинником. Он хватает всех за руки и приговаривает:

— Бесценные, бесценные факты! Бесценные для палеоклиматологов! Бесценные для палеогеографов, для всех исследователей далекого прошлого Земли!

Алимнулов намеревается опять сесть в машину президента следом за Бахаревым. Но президент довольно недвусмысленно загораживает ему дорогу:

— Итак, до вечера. Спать и ни о чем не думать. Вечером все должны приехать со свежей головой. Вечером мы поглядим, что находится внутри шара. Мы еще не знаем главного. Мы не знаем, откуда шар взялся и что это такое!

И машина трогается с места.

Солнце поднялось над горами. Лучшие часы в жизни любого города, а тем более южного.

Журчат арыки, в цветниках, окаймляющих тротуары, плещутся фонтаны. Под ветерком, прилетевшим с гор, шелестят акации, березы, тополя, карагачи, ветви которых переплелись над улицами сплошным зеленым шатром.

— Я думал, откроется шар, из него... джин вылетит, как в сказке. Начнет летать по комнате, чудеса делать. А там... глобус оказался. Обидно очень... Совсем ничего не понимаю... А ты понимаешь? — раздумчиво спрашивает Мажид. Они с Лешкой медленно идут по улице.

— Да! — счастливо подхватывает Лешка. — Нас с тобой для кино в Академии наук снимали, потом — когда я в машину залезал, потом — когда мы с ящиком из машины вылезали, потом — когда его пушкой просвечивали, потом — когда он раскрылся! Пять раз для кино снимали!

Лешка возбужден. Он влюбленно сверху вниз заглядывает в Мажидовы глаза, хватает его за локоть, забегает то с одной, то с другой стороны.

— Мажид, в парк пойдем? Подкрепимся шашлычком, а потом в пруд, а? Поныряем и в кустиках завалимся спать, а, Мажид?

— Чего в «кустики»? Какие «кустики»? — удивляется Мажид. — Работать за нас кто будет? Иван Иванович? Нам в утреннюю смену, ты забыл?

— Чего?!. — по-настоящему опешил Лешка. — Шарик-то еще не до конца открыли!

— Без нас откроют, Лешка! — объясняет Мажид. — У них своя работа: шарики открывать. У нас своя: уголек рубать!

— Мажид... Ты погоди, Мажид. — Лешка даже растерялся. — Да ты не понимаешь, что ли? Мы ж теперь... фигуры! Нам академики ручку жали! Мы ведь шарик-то нашли! Мы!..

— А какая наша заслуга, что нашли? — рассудительно замечает Мажид. — Нашли мы — могли другие найти.

— Могли другие, да не нашли. А мы нашли. Значит, наше счастье. И пользуйся, раз привалило! — горячится Лешка, возмущенный непонятливостью друга чуть ли не до слез. — Нам повезло!

Лешка дрожит, как в лихорадке. Когда Мажид, наконец, понимает Лешкины планы, ему делается противно.

— Ну, справку тебе здесь дадут. Начальство прогула не запи-

шет, — неприязненно говорит он, — а я не начальство, учти! Из нашей бригады уйдешь!

И маленький Мажид широко зашагал на своих коротких ногах прочь от Лешки.

— Да ты же чудной, Мажид! — кричит ему вдогонку Лешка. — Ты ничего не понимаешь в жизни! Ты дурень несусветный!

...Сад на даче президента. В гамаке под старым кленом — профессор Бахарев. Прищурившись, он смотрит в зеленую чащобу, опрокинувшуюся над ним, и... мечтает вслух:

— Кто сказал, что мы не знаем, откуда взялся шар? Знаем!

— Откуда? — слышен голос президента.

— Шар оставлен теми, кто смотрел на нашу Землю со стороны, из другого мира. Земной шар казался им прекрасной голубой звездой... точно такой, как Венера! Они видели мощную голубую атмосферу. «Что закрывает атмосфера голубой звезды от метеоритов, космических лучей и губительных излучений Солнца?» — думали они. И поняли: жизнь! Жизнь! И они решили нанести визит жителям голубой звезды!

— Кто «они», Алексей Павлович? — спрашивает президент, который лежит в соседнем гамаке.

— Разумные существа другой планеты. Гости из другого мира.

И Бахарев, все более и более воодушевляясь, начинает создавать легенду.

— Их космический корабль проник под облачное покрывало нашей Земли и опустился на ее поверхность. И гости увидели болото. Болото на все четыре стороны. Туманное болото без конца и края. И небо, в котором почти не бывало Солнца. И самое начало жизни. Только начало... Лес папоротников и хвощей... гигантские насекомые... первые земноводные...

Под гамаками стоит раскладной топчан. Здесь лежит Забродин. Он слушает Бахарева. Он слушает, и его строгое, дисциплинированное воображение начинает работать. Перед ним мелькают схемы, чертежы, страницы книг... Бахарев говорит об эпохе папоротниковых лесов, а перед внутренним взором Забродина проплывает обрывок таблицы, изображающей чередование эпох в развитии Земли: «КАРБОН — 300 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД...» Бахарев говорит о первых растениях и животных Земли, а Забродин видит стенды палеонтологического музея, стволы окаменевших деревьев, отпечатки листьев, скелеты ископаемых животных, схематические рисунки пейзажей каменноугольного периода Земли.

А голос Бахарева продолжает:

— Буйная и разнообразная жизнь встретила гостей Земли. Но человека — ЧЕЛОВЕКА! — ЕЩЕ НЕ БЫЛО! Гости застали утро жизни, ее начало. И гостям стало немножко грустно: прилетели, а хозяев нет. И некому принять гостей...

Опять перед нами глаза Забродина. Опять мы проникаем в мир его воображения. Титульный лист книжки «Война миров» Уэллса... Клочья дыма... Большой цилиндр, наполовину зарывшийся в землю. Крышка цилиндра отвинчивается и спадает. Через край цилиндра свешиваются безобразные щупальца... голова омерзительного чудовища с клювом...

— Однако жизнь на планете началась. Значит, появится со временем и человек! Непременно появится человек! — слышен голос Бахарева.

Забродин встряхивает головой.

— Почему именно человек? — спрашивает он. — Могли же на Земле какие-нибудь пингвины или бобры стать разумными существами и завладеть планетой?!

— Потому, что гости сами были человекоподобны! — отвечает дохновенно старый профессор.—Они знали законы развития жизни, знали историю своей планеты. И они поняли: на голубой планете человек появится через сотни миллионов лет.

— Вот где корень всех его ошибок! — говорит Забродин президенту. — Он все меряет нашими, земными мерками. А на других планетах — свои мерки!

Президент жестом просит его не прерывать Бахарева. Да Бахарев и не слышал ничего.

— И у гостей родилось дерзкое намерение: послать людям, которые еще не появились, посылку. Оставить будущим людям память о своем посещении Земли... Получите наш привет, будущие люди. Вы не одиноки во вселенной. На других планетах тоже есть ваши братья. Мы были у вас, но — простите великодушно — слишком рано. Вы еще не существовали...

Бахарев прижимает руку к сердцу. Он сидит в гамаке и раскланивается церемонно и торжественно, в манере старомодных и учтивых российских интеллигентов.

Забродин и президент смотрят на него. Жест Бахарева кажется им немножко смешным, но они не смеются.

— Только куда положить почту, чтобы она дошла до вас, будущие люди? Планета огромная, а посылка — крошечная. Идти ей до вас — сотни миллионов лет. Куда положить ее, чтобы она не затерялась на дороге времени?

— Куда? — повторяет Забродин.

— Куда? — лукаво смеется сам Бахарев.

— Действительно, куда? — повторяет президент.

— В болото надо положить, голубчики! В болото надо положить шар! Бросить в болото! — смеется радостно Бахарев.

— Почему именно в болото? — запальчиво спрашивает Забродин.

— Очень просто! — отвечает Бахарев, увлеченный ходом своей мысли. — Пока произойдут люди, на месте болота будет каменный уголь. А может цивилизация развиваться без каменного угля?

— Нет, не может! — подхватывает президент. — Техника, производство на определенном этапе не могут развиваться без каменного угля!

— Гости знали это на примере своей цивилизации! — продолжает Бахарев. — И они рассчитали просто: люди будут искать уголь и найдут в угле нашу почту, наш привет! И мы нашли...

— Убедительно! — спрашивает президент Забродина.

— У профессора Бахарева всегда была великолепная фантазия, — отвечает Забродин.

— Но шар найден именно в каменном угле! — напоминает президент.

— Даже школьники умеют подогнать задачку под ответ. — раздраженно отвечает Забродин. — А впрочем, все это слова, разговоры, а ванны только факты. Посмотрим, что окажется в шаре...

Мы вновь переносимся в комнату Бахарева, где профессор вспоминает события прошлого. Он в полосатой пижаме, заложив руки за спину, вышагивает по своему кабинету.

Кто-то стучит в дверь, но старый профессор, погруженный в свои мысли, не слышит. Он подходит к диктофону, включает его и говорит:

— В тот же вечер мы собрались, чтобы исследовать загадочный шар дальше, чтобы открыть вторую оболочку шара и поглядеть, что же нам прислали гости Земли...

Дверь кабинета открывается, и на пороге — Мажид с кожаной папкой в руках.

Бахарев выключает диктофон и устремляется навстречу Мажиду:

— Ну, что там? Как там? Где ракета?

— Не подходите ко мне, я холодный! — смеется Мажид, протягивая папку профессору.

— Там холодно, у них наверху?

— Везде холодно, Алексей Павлович. Первый снег выпал.

Бахарев подходит к окну. За окном весело пляшут пушистые белые мухи и, касаясь черной земли, исчезают.

— Уже зима! — изумляется Бахарев. — Зима... а она летит там. Все дальше и дальше... И только ниточка радиоволи связывает ее с Землей, с нами... И эта ниточка все тоньше, тоньше... Она скоро начнет рваться.

Бахарев раскрывает папку и выкладывает на стол груду записок и фотографий, привезенных Мажидом.

Большой снимок огромного серпа Венеры. Бахарев склоняется над ним.

— И загадочная стыдливая красавица все ближе, ближе! — бормочет он. — Скоро мы узнаем, что скрываешь ты под своим облачным покрывалом. Скоро станет ясно, применимой ли на практике окажется моя догадка...

Мажид тихонько выходит, осторожно прикрыв за собою дверь.

А Бахарев опять погружается в воспоминания... Он подходит к диктофону, включает его.

Вертятся бобины, протягивая ленту. Слышен голос Бахарева:

— Итак, в тот вечер мы собрались, чтобы исследовать загадочный шар дальше...

«Глобус» в руках старичка «тектониста». Он принимает его к себе и через две пары очков рассматривает материки, моря, реки и плоскогорья.

— В музей! — восклицает ученый. — В музей, на самое почетное место!

— Надо сначала раскрыть «глобус», — замечает Забродин.

— Я могу немедленно разрезать шар на две половинки! — выходит вперед Градов. — Хотите — электроискровым способом, хотите — ультразвуковой пилой.

— Можно попробовать мощное нейтронное поле в урановом реакторе. Можно попробовать синхрофазотрон на сто миллиардов электроновольт... — начинает обстоятельно перечислять молодой ученый.

— Как, товарищи? — спрашивает президент.

— Нет, его нельзя резать, — говорит Бахарев и забирает шар

в свои руки. — Мы обязаны ПОНЯТЬ его. НАШЕМУ поколению адресовано это послание. НАМ оказано доверие...

— Почему именно нам адресовано? — улыбается Забродин.

— Чтобы открыть внешнюю оболочку шара, был нужен вот этот ключик, — отвечает Бахарев, указывая на громаду ускорителя. — Даже пятьдесят лет назад люди не имели такой вещи. А мы имеем. Значит, адресовано нам. Мы получили послание. Мы открыли его и теперь обязаны исследовать и ПОНЯТЬ!

Проговорив это, Бахарев отходит в сторонку, садится на диван и думает, ревниво прижимая шар к груди. К нему подходит Забродин и шепчет:

— Мы идем ВСЛЕПУЮ, и неизвестно, когда мы натолкнемся на способ открыть вторую оболочку. Ведь мы НЕ МОЖЕМ УГАДАТЬ ХОДА МЫСЛИ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ!..

— Вторая оболочка должна открываться просто, очень просто! — говорит Бахарев громко, заставив всех повернуться к себе. — Может быть, даже руками! Какой смысл — подумайте сами! — какой смысл делать две одинаковые оболочки? Если первую мы открыли с таким трудом, вторая не нуждается в ускорителях. Может быть, руками... простыми человеческими руками... но человеческими!..

Бахарев трет ладонью экваториальную часть «глобуса». И, словно в доказательство его слов, на блестящем металле обнажается чуть приметная полоска, опоясывающая весь шар. В ту же секунду из северного полюса шара выскакивает чуть заметный стерженек. Бахарев, оглядев присутствующих восторженным взглядом, надавливает его. Стерженек проваливается, но на южном полюсе выскакивает второй.

Президент кивает оператору, и тот начинает снимать Бахарева. Теперь все, затаив дыхание, наблюдают за стариком.

Бахарев надавливает второй стерженек, торчащий из южного полюса. Раздался звук, какой бывает, когда захлопывают холодильник, и «ГЛОБУС» вдруг РАСПАДАЕТСЯ НА ДВЕ ПОЛОВИНКИ!

— Пожалуйста! — в сердцах восклицает Бахарев.

У него в руках предмет, выпавший из недр «глобуса».

— А шарик просто открывался! — смеется «тектонист».

Вокруг Бахарева сгрудились все.

Профессор показывает присутствующим черный блестящий предмет. Он похож на коротковольтный пистолет, фотоаппарат или миниатюрную кинокамеру.

— Что это, Алексей Павлович? — спрашивает Градов, не спуская завороженного взгляда с загадочного предмета.

Забродин стоит словно в столбняке, ошеломленный происшедшим. Сквозь толпу проталкивается Лешка.

— Пустите... пустите поглядеть! Это я шарик нашел, я! — приговаривает он.

Бахарев между тем протягивает загадочный предмет Градову:

— По вашей части, Иван Митрофаныч: электроника, автоматика, телемеханика.

Градов трепетными руками тянется к загадочному предмету.

...И вновь вереница машин мчится по вечерним улицам города. Градов не выпускает из рук вещи, извлеченной из шара.

— Вы оставьте меня на часик одного. Я не могу работать, когда стоят у меня над головой, когда заглядывают мне через плечо. Я пойму, что это такое. Обязательно пойму! Как профессор Бахарев, — просит Градов.

— Непременно поймете, Иван Митрофаныч,—ободряет президент.

— Гости не собирались удивлять нас чудесами и фокусами, — говорит Бахарев. — Они отправили нам серьезное и дружественное послание. И мы должны понять его, должны!

— Вам кажется, что вы поняли ход мысли существ другого мира? — спрашивает Забродин.

— Мысль везде развивается по одним законам, — отвечает Бахарев.

— Чистая случайность, Алексей Павлович, — уговаривает скорее себя, чем Бахарева, Забродин.—Вы угадали, но не поняли. Не поняли!

...Холл одного из институтов. Мягкие кресла и диваны. Журналы и газеты на столах. На стендах — снимки и макеты «спутников» и высотных ракет.

Разбившись на отдельные группы, ученые ждут, поглядывая время от времени на дверь, за которой работает Градов.

То и дело пробегают сутулые, очкастые и застенчивые помощники Градова. Они пробегают с какими-то приборами, электронно-лучевыми трубками, блоками высокочастотных устройств...

Алимкулов подсаживается к Лешке.

— Почему не видно товарища Сармулатова?

— Спит, наверно.

— Спит?!.

— Он работал сегодня в утреннюю смену, — пожимает плечами Лешка.

Забродин не может усидеть на месте. Он нетерпеливо шагает из угла в угол.

Бахарев, президент и «тектонист» склоняются над снимками «глобуса».

— Шар, который мы нашли, не единственный, — говорит «тектонист». — Посмотрите, на «глобусе» светятся звездочки. Очевидно, это места, куда положены остальные шары.

— Их клали в болото, — добавляет Бахарев. — Теперь там каменный уголь. А мы, возможно, даже не знаем об этих залежах...

Подходит Забродин.

— Алексей Павлович, — говорит он, — я ведь никогда не отрицал существования жизни на других планетах.

— Разве? — беззлобно улыбается Бахарев.

— Я возражал против вашей методики. Я возражал против сравнения жизни Марса и Венеры с жизнью Земли. Я считаю, что на других планетах формы жизни могут быть совершенно невероятными с нашей земной точки зрения. Природа неисчерпаема!

— Природа творит не «шаляй-валяй», а по законам, общим для всех небесных тел. Вот эти общие законы вы и не хотите понять! — отвечает Бахарев.

— Но по-вашему получается, что где-нибудь на Марсе сейчас точно такой же Забродин разговаривает о жизни на других планетах с точно таким же профессором Бахаревым. Тоска смертная — везде одно и то же!

— Никогда и ничего подобного я не говорил! — вспылил Бахарев. — Я всегда утверждал, что даже по цвету растения Венеры и Марса отличаются от земных. На Марсе они голубые и синие, в на Венере красные и оранжевые. Жизнь творит вполне определенные формы при определенных условиях. И вот законы, по которым она это делает, мы можем изучать, не сходя с земного шара. Впрочем, это уже из области биологии, которой вы не знаете, хотя пятнадцать лет спорите со мной о жизни на других планетах!

— Я астроном, а не биолог... И все же я утверждаю: нам не понять устройства и назначения вещицы, над которой бьется сейчас Градов, — без всякой видимой логики азартно говорит Забродин.

Мажид, серый от усталости, входит неслышно и незаметно. Он тихонько подсаживается к Лешке, и тот радостно хлопает его по спине:

— Одумался, чудак человек?

— Интересно, понимаешь... Не мог дома сидеть. Спать не мог, — признается Мажид, смущенно улыбнувшись.

В эту минуту вдруг входит, почти врывается сияющий Градов.

— Прошу ко мне, товарищи! — кричит он, распахивая дверь. — Ко мне! Товарищи, ко мне!..

Просторный стол, накрытый стеклом. В стекле отражаются детали загадочной вещи, которая теперь разобрана. Настоящие радиолюбители поняли бы при взгляде на эти детали, сколько радости доставило Градову разгадывание схемы приборчика.

— В принципе никаких неожиданностей: нечто вроде печатной схемы, полупроводниковые диоды и триоды... — начинает Градов.

— И вы поняли назначение и устройство прибора?! — недоверчиво спрашивает Забродин, избегая лунавых взглядов Бахарева.

— Что-то вроде киносъемочного аппарата, — объясняет Градов, — изображение и звук записаны магнитным способом — на проволоку.

— Все детали сохранились? — удивляется президент.

— Нет, к сожалению, не все. Началось разрушение. Но проволока, к счастью, сохранилась. Тонность, точность, культура производства каковы?! — восхищается Градов. — Как делали!.. Мы переписали все на свою магнитную ленту. Поглядите: то, что у них помещалось в катушечке, у нас еле-еле уместилось в этом колесе!

Градов протягивает президенту крошечную катушечку и плоскую бобину полуметрового диаметра.

— Дьявольски любопытно, что они прислали нам! — потирая руки, смеется Бахарев. — Вы еще не просматривали запись?

— Просмотровый аппарат еще не собран, но... что они могли нам оставить? Не пустян какой-нибудь тряста миллионов лет пролежал в Земле! — восклицает Градов.

Комната слишком тесна. Многие оказываются за дверью. Многим приходится подниматься на носки, вытягивать шею, подпрыгивать, чтобы через головы других заглянуть внутрь комнаты.

Между окнами, зашторенными светонепроницаемой материей, стоит телевизионная установка с экраном средних размеров.

Градов кладет свои цепкие пальцы на многочисленные ручки под экраном и говорит:

— Погасите свет. Начинаю...

Свет гаснет. В темноте светится экран.

— Включаю запись, — слышен голос Градова.

Все дальнейшее происходит в полном молчании.

Сначала экран светится множеством синевато-белых строк... потом они разбегаются... собираются в редкие четкие полосы... трепещут и мечутся в стороны.

Пальцы Градова — цепкие и энергичные — перебегают с одной ручки настройки на другую. Теперь они замирают на двух ручках, осторожно поворачивая их.

Экран больше не мигает. Он очистился, и на нем проступили смутные силуэты туманного расплывчатого изображения. Кадры бегают сверху вниз часто-часто.

Осторожно поворачиваются ручки настройки...

Кадры плывут все медленнее... туманное изображение прочно утверждается на экране. В комнате возникает еле приметный шум... Шум ветра в просторном мире! Кажется, необъятно раздвинулись стены тесной и темной комнаты. А изображение вдруг обретает четкость и выпуклость.

Вспышки, чернота, мельканье — и вдруг все пропадает! Опять сдвигаются стены тесной комнаты.

— Что там?! — нетерпеливо кричит Градов помощнику.

— Проволока во многих местах повреждена, — отвечает помощник.

Затем раздается треск. Экран вспыхивает несколько раз ослепительно и вновь светится ровно. Туманно возникает движущийся силуэт...

Градов приникает к ручкам настройки.

Изображение то становится на мгновение ярким и четким, то вновь туманным и темным. Жадные глаза людей успевают «по кусочкам» составить смутное представление о... чьих-то глазах! Два выразительных умных глаза глядят с экрана!

— Человек! — невольно вырывается у президента.

— Разумное существо, но не обязательно человек! — кричит Забродин.

Рябь и туман все время задергивают изображение.

— Иван Митрофаныч, голубчик! — взмолился Бахарев.

— Запись пролежала в земле триста миллионов лет! — напоминает Градов, замерший у ручек настройки.

Вновь на экране немного развиднелось. Глаза жителя неведомой планеты глядят с экрана прямо в комнату. «Он» был уверен, что ему удастся заглянуть в глаза тех, кто начнет преобразовывать Землю через сотни миллионов лет. И он глядит, как более мудрый старший брат на юного — младшего брата... Улыбнувшись доброй, ободряющей улыбкой, приветливо и сдержанно склоняя голову, «он» прикрывает прекрасные глаза... И опять что-то вспыхивает на экране, раздается треск... Тишина...

То, что открывается на экране после очередной заминки, потрясает всех контрастом. Открывается... прошлое Земли! Облака, за которыми еле проглядывает солнце. Серое низкое небо. Лес... лес с высоты птичьего полета. Туман. Может быть, именно туман делает этот мир таким необычным и чужим? Лес почти бурый, а местами желтый. Лишь слегка он тронут робкой прозеленью. Жесткие верхушки пружинисто колышутся под ветром и колючие шелестят. Ветер посвистывает меж жестких листьев и ветвей. Скрежещa прозрач-

ными крыльями, промчались две гигантские стрекозы. Вслед за ними мы начинаем опускаться в сумрачные недра желто-бурого леса.

— Земля! Наша Земля! Карбон! — произносит экспансивно «тектонист».— Какое сокровище мы получили! Какое бесценное сокровище!..

Деревья растут часто, мощно, буйно. Непролазные дебри ветвей. Гигантские саблевидные листья. Гирлянды мелких жестких листочков. Коричневые семенные метелки...

Ниже становится просторнее. Пошли голые стволы, плотные и прозрачные, бурые и желто-зеленые, тонкие и двухметрового обхвата... В очертании некоторых примитивных форм странно угадываются наши плавуны и хвощи, наши папоротники. Но здесь они царствуют, здесь они — могучие деревья, деревья-великаны.

— Начало... начало жизни! — слышен голос Бахарева. — Теперь мы будем знать, какой была Земля триста миллионов лет назад!

Все ниже и ниже опускаемся мы в сумрачные, влажные и жаркие недра первобытного леса... Обильная капель. Ее нежная музыка прерывается грохотом и тяжким всплеском. Рушится сгнившее на корню старое дерево-гигант.

Нагромождение гниющих чешуйчатых и полупрозрачных стволов. Сквозь них пробиваются молодые желто-зеленые и нежно-бурые верхушки. Разгул растительного мира и его царство! Буйство жизни, которая захлестывала земные просторы, утверждая свое молодое могущество!

По одному из поваливщихся стволов пробирается омерзительная метровороетая тысяченожка. Неискусна жизнь в первобытных своих формэх, которые еще примитивны и, порою, безобразны! Но в этом мире «закручивается пружина жизни». Здесь начало ее миллионновекового пути. Формы неопределенны, однако в них бушует энергия жизни, и за ними угадывается будущее разнообразие и совершенство.

Плещется вода. Доисторический лес — это лес, в котором нет даже звериных троп! Он по щиколотку в воде. Жизнь вышла из воды, но совершен только первый шэг на сушу.

Поверхность воды неспокойна. В воде какое-то движение, в ней копошится живое... Медленно переступая голыми пятипалыми лапами, выползает из зеленой воды на каменный островок гигантская ящерица, за ней вторая...

— Стегоцефал! Это же стегоцефал! Вот как они выглядели! — опять кричит «тектонист».

Голые широкомордые тела тускло блестят. Широченные лягушечьи пасти зевают, издавая скрипучие, монотонные звуки.

Мы начинаем быстро приближаться к одному из стегоцефалов. Он смотрит большими глазами прямо на нас. В этих глазах ни тени любопытства, ни проблеска самосознания, ни крупицы страха. Эти глаза еще не знают, что надо бояться человека, уступать ему дорогу или нападать на него. У них еще все впереди, а пока в них отражается небо, лес и вода...

— Да, так начинались мы! — слышен голос Бахарева.

Опять глаза во весь экран! И, заглянув в самую темную их глубину, можно понять, как далеко ушли мы от своего прошлого...

На этом сохранившэяся часть записи оборвалась.

Темнота и тишина. Долго никто не мог произнести ни слова...

(Продолжение следует)

Литературный сценарий научно-фантастического фильма

(Продолжение[1])

Василий Соловьев **Рис. Л. Смехова**

...Наконец кто-то медленно подходит к окну и отдергивает штору. На улице шелестят листвою в первых лучах солнца деревья нашего мира, мира «триста миллионов лет спустя». Градов распахивает окно. Внизу, посреди цветочной клумбы, плещет фонтан.

И вдруг все, кто присутствовал на этом необыкновенном просмотре «документального фильма», потянулись к окну. Они подходят к нему и молча дышат свежим ароматным воздухом, и смотрят, смотрят в чистое небо, на чистую, живую зелень, на цветы, друг на друга, и думают, думают...

Первым приходит в себя Алимкулов. Он вскакивает и, потрясая грудой исчерканных в темноте листков, говорит президенту:

— Один вопрос!

— Может быть... потом вопросы? — морщится президент.

— Только один: откуда они к нам прилетали? С какой планеты?

Это выводит всех из оцепенения. Общее движение. Взгляды всех обращаются к Бахареву и Забродину.

— Они прилетали с Марса? — спрашивает у них президент.

Забродин выглядит потрясенным. Он переводит взгляд на Бахарева. И старый ученый после молчания отвечает так:

— С Марса?.. Обратный адрес гостей затерялся на дороге времени. Я не знаю, откуда они прилетали.

Ответ Бахарева вызывает всеобщее удивление. Но еще большее удивление вызывают слова Забродина.

— Может быть, они прилетали... с Венеры? — говорит он, обращаясь к старому профессору.

— С Венеры? — удивляется Бахарев. — Почему с Венеры? Здесь нет никакой логики, Федор.

— А есть логика в том, что произошло? Разве можно было находку шара предвидеть? — задумчиво улыбается Забродин. — Вот и я спрашиваю: может быть, они прилетали с Венеры?

На экране мелькают газеты...

«Находка шахтеров!»

«Два шахтера потрясли все человечество!»

«Кто посетил Землю, когда людей еще не было на Земле?!»

«Остаток культуры мифической Атлантиды!»

Сначала в газетах мелькают снимки Мажида и Лешки. Потом Лешка «вытесняет» Мажида. Лешка на трибуне. Лешка в кругу газетчиков. Лешка выступает по телевидению...

Снимки перемежаются с кадрами из фильма: межпланетный корабль гостей... глаза жителя неведомой планеты... стегоцефал...

Неистовствуют дикторы и комментаторы:

«Может быть, они прилетали с Марса?»

«А может быть, с Венеры?» — спрашивает академик Забродин».

«— Я не знаю, откуда они прилетали», — заявляет знаменитый исследователь жизни на других планетах профессор Бахарев».

«— Никто не посещал Землю триста миллионов лет назад, — говорит ученый-консультант господин Альфиери, — Никто не мог к нам прилететь потому, что межпланетные полеты невозможны. Вселенная — чрево природы! Там рождаются и гибнут миры! Вселенная никого не пустит в свое «тайное тайных»!

Мы там, где происходит совещание об организации экспедиции на Венеру. Президент объявляет:

---

1 Начало см. в № 3 и 4 за 1956 г. и в № 1 за 1957 г.

— Слово для внеочередного заявления имеет академик Забродин.

Забродин медленно проходит к своей схеме полета на Венеру. Несколько картинным жестом он снимает схему со стены, складывает ее и... разрывает.

— К этому могу добавить... — поворачивается он к аудитории, — что я согласен с профессором Бахаревым. Ракета должна лететь не ВОКРУГ Венеры, а НА Венеру. Все!

И все же реакция Бахарева оказывается еще более неожиданной, чем «заявление» Забродина.

— Зачем была нужна пятнадцатилетняя война, — кричит Бахарев, — если теперь вы так легко отказываетесь от своих идей!

— Почему вы думаете, что легко? — устало улыбается Забродин. — И почему вы думаете, что я отказываюсь от своих идей?

— Тогда извольте объясниться!

— Я по-прежнему не принимаю вашей концепции жизни на планетах, — сдержанно отвечает Забродин, — однако по многим причинам считаю, что надо принять ваш проект.

Тишина. Ее нарушает президент.

— Алексей Павлович, — обращается он к Бахареву, — в экспедиции примут участие несколько государств. Академии этих государств, наше правительство и дирекция объединенного Института астрофизических проблем... уполномочили меня просить вас возглавить это дело, возглавить первую космическую экспедицию!

Бахарев быстро встает... и ничего не отвечает.

— Это не только ваше право, Алексей Павлович, — с места говорит Градов, — это ваша обязанность перед наукой!

И опять Бахарев удивляет всех. Он говорит:

— Я согласен возглавить экспедицию, но с одним условием.

— С каким условием?

— Обязанности по экспедиции и ответственность со мной должен разделить академик Забродин!

Планетная обсерватория. Невыносимо палит солнце. У двери бахаревского дома в ожидании хозяина сидит Мажид.

По тропинке к дому шагает долговязый человек в модном черном костюме и фетровой шляпе, поля которой лежат на растопыренных ушах ее обладателя. Он подходит к Мажиду и Лешкиным голосом сообщает:

— Опять принесли целый пуд писем от добровольцев. Все хотят лететь на Венеру.

— Что я говорил?! — вскакивает, словно ужаленный, Мажид. — Болтали, гадали! Первые узнали — последние пришли!

Лешку невозможно еще узнать и потому, что он загородил свои невыразительные глаза темными противосолнечными очками. И говорит теперь солидным басом, без прежней суматошности.

— Они мечтают и пишут, а мы шарик нашли, — снисходительно улыбается он. — В общем... старик скоро приедет. Совещание кончилось... За меня похлопочи: мол, шарик вместе искали...

Лешка взбрасывает рукав и, поглядев на большие новые часы, озабоченно крутит головой:

— Опаздываю. Это точно, опаздываю!

— Ты постой, ты куда, Лешка? — удивляется Мажид.

— Понимаешь, какое дело... Мне еще надо две беседы о жизни

на других планетах провести да статейку для одной газеты написать. А тут машина попутная подвернулась. Ну... адью, старик, адью! — И он шагает по тропинке от дома.

— Зачем уходишь, Лешка? — догнав его и схватив за плечо, сердито спрашивает Мажид.

— Опаздываю, понимаешь? — опять высоко вздернув рукав и показывая новые часы, отвечает Лешка. — «Пионерская правда» требует. Я им говорю: «Мы вдвоем шарик нашли», — а они ко мне пристают. Мне даже обидно за тебя. Я даже удивляюсь.

— Лететь раздумал?

— Думаешь, я болтовни всяких паникеров испугался? — обижается Лешка.

— Какой болтовни?

— Ну, слух пускают, что ракета с Венеры не вернется: горючего, мол, не хватит на обратную дорогу...

Может быть, для того Лешка и стал носить темные очки, чтобы не видно было, как порой жалки бывают его глаза. Но Мажид все понял.

— А! Иди! — толкает он Лешку. — Лекцию читать иди. В газету писать иди! Бегать иди!.. Хвастун!

И Лешка идет...

А Мажид возвращается к дому Бахарева и садится на ступеньку. Он дождался старого профессора, и между ними произошел разговор, который перевернул дальнейшую жизнь Мажида.

Кабинет профессора. Полный радостного оживления и энергии профессор говорит Мажиду:

— Уверяю вас, голубчик! Высоко ценю вашу самоотверженную решимость, но... никто из людей не собирается лететь на Венеру!

— Согласен остаться на Венере. Для науки согласен! — упрямо твердит Мажид.

Бахарев порывисто обнимает его:

— Мой дорогой, даю вам слово... слово очень старого человека, слово аксакала: никто из людей не собирается лететь на Венеру!

Мажид потупился и идет к двери. Но прежде чем открыть ее, он делает последнюю попытку уговорить профессора.

— Не всякий человек имеет право лететь. Кто больше всех думал, больше всех хотел, больше всех сделал — такой человек достоин. Но я не прошу — я просто говорю, что хочу лететь. Ведь если я сам не скажу, кто об этом догадается? Вот я и говорю, чтобы вы знали. Запишите там где-нибудь, что Мажид Сармулатов хочет лететь!

И Бахарев возвращает Мажида, сажает его в кресло и сам садится напротив.

— Шарик душу разбередил? За живое задел?

— Спать не могу! Работать не могу! Жить не могу! — с глубоким волнением отвечает Мажид — Другой тропой идти надо!

— Дорогой мой юноша, это прекрасно, когда рабочий человек решает идти в науку, но ведь придется все начинать сначала и учиться. В три смены учиться!

— Никакой работы я не боюсь!

— Хорошо! — встает Бахарев. — Я помогу вам.

— Рахмет! — благодарно хватает Мажид руку Бахарева. — Кой рахмет! Большое спасибо!..

Мы вновь в комнате Бахарева, где он вспоминает события минувших дней.

Вращаются бобины диктофона, тянется лента... Сидит, облокотившись на стол, старый профессор.

— И, конечно, это должен сделать Мажид! Только он... — бормочет Бахарев.

Выключив диктофон, он подходит к двери и кричит:

— Все, воспоминания окончены! Наступил сегодняшний день! Мажид!.. Позовите Мажида! Скорее!

С особой подставки в углу кабинета Бахарев берет шар — находку шахтеров — и нетерпеливо оглядывается на дверь... Входит Дарья Матвеевна.

— Где Мажид? Позвать немедленно! — требует Бахарев.

— Он улетел на ЦСУ за очередной партией материалов, — отвечает Дарья Матвеевна.

— Ну да, ну да! — досадливо машет рукой Бахарев и смотрит на стену, где висит фотография Венеры.

Фотография Венеры «оживает».

Мажид, словно зачарованный, смотрит на большой экран ЦСУ. Помещение ЦСУ содрогается от шумов, тресков, то беспорядочных и обрывистых, то монотонных и гулких.

Лицо Забродина — измученное и растерянное.

— Только эти звуки? — мрачно спрашивает он.

— Да, — отвечает Градов.

— По всему диапазону?

— По всему диапазону! — неприязненно отвечает Градов и, все больше и больше раздражаясь, продолжает: — Только отголоски магнитных бурь. Вот они!

Поворачивается ручка настройки, и возникает мощное шипение, которое «волнами» то наполняет все ЦСУ, то отступает от него.

— Только отголоски самых обыкновенных гроз. Гроз по всей Венере. Двести ударов в одну секунду! — продолжает Градов.

Он еще поворачивает ручку настройки, и из репродуктора вырывается бесконечная и беспорядочная очередь коротких сухих треснов разной силы.

Венера занимает весь экран. Она видна вся целиком. Ночная ее половина бледно светится пепельным светом, и над полюсами ее колышутся величественно «сполохи» — полярные сияния. На дневной половине плывут в мутном хаосе серебристо-желтые массивы. Ниже их в мутной глубине плывут другие желтые пыльные пятна. И где-то совсем на дне хаоса еще угадываются неподвижные темные и оранжевые образования — участки загадочной поверхности планеты. Слышен голос Градова:

— А вот то, что Алексей Павлович Бахарев считает излучением растительности Венеры...

Теперь ЦСУ во власти звуков совершенно нового тембра: растения Венеры «выбрасывают» в пространство избыток тепла, вредный для их жизни.

— И ничего другого приемники ракеты не принимают, — заключает Градов, щелкая ручкой переключателя.

— Иван Митрофаныч, дорогой, что же вы нервничаете? — примирительно спрашивает Забродин, поднимая на инженера усталые, измученные глаза.

— Я не знаю, Федор Платоныч, каких радиопередач с Венеры вы ожидаете, — поворачивается к нему Градов. — Мы напрасно тратим остатки горючего на их поиски, в то время когда нам необходимо искать место для посадки ракеты. Осталось пять суток!

— Вы можете в этом хаосе выбрать место для посадки? — досадливо морщится Забродин, указывая на экран.

— Мы должны посадить ракету. За это отвечаю я. Отвечаю как командир корабля.

— Прошу вас. Иван Митрофаныч, выполнять мои распоряжения, ибо я здесь выполняю обязанности начальника экспедиции, — холодно обрывает инженера Забродин. — Включите еще раз приемники. Послушаем Венеру в длинноволновом диапазоне.

Этот разговор слышит Мажид. Разговор производит на него ошеломляющее впечатление. Забрав из рук Алимкулова папку с очередной партией материалов, Мажид бегом выскакивает из помещения Центрального поста.

...И вот он уже в кабинете Бахарева.

— Какая безответственность! — яростно кричит старый профессор и со всего размаха ударяет кулаком по столу. Во все стороны летят карандаши, ручки, детали чернильного прибора.

Бахарев пробегает по кабинету и, подскочив к радиотелефону, яростно нажимает кнопку вызова.

Мигает огонек отзыва, слышится холодный голос Забродина:

— Я вас слушаю, Алексей Павлович.

— Вам, уважаемый Федор Платоныч, и командиру корабля Градову объявляю выговор! Строгий! Последний! С тремя предупреждениями, с занесением в личное дело, с опубликованием в приказе и прочая-прочая!..

— Алексей Павлович...

— Не пререкаться! Выговор за то, что утаили потерю электростанции и резервного бака с рабочей жидкостью! Далее...

— Вы были тогда в таком состоянии... — начинает Забродин, однако Бахарев не желает слушать никаких оправданий.

— Далее!.. Приказываю все мероприятия, связанные с затратой горючего, немедленно прекратить! Далее... разверните фотокарту Венеры.

Бахарев кивает Мажиду, и тот раскладывает на столе большую карту Венеры.

— Развернули там, на ЦСУ?

— Да, Алексей Павлович, — отвечает репродуктор, но уже голосом Градова.

— Найдите в северном полушарии океан Ломоносова... берег Красных Лесов...

Мажид на карте Бахарева в хаосе расплывчатых разноцветных пятен выбирает то, что нужно: оранжевую каемку, обрамляющую огромное серо-желтое пятно.

— Найдите Большую реку, впадающую в океан Ломоносова!

— Нашли, Алексей Павлович, — опять слышен голос Градова.

— В оставшиеся пять суток уточняйте место посадки ракеты именно в этом районе! — приказывает Бахарев.

— Разрешите только один вопрос, уважаемый Алексей Павлович? — раздается голос Забродина.

— С удовольствием, уважаемый Федор Платоныч, — расшаркивается перед радиотелефоном Бахарев.

— Почему вы предлагаете посадить ракету в арктической полосе Венеры, да еще в северном полушарии, где сейчас зима?

— А потому, голубчик, что Венера находится слишком близко к Солнцу. Только на Марсе и Земле жизнь ищет тепла. На Венере жизнь ищет прохлады, жмется подальше от экватора к полюсам. И зима на Венере — это самое золотое время, расцвет жизни!

— Вопросов больше не имею, — говорит Забродин.

— Ваше приказание будет выполнено! — добавляет Градов.

— Будьте здоровы! — кланяется Бахарев радиотелефону и выключает его.

— А теперь, мой дорогой, у меня к вам будет... особый разговор, — обнимает Бахарев за плечи Мажида. — Сначала сядьте и успокойтесь...

Старик усаживает Мажида на диван, проходит по кабинету, заложив руки за спину, ибо успокоиться-то нужно именно ему, а не Мажиду... Потом он подходит к диктофону и кладет руку на стопку плоских рулонов магнитной ленты.

— Вот здесь, Мажид... запись моего рассказа о достижениях разных наук, о жизни на других мирах, о полетах в космос, о находке шара, о его разгадке... — Бахарев берет в руки модель шара, найденного когда-то Мажидом в забое. — Вы человек... верный своим мыслям, решениям, задуманному. Вы добьетесь своего, когда-нибудь станете настоящим ученым и полетите на Венеру... когда меня уже не будет в живых...

— Алексей Павлович!.. — восклицает Мажид.

— Дайте мне слово, — продолжает Бахарев, остановив жестом Мажида. — Дайте мне слово сделать одно... дело!

— Все, что вы скажете! Любое дело! Вы для меня...

— Погодите, голубчик! — досадливо перебивает его старик. — Дайте мне слово, что вы... заберете с собой на Венеру такой шар. Несколько таких шаров, чтобы бросить их там в болото! А если не вы полетите на Венеру, то сделайте все для того, чтобы другие захватили с собой такие же шары... Дайте мне слово, что вы добьетесь изготовления этих шаров, подготовите материалы, которыми их начините и... Вы будете большим ученым, Мажид! Вы должны это сделать ради науки!..

Мажид сначала сидит недвижимо, удивленный странной просьбой старого профессора, стараясь понять ее смысл, потом вдруг вскакивает, берет из рук профессора шар.

— Посылку будущим хозяевам Венеры, да? — жарко говорит он. — Мы — гости будущих жителей Венеры, да?.. Они через сотни миллионов лет найдут наш шар и все поймут, да?

— Поняли, голубчик, милый вы мой... — Старик обнимает и трижды целует Мажида. — Может быть, такой шар нашим гостям тоже когда-то оставили жители еще одной, третьей планеты, а они передали его нам. Как эстафету! Эстафету разума, победившего смерть, время, пространство! С планеты на планету... А теперь нам пришел черед выполнить свой долг и передать эстафету дальше! В будущее, в бесконечное время!..

И оба замолчали. Оба глядят на шар, братья которого, может быть, кочуют по вселенной уже миллиарды лет и еще не закончили своего пути, и когда-нибудь, еще через миллиарды лет, где-нибудь совсем на другом краю Галактики, разумные существа совсем другой планеты будут вот так же глядеть на шар, потрясенные той же догадкой, согретые приливом благодарной любви ко всем, кто пронес эстафету через время и пространство...

— Алексей Павлович, только ведь через триста миллионов лет мы не погибнем, а наоборот! — говорит вдруг Мажид. — Мы к ним сами полетим на Венеру. У нас там целые города будут...

«Облака непроницаемы! Красавица стыдлива!»

Из множества репродукторов и с газетных страниц звучат эти слова. Внимание всего мира приковано в эти дни к ничтожной пылинке, заброшенной с Земли в космос, которая все приближается и приближается к Венере.

— Красавица безобразна, — утверждает ученый-консультант господин Альфиери. — Облачным саваном она закрывает свое уродливое тело. Облака представляют собой ядовитый формальдегид. В пластмассовых берегах на Венере плещутся пластмассовые реки и моря. Венера покрыта мощным слоем пластмассы. Пластмассовая планета!

— Венера покрыта сплошным океаном воды. Венера — это водяной шар!

— Завтра ракета пойдет на посадку. Завтра ракета пробьет загадочную атмосферу Венеры!

— Завтра мы увидим, что скрывает красавица под своим облачным покрывалом!

— Завтра мы ничего не увидим.

— Завтра мы узнаем все!

— Завтра мы не узнаем ничего!

(Окончание следует)

(Литературный сценарий научно-фантастического фильма)

(Окончание)

Василий Соловьев ***Рис. Л. Смехова***

Ослепительный зимний день. Снежная степь горит под солнцем.

Паломничество к Планетной обсерватории начинается с утра. Битком набитые автобусы останавливаются у Планетной обсерватории.

Подъезжают грузовики... Люди выходят из легковых машин...

Целыми отрядами юноши и девушки проходят на лыжах...

— Жди, пока в газетах напечатают, а тут сам Бахарев! Он с Венерой по радио связь держит.

— Бахарев не принимает!

— А мы его избиратели! Мы к нему, как к депутату!

— Болен старик...

Идут и едут люди не только из ближайшего города. Вот, например, шагает паренек с новым чемоданом. Он из тех, кто в войну удирает на фронт, кто в мирное время жаждет подвигов и путешествий в неведомые страны. Наверняка у паренька имеется собственный план экспедиции на другую планету... Да паренек не один!

— Сашка! — кричит он. — Ну, где ты застрял, вон уж народу сколько собралось!

Из толпы вынырнул Сашка с точно таким же чемоданом. Он хватает дружка за рукав и тащит за собой.

— Гляди, Витька! Ты знаешь, кто это?.. Это сам Алексей Ракитин!

На голос Сашки оборачивается долговязый человек в помятой шляпе и противосолнечных очках.

— Точно, хлопцы, я Алексей Ракитин. Это я шарик нашел! — громко, с радостной, даже заискивающей готовностью представляется Лешка.

— Как же вы его нашли? — сдавленным от почтения голосом спрашивает Витька.

— Скептики часто спрашивают: если на других планетах есть жизнь и межпланетные сообщения возможны, то почему к нам никто не прилетал до сих пор?.. После моей находки мы можем ответить скептикам: «К нам прилетали!» — бойко как по-писаному, отвечает Лешка.

— Видал?!. — многозначительно подталкивает друга Сашка. — Все знает!.. А как вы, товарищ Ракитин, предполагаете, откуда они к нам прилетали?

— Может, с Марса? — добавляет почтительно Витька.

— «Они прилетали с Марса?» — спросим мы. «А может, они прилетали с Венеры?» — спрашивает академик Забродин. «Я не знаю, откуда они прилетали», — сказал знаменитый Бахарев! — с готовностью сыплет Лешка.

Ребята переглядываются, сияют, поощренные такой словоохотливостью «самого» Ракитина.

— Вы человек знаменитый, от вас ничего не скрывают. Началось, правда? — доверительно спрашивает у него Витька.

— Не робей, хлопцы! — подтверждает Ракитин, шмыгая красным носом. — У вас еще все впереди. Может, и вы какой-нибудь шарик найдете!

Витька и Сашка понимающе перемигиваются. Конечно, Ракитин не хочет, да и не может разговаривать с ними о делах секретных. Однако...

— На повестке дня теперь один лозунг: даешь космос! Верно? — подмигивает Сашка. — Одна ракета без людей скоро на Венеру приземлится, а десять других небось готовятся лететь?!

См. №№ 3 и 4 за 1956 г. и №№ 1 и 2 за 1957 г.

Постепенно вокруг начинает образовываться толпа. И если сначала это радовало Лешку, то теперь, заметив в глазах обступающих молодых людей «практический» интерес к беседе, он уже подумывает, как бы улизнуть. А пареньки наседают.

— Вы не думайте, хоть у нас десятилетка за плечами, мы люди не гордые! — заверяет Лешку Витька. — Мы на все согласны: таскать, что потяжелее, землю копать, гвоздики забивать — только бы для межпланетного полета!

— Если нужно для опыта забросить кого-нибудь на Марс или другую планету, то пожалуйста! — выступает еще один паренек из толпы. — Всё лучше меня, чем кроликов...

— Мы еще вернемся к этому разговору, а пока... Адью, старики, адью! — многозначительно говорит Ракитин и поспешно выбирается из толпы.

Гигантские антенны ЦСУ, свернувшие над облачным полетом. К их подножию опускаются сразу два вертолета. На площадке уже стоят три вертолета.

В нише у основания антенн стоят ученые. Многих из них мы уже видели при разгадке тайны шара. Здесь и «тектонист». и руководитель института радиоактивных веществ, и другие.

Президент смотрит на часы и говорит:

— Ну что ж, товарищи... до посадки ракеты осталось пятнадцать минут... Пойдемте потихонечку.

И вся группа во главе с президентом входит в помещение ЦСУ.

Большой экран ЦСУ. Венера уже не умещается на нем. Сплошной свернувшийся желтый хаос! Мутные расплывчатые пятна бесконечным потоком ползут перед глазами...

Сразу от экрана начинается амфитеатр столиков в три ряда. Здесь устанавливают свою аппаратуру звукооператор и кинооператор. Осторожно рассаживаются ученые.

На табло виден кружок Венеры — конечный пункт полета. Огонек ракеты летит уже по круговой орбите вокруг Венеры.

Завершает амфитеатр сплошная стеклянная стена, и за нею расположен главный пульт управления ракетой. Там видны лица Градова и Забродина.

Градов с своего места говорит Забродину:

— Разрешите связаться с профессором Бахаревым?

— Не надо! — отвечает Забродин.

— Я догадываюсь, что вы хотите сделать! — отвечает на это Градов.

— Прошу вас... не надо угадывать, что я думаю и что хочу делать, не надо! — болезненно морщится Забродин. Он встает и зажигает свет во всем помещении ЦСУ.

Ученые, заполнившие три ряда амфитеатра, вымидательно смотрят на академика Забродина, стоящего под экраном.

— Товарищи... вы видите, что посадку на поверхность Венеры, в этот хаос и ад, надо было бы производить вслепую! — постукивая кончиком указки по изображению Венеры на экране, говорит он. — Но вам известно о катастрофе, постигшей корабль при встрече с метеорным роем. У нас... не осталось горючего для посадки вслепую!

— Что?!. Позвольте, что же делать?

— Возвращаться назад?

— Лететь обратно на Землю? — шумит амфитеатр.

— Корабль закончил свой путь! — слышится голос Градова из репродуктора. — На обратную дорогу горючего тоже не хватит!..

— Да, товарищи, корабль не может вернуться на Землю, — все увереннее звучит голос Забродина. — И есть только одно решение: превратить ракету в вечного спутника Венеры. Оставить ракету на круговой орбите. Навсегда!

— Сколько времени будет работать радиостанция ракеты? — спрашивает президент.

— Два года! — отвечает Забродин. — Разве науке мало необыкновенной возможности ДВА ГОДА БЕСПРЕРЫВНО иметь автоматическую лабораторию на круговой орбите Венеры?!

— Если на Венере имеется водоем площадью в сто квадратных километров и глубиной в один километр, я РУЧАЮСЬ за благополучную посадку ракеты! — опять слышится голос Градова. И опять в глазах Забродина появляется выражение усталости.

— Если ракета... даже благополучно опустится на Венеру, она все равно будет потеряна для нас, — вяло говорит он.

— Почему? — спрашивает президент.

— Сильно ионизированная близким Солнцем атмосфера Венеры не пропускает радиоволн. Связь оборвется, и... конец всему!.. — отвечает Забродин.

— Это неверно! — звучит из главного пульта голос Градова. — Радиоизлучение гроз и растений проходит через атмосферу Венеры! И все дело в том... что если бы здесь был профессор Бахарев...

— Здесь нет профессора Бахарева! — обрывает Градова Забродин.

И вдруг все слышат насмешливый старческий голос:

— Здесь я, здесь, голубчик Федор Платоныч...

Все головы, как по команде, поворачиваются к двери Центрального поста.

Там стоит профессор Бахарев... Из-за его плеча поблескивают черные глаза Мажида Сармулатова.

Бахарев обращается к Забродину:

— Три минуты как ракета должна быть на Венере. В чем же дело, Федор?

— Венера, вот она, под нами. До нее рукой подать, а мы не получили почти никаких новых данных о строении ее поверхности, — растерянно говорит Забродин. — Облака! Непроницаемые, загадочные облака!

— Но тем более надо заглянуть под облака, посадить ракету! Посадить в океан Ломоносова, в воду! — говорит Бахарев.

Штурвал. Над ним табличка: «АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПОСАДКА».

Руки Градова резко поворачивают штурвал.

Пульт. Гаснут почти все сигнальные глазки, кроме тех, что загорелись под штурвалом. Тревожно жужжит зуммер.

Гаснет центральный экран.

Головы всех поворачиваются к световому табло.

Огонек ракеты все еще ползет вокруг Венеры.

Гудит от напряжения мощная аппаратура ЦСУ.

И, словно ощущая это напряжение, гудят могучие фермы антенн. Сверкая над облаками, они обратили свои решетчатые рефлекторы в чистое синее небо Земли. И радиокоманда, сорвавшаяся с рефлекторов, устремляется вверх, в синий омут неба, в космос.

Огонек ракеты на табло замедляет движение и устремляется к голубому кружку Венеры.

— Началось падение! — докладывает Градов.

Вычерчивая спиральную линию вокруг Венеры, ракета падает на ее поверхность. Вот она скрывается в облачном слое.

Ученые, сидящие в амфитеатре, все, как один, встают.

Кружок Венеры и вся линия трассы вдруг вспыхивают зловещим красным огнем, и... табло гаснет! В нем больше нет нужды!

Умолк зуммер. Тишина.

— Докладывайте! — нервно кричит Забродин.

— Посадка на Венеру... — произвелена, — говорит Градов. Он встает, вытирает со лба пот и неуверенно шутит: — Приехали...

— Дальше? Что дальше?! — спрашивает Забродин. Бахарев кладет руку ему на плечо, успокаивая, и просит Градова:

— Включите приемники пульта.

Градов поворачивает штурвал. Вспыхивает и мигает одна большая красная лампа. Дребезжит резкий звонок.

— Связи нет! — кричит Забродин.

— Спокойно, Федор, — треплет его по плечу Бахарев, — нашему сигналу лететь две с половиной минуты и столько же назад!

Мажид подносит часы к глазам. Забродин смотрит на часы.

Ученые, занявшие места амфитеатра, смотрят на часы.

Бегут секундные стрелки.

— Время!

Одновременно все поднимают головы и смотрят на экран.

Он по-прежнему темен.

По-прежнему на пульте тревожно мигает лампа и дребезжит неприятно-резкий звонок.

— Вот теперь мы... действительно приехали! — заключает с холодным бешенством Забродин. Стряхнув руку Бахарева, он встает и начинает вымеривать шагами помещение пульта.

— Ракета могла утонуть в океане? — спрашивает президент.

— Нет, — отвечает Градов.

— А если корабль упал на сушу?

— Он взорвался! — отвечает Градов.

— Утонул! Разбился! Взорвался! Или радиоволны не пробивают атмосферы! Какая разница? — говорит Забродин. — Экспедиция закончена! Бесславно закончена!

— Федор Платоныч, — тихо, но властно приказывает Бахарев, — свяжитесь с дублерами и станцией обслуживания.

Забродин бежит к телефону и трясущимися руками берет трубку.

— Москва! — просит он. — Ваши приемники регистрируют какие-нибудь сигналы из космоса? Дайте Владивосток! — требует он через мгновение. — Сигналов из космоса нет? Ваша аппаратура исправна? Так...

Старый профессор стоит посреди группы ученых — прямой, бледный и величественный в своем волнении.

— Планетная обсерватория, у вас связь со спутниками есть? — продолжает Забродин. — Сигналов ракеты они не принимают? Все спокойно?!.

Забродин кладет трубку и кричит в лицо Бахареву:

— Я же предлагал! Я предлагал не сходить с круговой орбиты! Нет сигналов! Нет!..

— И не должно быть, — вдруг говорит Бахарев.

— Что?! — кричит Градов.

— Приказываю: всем, невзирая на ранги, заслуги, возраст и характеры, спать! Спать до шести часов утра.

И, посмеиваясь, Бахарев бодро направляется к выходу.

Даже в глазах президента появляется недоброе выражение. Если Бахарев шутит, то время для этого выбрано явно неудачно...

— Разбился корабль или нет? — раздается в тишине голос Алимкулова.

Бахарев оглядывается.

— Не знаю, голубчик. Знаю только одно: она вертится, Венера-то. Вертится вокруг своей оси!

Старик крутит пальцем в воздухе, показывая, как Венера вертится. И выходит.

В отсеке воцаряется тишина. Ее вдруг нарушает хохот Градова.

— Идиот! Идиот! — он бьет себя кулаком по лбу. — Она вертится! Вертится! А ракета опустилась на той стороне! На той стороне, которая сейчас отвернулась от Земли! И надо ждать до тех пор, пока Венера сама не повернет к нам передатчики ракеты!

Когда эта мысль доходит до всех, в амфитеатре и во всем остальном помещении ЦСУ поднимается всеобщий разряжающий хохот. Люди бьют друг друга в грудь, по спине, толкают в плечо, смотрят друг другу в глаза и хохочут.

Один Забродин, стиснув челюсти, молчит...

Четкие силуэты вершин на светлеющем небе. Меркнут звезды. Решетчатые чаши гигантских антенн готовы подхватить первый луч Венеры, лишь только планета покажется над горами.

Величественная тишина гор.

— Утренняя красавица — так, кажется, называли Венеру астрономы Востока? — тихо спрашивает президент Забродина.

Молчаливая группа ученых стоит у входа в ЦСУ, ожидая появления Венеры.

— На Востоке у Венеры было и второе название — Вечерняя красавица, — отвечает Забродин. — Вот она! — указывает он вдруг на одну из соседних горных вершин.

Над нею вспыхивает голубой фонарик Венеры. Ее первый луч колет глаза людей. Его подхватывают решетчатые сети антенн...

Обвалом в тишину Центрального поста врывается плеск воды, вой ветра и раскаты грома. Рев невидимого урагана «раздувает» трепетные сигнальные огоньки приемников ЦСУ. Они весело вспыхивают сразу всем созвездием. Это Венера! Это звуки с Венеры!

Мажид вскакивает, словно собираясь загородить своим телом старого Бахарева от неведомой опасности. Бахарев лежит в отсеке пульта на диване.

Экран ЦСУ светится вспышками четырех молний подряд. Они перекрещивают его голубыми змеями. И тотчас раздаются четыре крепких, с надломом и молодым задором, громовых удара!

Порывами, надвигаясь и отступая, бушует неземной ураган. На экране засветилось грязно-желтое небо. С невероятной, по земным понятиям, быстротой летят по небу длинные космы облаков... Временами кажется, все помещение ЦСУ, с антеннами и горами, вздымается к небу, и тогда взору открывается необозримый океан желтой воды. Он кипит гигантскими волнами с гривами пенистых вершин. В такие моменты стены ЦСУ раздвигаются необъятно, словно стремятся вместить в себя весь этот просторный мир другой планеты!

— Цела ракета! Цела! Цела! — пляшет вокруг Бахарева Мажид.

А Бахарев старается перекричать грохот урагана:

— Берег, берег ищите, Иван Митрофаныч!

— Ветер-то какой! Волны-то какие! — кричит в ответ Градов.

— Сделайте потише! — просит Забродин.

— Не надо! Не надо потише! — озорно кричит Бахарев. — Пусть грохочет! Не слышал в своей жизни музыки слаще!

Их взгляды встречаются...

Должно быть, главной особенностью погоды на Венере была ее способность меняться неожиданно, почти мгновенно.

Вдруг очистилось небо. Неземное, мутное, желто-оранжевое небо. Время на Венере раннее. Большое, размытых очертаний, огненное пятно Солнца висит низко над горизонтом.

Прекратился шторм, и утих грохот. Посвистывает ветерок, и шумят набегающие волны. Они накатываются на серебристый нос ракеты. И тогда кажется, что в ЦСУ брызгают целые пригоршни теплой влаги с Венеры. Видно было, что ракету постепенно поворачивает волнами. Слышится скрежет металлических боков, трущихся о что-то твердое.

— Мы на мели! Слышите? — говорит Градов.

— Что это? — вскрикивает Мажид.

В надр входит берег океана, убегающий в желтую туманную даль, и что-то красное, сплошной стеной тянущееся вдоль берега.

— Иван Митрофаныч, выпускайте вездеход! — командует Бахарев. — Пока ракету не унесло обратно в море!

Градов пересаживается в отсек пульта. Ставит ноги на педали, руки — на рычаги, которые выдвигаются из щита.

На экране нос ракеты отнидывается вверх. Слышится урчание, и становится видно, как из-за бултыхается вездеход.

Градов, напряженно всматриваясь в экран, осторожно двигает руками и ногами, а...

...вездеход на Венере, подчиняясь командам с Земли, медленно пробирается по отмели к красному берегу. Вот он выползает на прибрежный гравий, ускоряет ход и ползет к загадочной стене...

— Включаю телевизоры вездехода! — предупреждает Градов.

Экран на мгновение темнеет, а потом ЦСУ оказывается в самой чаще красных зарослей. Как в земном лесу восхищает разнообразие оттенков зеленого цвета, так и в этом фантастическом лесу удивляло разнообразие оттенков красного! Красные и оранжевые кусты, травы и деревья двигаются прямо на экран, «обтекают» его с мягким шелестом... Буйные и мощные заросли сочных красных ветвей, стволов и листьев чем-то напоминают первобытный лес Земли. Не формой листьев, кустов и деревьев, не цветом, а некоей примитивной мощью, неистовым первобытным буйством!

— Глядите! — кричит Мажид.

Среди оранжевого «подлеска» открывается поляна. Вдали, над красным лесом, на фоне желтого неба виднеются сразу четыре огнедышащие горы. Далекий грохот вулканов, выбрасывающих тучи пепла к самому солнцу, сотрясает почву Венеры.

А посреди полянки возвышается небольшой каменный островок, и по его красной траве ползет живое существо.

Градов резко «берет на себя» педали и рычаги.

— Будет кому передать эстафету, Алексей Павлович! — говорит Бахареву Мажид. — Я передам! Передам!

Островок все ближе и ближе. Команда об остановке вездехода

еще летит где-то в безвоздушном пространстве. Только через две с половиной минуты она достигнет Венеры и вездеход остановится!

— Только бы не вспугнуть... — тревожно бормочет Бахарев.

Теперь можно разглядеть, что белое существо отдаленно напоминает огромную ящерицу... Вдруг она перестала ползать, повернула голову, да так и замерла в неудобном положении. Она все ближе... ближе... Вот она уже не вмещается целиком в кадр. Остановился, наконец, вездеход!

Люди переводят дыхание.

У ящерицы часто-часто бьется жилка на белой мокрой шее. Она открывает красную пасть и монотонно скрипит. Голос из глубин веков! Ее большие красные глаза бессмысленны. В них отражается знойный мир юной жизни Венеры.

Бахарев подходит к Градову и сжимает его плечо:

— Включите микрофон! — просит он.

Щелкает одна из ручек пульта.

— Прошу всех... встаньте! — торжественно говорит Бахарев, и когда все встали, он подходит к микрофону.

— ЗДРАВСТВУЙ, ВЕНЕРА... ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ! — отчетливо, громко и раздельно говорит старый ученый.

Мощный гул четырех вулканов раздается в ответ!

Бахарев медленно выходит из отсека пульта, направляется в помещение амфитеатра.

Там, остановившись под экраном, он обращается ко всем ученым:

— Ну что ж, товарищи биологи, геологи, климатологи и другие представители земных наук... Астрономы передают в ваше распоряжение планету Венеру — Утреннюю звезду, как называли ее на Востоке. Засучивайте рукава — и за работу! За работу!

Вдруг к содроганию почвы и грозному гулу вулканов присоединилось удивительное. Слышится... голос!

— ...А-а-а... Твуй... А-а-а-а...

— Слушайте! — пронзительно кричит академик Забродин.

А с Венеры летит расчастистое, неразборчивое и далекое:

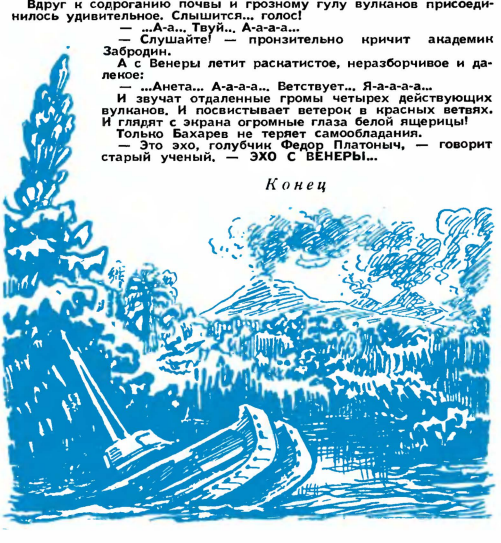
— ...Анета... А-а-а-а... Ветствует... Я-а-а-а-а...

И звучат отдаленные громы четырех действующих вулканов. И посвистывает ветерок в красных ветвях. И глядят с экрана огромные глаза белой ящерицы!

Только Бахарев не теряет самообладания.

— Это эхо, голубчик Федор Платоныч, — говорит старый ученый. — ЭХО С ВЕНЕРЫ...

Конец



Прохождение Немезиды

(Научно-фантастическая повесть)

Георгий Гуревич

Рис. Б. Ныштымова и Б. Дашкова

Изменить условия, в которых совершается движение Земли, не по силам человеку.

Жюль Верн „Вверх дном"

— Проснитесь, спящие!

День или ночь, не разберешь. Слепящее солнце заливает светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами, застоявшимися между сугробами. От сверкающей белизны больно глазам, а над ней угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда всех ярче, не блестка, не светлячок — ярная лампочка.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах.

У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, — на экранах мелькают разноцветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на аппараты, и

одни из них, тот, кто должен принять решение, говорит громко:

— Проснитесь, спящие, мы у цели!

Снежная равнина нема и глуха. Нет над ней воздуха: замерзнув, он превратился в прозрачные озерки. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под шагами, обледенелые растения не шелестят листвой. Нет воздуха, и слова гаснут на поверхности скафандра. Но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух есть, — в скафандрах спутников и в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

— Проснитесь!

Демонтные слышат приказ. Как и те наверху, они прежде всего смотрят на экраны аппаратов. Они проверяют температуру, обходят спящих одного за другим. Осторожно притрагиваются к каждому и, уверившись, что время пришло, включают репродукторы. И голос сверху, удесятеренный электрическими гортанями, грохочущими раскатами наполняет подземелья.

— Прроснитесь, спящие!

...Я слушаю эти слова в кабинке Центральной фонотеки. Стены, одетые звукоизоляционными плитами, отделяют меня от всего мира. Я здесь один с забытыми трагедиями. На моем столе книги — все, которые нашлись в каталоге. Я взял подшивки старых газет, раскрыл картонные папки, широкие, как щиты, и на их полосах прочел тревожные заголовки. Я вставил в проигрыватель проволочку с невидимыми магнитными знаками, и человек, которого нет уже, заговорил со мной взволнованным голосом.

— Проснитесь, спящие! — повторяет он.

В тесной кабинке фонотеки нас двое — я и голос. Я переживаю вместе с ним тревогу, надежду и уверенность. Я верю голосу, я вижу то, что он описывает. Перед моими глазами снежная равнина под звездным небом и ослепительное Солнце на фоне Млечного Пути, и глубокие подземелья, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

— Проснитесь!!

* * *

Супруги Трегубовы работали на Памирской высокогорной обсерватории, одной из лучших в мире. Трегубов был директором, жена его — одним из научных сотрудников. Анатолию Борисовичу уже исполнилось шестьдесят. Для своих лет он был очень бодр, читал без очков, летом ходил в горы, даже поднимался на снежные вершины. Но у него уже появились старинковские привычки: излюбленная академическая шапочка, любимая палка с резным набалдашником, привычные словечки, постоянные шутки, постоянные маршруты для прогулок. Казалось, что он не хочет тратить сил на новые решения и потому придерживается проторенных путей. Во всем, кроме науки.

Жена его, Антонина Николаевна, была моложе примерно лет на двадцать. Точнее сказать затрудняюсь. Она следила за своей внешностью и очень гордилась, когда про нее говорили: «Такая молодая — и уже профессор!»

Студенты побаивались ее. Она была строга и придирчива, требовала точности в терминологии, каждую формулу спрашивала с выводом, задавала трудные задачи с громоздкими вычислениями и каверзные вопросы, требующие не соображения, а памяти. Отметки она ставила скупо, пятерки — почти никогда. Анатолий Борисович, наоборот, был снисходителен, любил студентов не запоминающих, а рассуждающих, хотя бы и рассуждающих неверно. На экзаменах подсказывал ответы и часто сам начинал объяснять, если речь шла о больших проблемах, волнующих его, — о бесконечности, времени, жизни, сознании. Он был влюблен в свою науку, говорил о ней с гордостью и нежностью... И многие десятки людей стали астрономами благодаря ему.

Антонина Николаевна сама была из их числа. Перед скромной студенткой, застенчивой, погруженной в математику, Трегубов открыл вселенную, где каждая звезда ждала своего Коперника —

наблюдай, исследуй, дерзай! Своего научного руководителя девушка избрала руководителем и в жизни.

Годы шли. Великие открытия не падали в руки Антонины Николаевны, и тогда она выбрала хоть и не легкую, но четко очерченную задачу — поиски малых планет. За свою жизнь она достигла значительных успехов, найдя четырнадцать новых астероидов — Лапуту, Крыму, Пулковину и другие. Орбиты их были определены, имена внесены в каталог: Трегубова подарила науке четырнадцать фактов и была довольна собой.

— Разменяла талант на пустячки, — брюзжал муж.

Был ли он прав? Вряд ли. Ведь наука обширна, для разных целей нужны и люди разного склада. Трегубов принадлежал к числу толкователей науки, Трегубова была наблюдателем. Кто полезнее — педагог или лаборант, теоретик или экспериментатор? Нужно ли ставить такие вопросы вообще?

Так или иначе, Немезиду Трегубовы заметили вдвоем.

Вот как это произошло.

4 декабря 19... года, проснувшись поутру, Трегубов первым долгом вспомнил, что для него приготовлены фотоснимки звезды 7327 из созвездия Девы. Эта небольшая звезда из числа красных карликов, как выяснилось недавно, находится сравнительно близко к Солнцу, на расстоянии «всего лишь» одиннадцати световых лет. Трегубов надеялся выяснить, есть ли у этой звезды планетная система.

Одеваясь и завтракая, он с удовольствием думал о предстоящих исследованиях, но от привычного уклада не отступил ни на шаг. Он трижды прошелся по своей любимой дорожке, усыпанной хрустящим гравием, выпил два стакана кофе со сливками и только после этого, сменив пиджак на синий халат, перешел в кабинет.

В то время уже отошла в прошлое классическая фигура астронома, который, ежась от холода, по ночам одним глазом смотрел

в окуляр. На Памирской обсерватории вообще не было окуляров. Здесь стояли многотрубные телескопы с электронными усилителями — крупнейшее достижение астрономической техники второй половины XX века.

До появления этих телескопов возможности астрономов ограничивала стекольная промышленность. Лучшие в мире оптические заводы годами бились, чтобы сварить подходящий кусок стекла, достаточно крупный и однородный, а затем годами шлифовали его, чтобы придать ему точную форму. Но гигантские линзы и зеркала, прогибаясь от собственной тяжести, искажали изображения. Метровая линза и пятиметровое зеркало — дальше этого техника не пошла.

Конструкторы Памирской обсерватории избрали иной путь. Они поставили телескопы скромного размера — не более полуметра в диаметре. Их можно было изготовлять сериями, без особенных усилий. Но изображение в этих телескопах направлялось не в глаз наблюдателю, а на светочувствительный экран. На экране лучи звезд превращались в электрические сигналы, а сигналы усиливались примерно так, как усиливается яркость в телевизоре. Усиленное изображение можно было фотографировать или рассматривать на экране. Простейший усилитель — несколько электронных ламп — как бы увеличивал зеркало телескопа раз в десять. Кроме того, на тот же экран поступали усиленные сигналы с других телескопов. Каждый из них был невелик, но все вместе (а было их сто сорок четыре) далеко превосходили самые грандиозные зеркальные телескопы американцев. Памирская обсерватория видела дальше других раз в шесть. Она работала всего несколько месяцев, но за это время завоевала завидное прозвище «фабрики открытий». Открытия здесь делали еженедельно, у Трегубовых появилась особая, так сказать дополнительная, задача в астрономии: они разъясняли недоумения, проверяли чужие догадки, разрешали чужие споры, «снимали» вопросы.

Конечно, ни один человек не смог бы согласованно управлять ста сорока четырьмя телескопами. Памирская обсерватория была автоматизирована. Каждый день к вечеру Анатолий Борисович передавал инженеру список очередных «объектов». Инженер составлял ночное задание и диктовал программу действий счетно-решающей машине. Затем люди отправлялись мирно спать, а неутомимая машина поворачивала и направляла трубы, следила за выдержкой, меняла пластинки, проявляла, сушила. И поутру тот же инженер приносил Трегубову стопки пронумерованных пластинок — решения мировых загадок.

Так было и 4 декабря. Облачившись в синий халат, Трегубов прочно устроился в кресле рабочего кабинета и принялся решать загадку звезды 7327.

Увы, разочарование ожидало Анатолия Борисовича. Ни лупа, ни микроскоп, ни микрометр, с помощью которых он исследовал снимки, не говорили о существовании планет.

— А это, кажется, по твоей части, — сказал Трегубов, передавая один из снимков жене. И указал на крошечную черточку. Так выглядят на снимках сравнительно близкие небесные тела, например астероиды, которые успевают переместиться в поле зрения за время выдержки.

Они сидели рядом, в одном кабинете. Трегубова оторвалась от своих расчетов и взглянула на снимок.

— Нет, не по моей части, — вздохнула она. — След астероида длиннее раз в пять.

Но ловец астероидов, как и всякий охотник, должен быть терпеливым и цепким. Трегубова задержала в руке пластинку. Она боялась пройти мимо открытия.

— А нет ли у тебя других снимков той же области?

— Только один — апрельский. Но там нет ничего.

— Это слишком давно. Ладно, покажи на всякий случай.

Черточек на апрельском снимке не было, но наметанный глаз Трегубовой обнаружил в звездном узоре лишнюю точку, совсем рядом со звездой 7327.

— Может быть, это твой пятнадцатый астероид, Тонечка?

— Едва ли. Передвинуться за восемь месяцев на полградуса?.. Маловато для астероида.

— А если он летит почти прямо к Земле?

— Ну, давай проверим, Толя.

И проверочная съемка была задана на следующую ночь. Невод забросили в звездное небо, и безымянный астероид попался. Снова он выдал свое местонахождение коротенькой черточкой, почти крапинкой. Теперь было три следа, а по трем точкам астрономы умеют высчитывать весь путь движения небесного тела.

Трегубов составил программу решения, продиктовал условия задачи настольной электронной машине, и через несколько минут на ленте появились цифры.

— Что, Толя? — спросила Трегубова, увидев недоумение мужа.

— Ерунда какая-то! Орбита страшно вытянута, не эллипс, не парабола, а скорее даже гипербола.

— Может быть, это комета, а не астероид?

— Кометы не видны на таком расстоянии. До этого тела слишком далеко — около тридцати астрономических единиц. Оно в 30 раз дальше от Солнца, чем мы... и все же получилось на снимке!

— Тридцать единиц! Но это же на границе солнечной системы!

— Да, да, на орбите Нептуна. И одиннадцатая звездная величина. Неужели это новая планета, Тонечка?

— Не надо гадать. Лучше сделаем еще один снимок.

Но Анатолий Борисович не мог успокоиться.

— Подумай, настоящая планета! За всю историю телескопа люди открыли только три планеты...

— Ну какая же это планета! Ведь она летит по гиперболе...

— Да, верно. И скорость у нее триста километров в секунду. При такой скорости Солнце не удержит ее. Она пролетит солнечную систему насквозь. Что же это такое, Тоня? Ничья планета? Что-то небывалое в астрономии.

— Не фантазируй. Может быть, все объясняется просто. Пластинка была испорченная, на ней царапинка, а ты уже изобрел «ничью планету». Потерпи... все выяснится.

Небо, как назло, испытывало терпение. С вечера началась пасмурная погода, густой туман лег на горы, тучи шли низко, поливали голые склоны дождем. Изредка проглядывали звезды, но не те, что нужно, и слишком ненадолго.

Контрольный снимок удалось сделать только в ночь на 12 декабря. Четвертая точка аккуратно легла на ту же гиперболу. Ошибки не было. Неведомое светило неслось к Солнцу и должно было пересечь орбиту Земли 3 июня, почти через шесть месяцев. А Земля проходила точку пересечения 4 июня, примерно через сутки. И так как за сутки Земля пролетает около трех миллионов километров, выходило, что Земля и неведомое тело пройдут довольно близко друг от друга, по астрономическим понятиям — впритирку.

Космическая катастрофа? Нет, невероятно. В небесах просторно, катастроф не бывает. А если все же столкновение?..

— Чудовищно! Непостижимо! — думал Трегубов. — Необходимо срочно провести вычисления.

В тот же вечер, передав жене расчеты для проверки, Трегубов заперся в кабинете и положил на стол пачку белых листов бумаги:

«Председателю Межпланетного комитета.

Президенту Академии наук СССР.

От директора Памирской обсерватории А. Б. Трегубова...»

Всю ночь он писал. Утром Антонина Николаевна настойчиво постучала в кабинет:

— Толя, ты спишь?

И она протянула мужу сложенную вчетверо иностранную газету. В глаза ему бросился заголовок: «МИНУТЫ ОТСЧИТАНЫ!»

«Наша газета раньше всех других имеет честь сообщить читателям о потрясающем открытии, которое сделал наш талантливый соотечественник профессор З. А. У. Липп.

10 декабря, изучая небесный свод, профессор Липп обнаружил неизвестное ранее небесное светило, перемещающееся на фоне далеких звезд. По прошествии двух дней он сумел определить его орбиту. Оказалось, что это небесное тело по размерам равно Земле, даже несколько превосходит ее. Светило сейчас находится на окраинах солнечной системы, на орбите Нептуна, на расстоя-

нии 4 с половиной миллиардов км от Солнца, в области вечного мрака, откуда наше Солнце выглядит бриллиантовой запонкой.

По традиции новое светило получило мифологическое имя. Профессор Липп назвал его Немезидой в честь мрачной богини, родной дочери Ночи. Но мы знаем, что греческая богиня Немезида не только дочь Ночи, но и богиня возмездия. Именно в этом смысле мы понимаем название, избранное профессором!

Как установил профессор Липп, Немезида не обращается вокруг Солнца. Она мчится прямо к Земле со скоростью 300 километров в секунду, 4 с половиной миллиарда километров она пройдет всего лишь за 173 дня!

Минуты отсчитаны! 173 дня дано нам, чтобы подвести итоги, взвесить и измерить наши деяния. Карающая десница занесена над Землей. Мы воображали, что нам дано понять вселенную. Но появилась Немезида, порождение вечного мрака, и мы не знаем, пройдет ли мимо карающий меч, или будет, как сказано в писании: «Господь же обрушил на Содом и Гоморру серу и огонь с неба и ниспроверг города эти, и всю долину, и всех жителей городов, и растения почвы, и пар от земли восходил, как пар плавильни...»

(Книга Бытия, гл. XIX, строки 24—28)».

— Тоня, — сказал Трегубов, отложив в сторону газету, — дай срочно перепечатать в трех экземплярах мой доклад... Один я пошлю в газету.

Наверное, никогда еще автоматическая машинка, привыкшая выстукивать цифровые таблицы, не печатала таких суровых и тревожных слов:

«Посмотрим мужественно в глаза опасности, — писал Трегубов. — Расчет показывает, что новое небесное тело пройдет в трех миллионах километров от нас. Мы не сомневаемся, что наши счетно-решающие машины безукоризненны. Но ведь это только машины — они перемалывают то, что в них закладывают. А мы не могли заложить безукоризненно точные исходные данные. Ибо исходные данные зависят от наблюдений, точность наблюдений — от качества телескопов, а у телескопа, как у всякой конструкции, есть свой потолок.

Кроме того, мы не знаем точно массы этого тела, а от его массы зависят возмущения — те искривления, которые внесет в его орбиту Юпитер, мимо которого новое тело пройдет в начале мая. Только после того как Юпитер внесет свои коррективы, мы будем знать, разминутся ли новое тело и Земля благополучно. И эта неопределенность, существующая сегодня, заставляет нас взвесить самые неприятные возможности.

Возможно ли столкновение? Оно маловероятно, но все же возможно. По моим подсчетам, за столкновение — один шанс, против — 60 тысяч шансов. Опасность не слишком велика, но вместе с тем и не исчезающе мала, не меньше, чем опасность попасть под машину в большом городе. А такие несчастья все же случаются.

Но беда в том, что не только прямое столкновение опасно для нас, пассажиров планеты Земли. Не надо забывать о силах притяжения. Даже наша скромная Луна своим притяжением создает морские приливы. Гость из Космоса, по-видимому, несколько больше Земли и раз в сто массивнее Луны. Приливообразующая сила увеличивается с массой и уменьшается пропорционально квадрату расстояния. Таковы точные формулы, и на них мы опираемся.

Если новое тело пройдет на расстоянии 3 миллионов километров, ничего страшного не случится. Приливы увеличатся всего на 20 процентов. С такой неприятностью можно примириться.

Но светило может оказаться и ближе. Допустим, расстояние 1,7 миллиона километров. Приливы увеличиваются вдвое. Невиданной силы волна входит в устья рек, заливает порты, набережные, дома и деревни, выбрасывает корабли на берег.

Допустим, светило проходит в два раза дальше от нас, чем Луна. Приливы увеличатся в 13 раз. Океан вздуется горой. Стометровые валы падут на Западную Европу. Под водой скроются Голландия, Бельгия, половина Франции, почти вся Англия. Перехлестнув через Данию и Германию, вал ворвется в Балтийское море... Чем ближе пройдет пришелец из Космоса, тем страшнее потоп.

Но вот светило подходит еще ближе к Луне. Притяжение его сильнее земного. Впрочем, наш спутник не будет украден, если

скорость светила слишком велика. Луна останется при нас, если только не будет пройден роковой предел Роша, при котором силы притяжения превосходят прочность горных пород. Тогда наш спутник лопнет, рассыплется на наших глазах, превратится в тучу сталкивающихся метеоритов. И десятки лет после этого на наши поля, города и села будут валиться обломки лунных гор, уродуя Землю взрывными кратерами...»

В экземпляре, отправляемом в газету, Анатолий Борисович дописал:

«Я еще раз повторяю, что шансы на столкновение ничтожны. Только чрезвычайная осторожность заставляет нас предупредить народ о такой возможности. Человечество проходит в эти дни серьезный экзамен. Ученые и инженеры обязаны призвать на помощь всю технику и достижения науки, чтобы предотвратить хоть и маловероятную, но все же возможную катастрофу. Я верю в человека, в его ум, его силу, в его умение преодолевать трудности. Никакой паники! Мужество и дерзание решают сегодня вопрос. Всеобщее спокойствие, люди! От вас зависит благополучие Земли...»

Сенсационное сообщение в иностранной газете об открытии Липпа произвело неприятное впечатление на Трегубова. Но, видимо, все рассуждения насчет кары, меча, Содома и Гоморры придумал падкий на сенсацию корреспондент. Сам Липп выступил с очень корректным и солидным сообщением. Он писал, что столкновение маловероятно. «Немезида пройдет на расстоянии 3—5 миллионов километров от Земли, точнее установить пока нельзя. Мы увидим на небе как бы вторую Луну — редкое и красивое зрелище. Перед нами удивительное явление природы, мы будем его изучать. Но беспокоиться нет оснований».

Так написал Липп. Но странное дело: его заметка, набранная мелким шрифтом, была помещена на седьмой странице, а на первой лезли в глаза мрачные буквы грохочущих заголовков:

ОСТАЛОСЬ 170 ДНЕЙ!
ХВАТИТ ЛИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ?
ГДЕ ПРОВЕДЕТЕ ВЫ ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА СВОЕЙ ЖИЗНИ?
ОСТРОВА АНТИПОДОВ УЦЕЛЕЮТ! СПЕШИТЕ НА АНТИПОДЫ!!!

13 декабря Анатолий Борисович вылетел в Москву в Межпланетный комитет...

(Продолжение следует)

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

(Научно-фантастическая повесть)

(Продолжение. Начало см. «ЮТ» № 5)

Георгий Гуревич ***Рис. Б. Дашкова***

«Немезида! Немезида! Немезида!» — не сходило с газетных полос. Ученые терялись в догадках. Что представляет собой эта бродячая планета? Откуда она пришла в солнечную систему? Кажется, не было такого астронома, философа, физика или писателя, который не высказал бы своего мнения.

Весть о Немезиде встряхнула мир. Муть всплыла на поверхность. Темные дельцы, любители легкой наживы, ринулись в погоню за добычей. Гадальщики печатали в газетах объявления: по звездам, даже по шишкам на черепе они брались предсказать каждому, уцелеет ли он при столкновении с Немезидой.

«Немезида! Немезида! Немезида!»

В церквах начались проповеди о «страшном суде». «Планета сия — булыжник в руках разгневанного бога, — заявил один знаменитый проповедник. — Господь бог замахнулся, — падите на колени с молитвой».

Какой-то ученый ядовито заметил:

— Почему же бог замахивается со скоростью трехсот километров в секунду? И если он всемогущ, к чему принимать облик планеты? Пусть явится лично и устроит суд по всем правилам!

— Пути господни неисповедимы, — отвечал находчивый проповедник. — Кто мы, чтобы угадывать его волю? Может быть, он нарочно приторможивает Немезиду, чтобы мы могли одуматься, покаяться и очистить себя от грехов.

«Материализм опровергнут окончательно, — написал Лекциус Сибелиус, доктор трансцендентальных наук. — Жалкие слепцы, именующие себя реалистами, утверждают, что в мире все возникает из материи. А Немезида? На ваших глазах из ничего родилась планета! И вы не знаете даже: перед вами небесное тело или скользящая тень потустороннего мира, сквозь которую Земля пройдет, словно сквозь привидение».

«Немезида! Немезида! Немезида!»

Панические слухи расползались по всем материкам. Статистика отметила резкий рост самоубийств и грабежей...

С большой статьей выступил известный астроном и общественный деятель Жевьер. Лишний раз он напомнил, как просторна солнечная система. «Земля и Немезида в волнах эфира — словно две ореховые скорлупки, — писал он. — Есть ли опасность, что они столкнутся? Математически она не равна нулю, но, по существу, ничтожна. Обратите внимание: те самые люди, которые громче всех кричат об опасности, сами же наживаются на ней, очевидно не веря в опасность. Не трепетать надо, не метаться по земному шару, а собрать ученых всего мира и на конференции сообща обсудить наши возможности».

Так высказался солидный Жевьер, и ученый мир поддержал его. Буквально через неделю конференция состоялась. Астрономы, физики, инженеры почти всех стран мира собрались вместе, чтобы взвесить опасность, обсудить

Художники состязались в изображении потопа...

меры предосторожности. Прежде всего наблюдать, наблюдать, наблюдать. Изучать Немезиду, уточнять ее орбиту. Рассчитать все возможные варианты затопления приливами. Немедленно сооружать дамбы и готовиться к выселению людей из наиболее опасных районов. Подготовить подземные сооружения — шахты, тоннели, линии метро, снабдив их герметическими входами, способными выдержать удар приливной волны. А кто-то, кажется профессор Липп, предложил построить временные города на горных хребтах и плоскогорьях — в Тибете, на Гималаях, на Памире, в Кордильерах и Андах...

Трегубов присутствовал на конференции в качестве делегата от СССР. Выступая, он сказал, что не следует ограничиваться наблюдениями, надо искать более активные меры... «В Советском Союзе институты ищут неустанно», — сказал он.

В заключение конференция приняла обращение к правительствам всего мира: приступить к реализации предложенных мер.

Все это выглядело так буднично, так привычно. Делегаты брали слово, выходили на трибуну, произносили речи... А за стенами бурлило людское море:

«Немезида! Немезида! Немезида!..»

Толпы людей осаждали обсерватории. На бульварах возле телескопов всю ночь стояли очереди. Каждому хотелось увидеть своими глазами виновницу переполоха. Мерзли, хлопали руками, терпели и отходили разочарованные. Им показывали слабенькую звездочку, ничем не отличавшуюся от окружающих. Люди сомневались: «Неужели это и есть Немезида? И эта блестка угрожает нам? Не может быть, — звезд на небе полно, для всех места хватит. Разойдемся как-нибудь!..»

В январе Немезида уже выглядела крошечным кружочком. По диаметру кружка вычислили ее размеры. Подтвердилось мнение, что Немезида несколько больше Земли. Ее спектр был точным повторением солнечного. Как все планеты, она светила отраженным светом. Никакой атмосферы на ней не было, иначе заметны были бы линии кислорода, метана, аммиака или углекислого газа. Все темные линии в спектре были сдвинуты. Это означало, что Немезида продолжает двигаться. По величине сдвига определили скорость. Вышло, как у Трегубова: 300 километров в секунду. Итак, пока люди наблюдали, спорили, пугались и успокаивались, Немезида приближалась, отсчитывая 300 километров каждую секунду.

Триста километров в секунду! Можно сказать, что Немезида мчалась, можно сказать, что она ползла. В сравнении с обычными скоростями скорость у нее была бешеная, немыслимая, молниеносная. Но ведь свой собственный поперечник она проходила за целых 50 секунд! Пожалуй, с таким же правом можно было сказать, что она ползла, как улитка, еле-еле продвигаясь по темным межпланетным просторам.

В середине декабря она пересекла орбиту Нептуна. Кончился год, прошел январь, и только в феврале осталась позади орбита Урана. Еще 8 недель понадобилось, чтобы дойти до орбиты Сатурна. Немезида миновала ее уже весной — 12 апреля.

В апреле люди с хорошим зрением различали Немезиду невооруженным глазом, без всяких биноклей. В телескопы на крошечном диске уже видны были кое-какие подробности. Так, Трегубов заметил на диске Немезиды темное пятнышко. Оно перемещалось. Таким образом, удалось установить, что Немезида вращается вокруг своей оси. Тамошние сутки были несколько длиннее земных — они равнялись 33 часам.

Затем был открыт темный ободок, как бы обруч, стягивающий экватор. Один английский астроном обнаружил, что на этом ободке заметна радиоактивность. Может быть, здесь находились особенные радиоактивные вулканы?

За исключением ободка и пятнышка, все остальное было ярко-белым. Работая с цветными фильтрами, Трегубов пришел к выводу, что Немезида отражает свет примерно так же, как снежное поле.

Снег?! Если на Немезиде есть снег, значит там были водяные пары и когда-то была атмосфера?! Куда же делся воздух? «Видимо, он замерз, — решил Трегубов, — и вся планета покрыта слоем твердого воздуха».

Вскоре пришло подтверждение. В начале мая в спектре Немезиды были обнаружены линии кислорода. Ответ получен — и тут же

новая загадка! Ведь кислород на Земле — результат жизнедеятельности растений. Но какие же растения могли быть на Немезиде, вдалеке от Солнца, при морозе ниже 200 градусов?

Изучала Немезиду и Антонина Николаевна Трегубова.

Ее интересовали только цифры, точные и безупречные. Она высчитала орбиту Немезиды и теперь с нетерпением ожидала прохождение мимо Юпитера. «Как изменит Юпитер орбиту Немезиды?» — вот что ее волновало.

Событие это совершилось 9 мая. Немезида опередила Юпитер, проскочив перед гигантом, как юркий миноносец перед носом у линкора. Расстояние между ними было более 40 миллионов километров, но могучий Юпитер все же искривил орбиту Немезиды и даже больше, чем ожидалось. Теперь с достаточной точностью можно было вычислить весь дальнейший путь Немезиды. И это было сделано Трегубовой через три дня.

По подсчетам Антонины Николаевны, Немезида должна была миновать Землю на безопасном расстоянии — около 2 миллионов километров. Международная расчетная комиссия опубликовала сообщение Трегубовой, и мир вздохнул с облегчением. Но прошло еще несколько дней, и Немезида преподнесла новый сюрприз.

Произошло это в поясе малых планет. Ученые до сих пор спорят, откуда взялись эти многочисленные тела: остатки ли это развалившейся планеты, разорванной притяжением Юпитера, или небольшая часть той метеорной тучи, из которой образовались все остальные планеты, так сказать, строительный мусор солнечной системы. Так или иначе, в этом поясе открыто уже более тысячи крупных астероидов. Проходя здесь, Немезида неминуемо должна была получить несколько увесистых ударов.

Как известно, Антонина Николаевна «не хватала звезд с неба, а только астероиды», как говорил шутя Трегубов, и посвятила свою жизнь изучению этой беспокойной области. Именно она установила, что Немезида должна встретиться с астероидом № 2073 — малой планетой по имени Лапута.

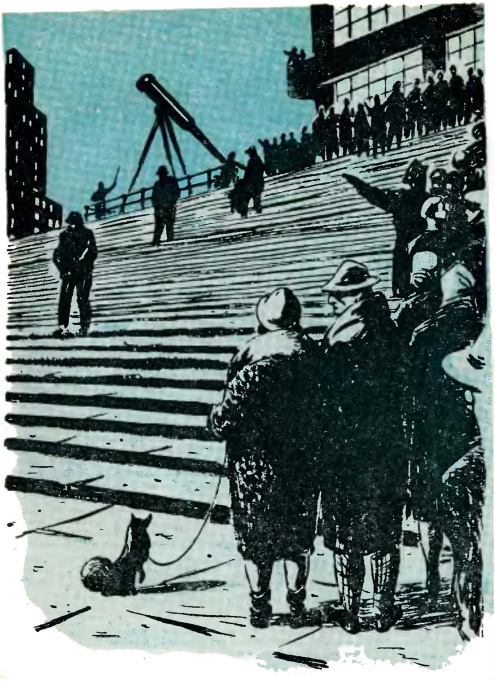
Трегубова открыла Лапуту много лет назад, будучи еще молодым наблюдателем, и дала ей название в честь летающего острова, описанного в «Путешествиях Гулливера». Позже было установлено, что трегубовская Лапута — глыба неправильной формы, похожая на букву «Г», и длина ее около 40 километров. Вот этот «камешек», на котором мог бы разместиться большой город, и должен был грохнуться на Немезиду в ночь на 18 мая в 4 часа 47 минут по московскому времени.

Итак, столкновение должно было состояться. Правда, не Земля, а мертвая Лапута принимала удар. Астрономы готовились к наблюдению. Спорили, что произойдет при встрече: чудовищный взрыв или просто удар? Будет Лапута распылена или только расколота?

В ночь на 18 мая астрономы не смыкали глаз, следя за сближением Немезиды и Лапуты. Светящееся зернышко и крошечная блестка сходились. Около часа ночи самые внимательные наблюдатели заметили какое-то сияние на экваторе Немезиды. Впрочем, об этом вспомнили позднее. В ту ночь о посторонних вспышках думали очень мало. Астрономы волновались, ожидая столкновения. В 4 часа 28 минут началось прохождение. Оказавшись на ярком фоне Немезиды, Лапута исчезла из виду. Только в самые большие телескопы можно было заметить темное пятнышко — ее тень. Тень скользила справа налево. Минуты шли, напряжение возрастало. 4 часа 45 минут... 4 часа 46 минут... И вдруг слева от диска засветилась яркая точка! Лапута просочила перед Немезидой, удар не состоялся!

Трегубова сделала новые снимки, получила новую спектрограмму. И вдруг очередная неожиданность: скорость Немезиды оказалась не 300, а 294 километра в секунду! Причем именно это изменение скорости спасло Лапуту от столкновения. Антонина Николаевна не сомневалась в правильности своих прежних расчетов. Но ответить на вопрос, почему Немезида изменила скорость, она не могла. Может, это загадочное небесное тело не подчиняется законам физики? Вместо того чтобы увеличить скорость при сближении с Солнцем, Немезида вдруг уменьшила ее?!.

В полном смятении Трегубова позвонила в Москву, в Межпланетный комитет. Анатолия Борисовича там не оказалось. Он уже вылетел на вторую Международную конференцию.



— Ваши расчеты, Антонина Николаевна, — ответили в комитете, — мы срочно пошлем Анатолию Борисовичу. Да, это осложняет обстановку: изменив скорость, Немезида пройдет теперь гораздо ближе к Земле... Продолжайте наблюдения, Антонина Николаевна.

* * *

В древнюю европейскую столицу вновь съезжались ученые со всех концов света. За несколько часов до открытия конференции, верный своим старым привычкам, Анатолий Борисович отправился бродить по городу. Он ходил пешком, без определенного плана и очень скоро с пышных центральных улиц попал в переулки, которые обычно туристам не показывают.

Переулки были похожи на каменные ущелья, дворики — на клетки. Сушилось белье, школьники, сложив наземь сумки, с увлечением играли в футбол. На углах с лотков торговали вином, овощами и леденцами. Девушки предлагали горячие каштаны,

мальчишки — газеты. Продавались орехи, углы в комнатах, акции, билеты в оперу. Жизнь катилась своим чередом...

Трегубов достаточно хорошо понимал язык. Ему нравилось, толкаясь в толпе, ловить отрывочные замечания прохожих. Вот жизнерадостные студенты.

— Бальзак — великий человек, хотя он и не умел строить интригу, — утверждает один из них, рыхлый увалень с большим бантом вместо галстука.

— Пять — ноль, я же знал, что они просадят!

— Мадам, купите цветы...

О Немезиде говорили повсюду, изредка с мрачным отчаянием, чаще со страхом, еще чаще с сомнением. Трегубов слышал такой диалог:

— Она ударит по Луне, и Луна упадет на нас.

— Враки!

— Но я сама слышала по радио. Ученые подсчитали...

— Выдумали твои ученые. Им тоже нужно хлеб зарабатывать!

В сквере, где грелись на солнце старички, а молодые матери катали младенцев в колясках, к Трегубову подошел юноша в коротком голубом пиджачке.

— Папаша, вам повезло, — шепнул он доверительно. — Исключительная удача, редкая возможность! У меня остался один-единственный билет на острова Антиподов и совсем недорого, за свою цену. Пожалейте себя, папаша, вы в цветущем возрасте. Жизнь дороже нескольких тысяч. Не отказывайтесь от Антиподов. Прекрасный, здоровый климат, благоустроенные отели, пляж, яхты, прогулки по морю, музыкальные вечера, карты, ресторан... Я сам бы поехал, но больная мать-старушка...

— К чему мне Антиподы? — удивился Трегубов. — Уж если бы я вздумал отдыхать, Ницца гораздо ближе.

Голубой пиджак удивился в свою очередь:

— Откуда вы свалились, папаша? С Немезиды? Всему миру известно, что уцелеют только острова Антиподов... — И он сунул в руки Трегубову рекламную афишку:

Акционерное общество
«ОБЕТОВАННЫЕ АНТИПОДЫ»

СПАСЕТ ВАШУ ЖИЗНЬ
ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ.

Агентства на всех континентах.

...Вторая конференция открылась во Дворце науки — гигантском кубическом здании из поляризованного стекла. Стекло это пропускало свет только в одну сторону, так что изнутри улица была видна, а снаружи стены казались матовыми. Сидя в кресле, Трегубов видел за полупрозрачной стеной монастырь. Из решетчатой калитки выходили монашки в белых платках, надвинутых на брови. Не поднимая глаз, они кивком подзывали такси, чтобы ехать по своим делам — на молитву. в банк или в ремонтную контору.

А через наушники Анатолий Борисович в это время слушал речи ораторов, переведенные машиной-переводчиком на двадцать языков одновременно. Монашки, такси, машины-переводчики — XX век!

...Открыл заседание Жевьер. Это был высокий представительный старик с орлиным носом и выдающимся вперед подбородком. Он был изысканно одет, скорее как артист, не как ученый, и голос у него был артистический, с бархатными переливами. Казалось, Жевьер увлекает слушателей звуками, а не словами.

На конференцию были представлены несколько расчетов орбиты Немезиды, наиболее точным признали расчет Антонины Трегубовой. Ее цифры и приняли за основу, когда выпускали коммюнике. «Немезида, — сообщала всему миру конференция. —

пересечет земную орбиту 3 июня в 23 часа 12 минут по гринвичскому времени и пройдет на расстоянии 900 тысяч километров от Земли и 500 тысяч километров от Луны».

Такое близкое прохождение не угрожало гибелью Земле, но катастрофически опустошительные приливы были неизбежны. Поэтому конференция приняла решение заново рассчитать затопляемую зону и срочно вывозить оттуда людей. Кроме того, были проверены меры, принятые в остальных частях земного шара.

Осталось только одно «но», и о нем напомнил Жевьер в конце своей речи:

— Дамы и господа, не поймите меня ложно, — сказал он, — Я с глубоким уважением отношусь к представленным расчетам и не сомневаюсь, что они правильны. Математики учли притяжение Юпитера, Солнца, Земли, даже Марса и Венеры. Но Немезида, как мне представляется, подчиняется не только притяжению. Иные и более грозные силы управляют ее движением. Она, видно, относится к классу неустойчивых небесных тел, подобно новым звездам. Чудовищные взрывы сотрясают ее недра, и, возможно, именно они сталкивают планету с естественного пути. В ночь на 18 мая мы были свидетелями таких взрывов, нам они представлялись неяркими вспышками. Не лишено вероятия, что эти взрывы замедлили движение Немезиды и спасли Лапуту. Мы не знаем, кто виноват здесь: случай или Немезида. Но если ничтожно малое притяжение Лапуты могло поколебать неустойчивые недра Немезиды, какие же катаклизмы вызовет мощное притяжение Земли! С другой стороны, есть у нас и утешение: притяжение Юпитера гораздо более сильное, чем лапутское, не вызвало, однако, никаких вспышек или взрывов на Немезиде. Вполне возможно, что все обойдется без неприятностей и Немезида проследует по вычисленному пути. Но хотя вероятность столкновения ничтожно мала, все же остается у нас досадная доза неуверенности.

Что же будет, если столкновение произойдет? Я представляю себе такую картину. Исчезнет голубое небо, его заменит каменное. Чужие горы нависнут над нашими горами... Зубастые вершины их вопьются в нашу землю, в пашни и холмы. Взметнется огненный смерч, леса вспыхнут, точно солома, и огонь сметет города и села...

Возможно, я зря тревожусь, но мы рискуем слишком многим, чтобы заниматься самоуспокоением. Так мать остерегает своего ребенка от самых редких опасностей. Он слишком дорог ей, и она всегда боится потерять его. Что нам остается делать?

С моей точки зрения, единственное, что я и предлагаю вашему вниманию: в настоящее время на земном шаре имеется двадцать восемь межпланетных ракет, способных поднять сто четырнадцать человек. Я предлагаю срочно строить новые ракеты и... начать вывоз людей с Земли! Да-да! Мы не в состоянии спасти все человечество, но можем сохранить жизнь его представителей, а вместе с ними увезти в мировое пространство все достояние человечества, его мысли, достижения науки, сокровищницу его знаний. Пусть переждут наши представители грозу и вернутся потом на Землю, если она уцелеет. А если Земля погибнет, пусть высадятся на Марсе или на Венере, чтобы продолжать наш род, нашу культуру...

— Итак, задача состоит в том, — закончил Жевьер, — чтобы отобрать наших наследников — молодых, здоровых, выносливых, способных и образованных людей — и вручить им все достижения человеческой мысли. К этому святому делу я и призываю вас, делегаты!

Жевьер сел и что-то быстро написал на листке из блокнота. Через минуту Трегубов получил записку: «Анатолий Борисович! Вам надо

ействовать, так как в Советском Союзе большинство межпланетных кораблей. Ваш Жевьер».

Между тем в зале заседаний стояла подавленная тишина. Прения не начинались.

Трегубов попросил слова.

— Господа, — сказал он, — наша страна примет участие в любом коллективном мероприятии, предложенном этой конференцией. Но посылка наследников в мировое пространство, это пассивная мера, мера отчаяния. Между тем мое правительство и Советский межпланетный комитет поручили мне сообщить вам итоги последнего совещания, которое состоялось в Москве. На этом совещании обсуждены результаты исследований по отыскванию активных и действенных мер. Советский Союз обладает реальной возможностью изменить орбиту Немезиды...

(Продолжение следует)

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

(Научно-фантастическая повесть)

(Продолжение[1])

Георгий Гуревич *Рис. Б. Дашкова*

— Мы имеем реальную возможность изменить орбиту Немезиды, — сказал Трегубов.

Изменить орбиту! Какой поднялся тут шум! Корреспонденты вскочили, готовясь записывать каждое слово.

— Уверены ли вы в успехе? — крикнул с места голландский делегат.

— Можно ли прекратить наращивание плотин?

Трегубов терпеливо дождался, пока улеглось волнение.

— Господа, я не хочу возбуждать необоснованных надежд. Меры предосторожности не следует отменять. Мы подготовили сложный опыт... Но нет гарантий против неожиданных осложнений. Впрочем, я уполномочен пригласить делегатов на совещание в Москву, где вопрос об этом опыте будет решен окончательно...

...Возможность изменить орбиту! Чтобы разъяснить слова Трегубова, нам нужно вернуться назад на полгода, когда впервые появилось сообщение об открытии Немезиды. Это случилось в декабре месяце, и, как читатель помнит, Трегубова срочно вызвали тогда в Межпланетный комитет.

Расстояние в то время уже не было препятствием. Три часа на вертолете до Алма-Аты, еще три часа от Алма-Аты до Москвы на сверхзвуковом самолете, и к концу рабочего дня Трегубов входил в кабинет председателя комитета Виталия Григорьевича Хоменко.

Описывать Хоменко нет необходимости. Весь мир знает его высокий лоб, мохнатые брови, раздвоенный подбородок. Это тот самый Хоменко, который руководил первым полетом на Луну и сам летал туда со второй и третьей экспедициями. «Я был первым стариком на Луне», — говорил он о себе.

Кроме Хоменко, в кабинете был еще один незнакомый Трегубову человек — коренастый, с бритой головой и пышными усами. Он сидел в сторонке, не вмешиваясь в разговор, и поглаживал усы.

— Нам хотелось посоветоваться с вами, Анатолий Борисович, — сказал Хоменко, протягивая руку.

— Я изложил свое мнение в докладе, — ответил Трегубов. — О столкновении незачем и думать — один шанс против шестидесяти тысяч.

— Ну, а если он выпадет все же? — спросил Хоменко. — Что можно предпринять тогда? Не сумеем ли мы... отклонить Немезиду? Взрывами, например?

Трегубов подсел к столу, набросал несколько цифр на бумаге.

— К сожалению, тут обсуждать нечего, — сказал он. — Снежную лавину не остановишь, стреляя в нее из ружья. Какие взрывы сильнее всего? Атомные. И вот расчет: одна атомная бомба может уменьшить или увеличить скорость Немезиды на одну десятимиллиардную долю миллимикрона в секунду. Ударив заблаговременно, недели за две, вы накопите разницу побольше — толщину одного электрона. Сколько вы сделаете бомб? Тысячу? Десять, сто тысяч? Ну, так вы сдвинете планету на один атом. А нужно маневрировать десятками тысяч километров.

— Какую бомбу вы имеете в виду?

— Урановую. У них определенный размер. Но и водородная не облегчает дело. Вам придется забрасывать на Немезиду запасы тяжелого водорода. Вы же сами межпланетчик, вы знаете, что каждая ракета строится годами, а поднимает тонны три...

Здесь усатый человек впервые раскрыл рот.

---

[1] Начало см. ЮТ № 5 и 6.

— А есть на Немезиде лед? — спросил он.

Трегубов удивился. С недоумением взглянул на Хоменко.

— Мы не так беспомощны, как вы думаете, Анатолий Борисович, — улыбнулся Хоменко. — Вот товарищ Лобанов берется, если мы захотим, отшвырнуть Немезиду с нашего пути.

* * *

Весь декабрь Трегубов провел в разъездах: Памир—Москва, заграничная конференция — опять Москва, и опять Памир, где Лобанов проводил решающие испытания.

Инженер Лобанов оказался трудным собеседником. На все вопросы он отвечал одно и то же: «Увидите, оцените». Чтобы увидеть и оценить. Трегубов пролетел четыре тысячи километров на самолете, проехал двести километров по горной дороге, где пассажиров укачивало от обилия поворотов, и несколько часов просидел в подземном убежище, любуясь горами через перископ.

Пять снежных хребтов вздымались перед ним один выше другого. Ближайший — черно-бурый, с рыжеватыми пятнами голых рощ, выпуклый, бугристый, тяжеловесный. За ним виднелся сине-лиловый хребет, третий казался синим, четвертый — голубым, пятый, самый отдаленный, как бы парил, оторвавшись от Земли. В час восхода он был нежно-розовым, потом стал сиреневатым, дымчатым. Он был почти прозрачен, невесом. Казалось, ветер дунет, солнце взойдет повыше, и вершины его растают в синем небе, как сахар в теплой воде.

Горы вселяли в Трегубова спокойствие. Десятки миллионов лет стоят эти каменные волны, стоят и будут стоять. Все на своем месте: на небе звезды, на Земле горы — устойчиво, непоколебимо.

Наконец настал час испытания. «Смотрите!» — сказал Лобанов и нажал пластмассовую кнопку с красной буквой «О» — огонь...

И тогда над дальним хребтом встало второе Солнце, ослепительно яркое, гораздо ярче небесного. Дымчатый кряж приобрел форму и вес, он стал виден отчетливо, словно обведенный тушью. Трегубов разглядел и черные зигзаги ущелий, и тени под скалами, и два пика над пограничным перевалом, и ледник между ними. По леднику сверху вниз полз огонь, давая белые и цветные вспышки. Потом полыхнуло красное пламя... и тогда произошло чудо: горы сошли с места. Они не взлетели, нет, это было бы несолидно для горных пиков. Они медленно поднялись и неторопливо опрокинулись, показывая раскаленную подошву. А затем, уже в воздухе, безмолвно рассыпались на обломки.

Это продолжалось около минуты. Затем с четвертого «голубого хребта» поднялась радужная мгла и скрыла летящие горы. Еще минуту спустя белая мгла с третьего хребта поглотила радужную. Взрывная волна неслась к убежищу, срывая снежные лавины со всех попутных хребтов.

И вот примчалась. Ударила с ревом, грохотом, присвистом. Стены вздрогнули, перископы ослепли... Погас свет, черная ватная тишина навалилась на людей.

Робкий огонек спички вспыхнул в углу, осветил усы.

— Вы целы, Анатолий Борисович?

— А вы, товарищ Лобанов?

— Непредвиденное осложнение. Кажется, нас завалила лавина. Впрочем, Хоменко знает, где находится убежище, нас откопают со временем. Наберитесь терпения, придется посидеть в темноте.

Трегубов потрясен. Он не думал о собственных неудобствах.

— Великолепно! Грандиозно! — восхищался он. — Скажите же, наконец, что это такое?

— Лед.

— Обыкновенный лед?

— Ну да, лед, соединение водорода с кислородом. Вы же знаете, по Эйнштейну каждое вещество может быть источником атомной энергии. Уран взрывается сам собой, тяжелый водород «зажигается» урановым взрывом. Лед, оказывается, можно запорить антильдом. Реакция получается очень сложная, мы не разобрались во всех подробностях. Сначала происходит взрыв антивещества, вылетают мезоны, во множестве образуются мезонные атомы вместо обычных, в мезонных атомах легко возникает тяжелый водород, тяжелый водород взрывается, опять вылетают мезоны...

— Лед — источник тепла! Это парадоксально. Значит, вы просто бросаете антивещество на ледник?!

Лобанов коротко рассмеялся.

— Нет, не так просто, Анатолий Борисович. К сожалению, этой реакцией нельзя управлять. Если бы вы положили запал на ледник, от взрыва треснула бы земная кора. Нет, нам пришлось делать свинцовые бомбы, класть в них лед и прятать глубоко под землю... Но на Немезиде не нужны никакие предосторожности. Пусть взрывается побольше, весь лед на полюсе. И тогда она, как ракета, полетит в противоположном направлении.

— Надо посчитать.

— Посчитаем. Время есть. Темновато, правда...

— Ничего. Будем считать в уме.

* * *

Почти полгода — с декабря до мая — исподволь готовился удар по Немезиде.

Ракету строить не понадобилось. Можно было использовать любой из межпланетных кораблей, летавших на Луну. И в распоряжение Лобанова был предоставлен последний, самый грузоподъемный — «Луна-4».

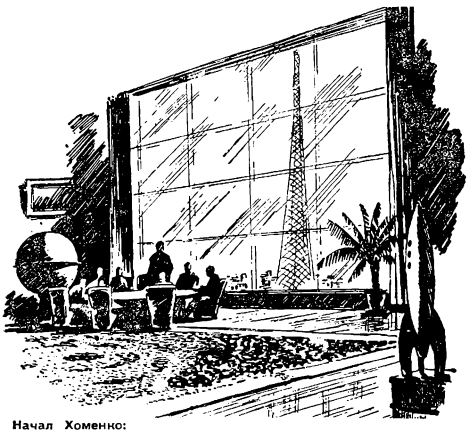
Межпланетный вокзал — стартовая установка для отправки лунных ракет — находился, как известно, на Кавказе. В любой момент оттуда могла стартовать ракета и на Немезиду.

Следовало накопить заряд антильда. Антилед — вещество «наоборот», с отрицательными ядрами и положительной оболочкой, по виду ничем не отличается от обычного льда, но взрывается при малейшем соприкосновении со льдом, с водой, с воздухом, с любым веществом. Изготовлять его трудно и опасно, еще труднее сохранить. Лобанов держал антилед в специальных пустотных сосудах, где с помощью мощного электростатического поля антилед удерживался на весу, не прикасаясь к стенкам.

Потребовалось также подготовить обычные межпланетные расчеты, выбрать трассу ракеты, подсчитать влияние Земли, Луны, Солнца, планет, Немезиды, выбрать сроки и систему управления на все варианты прохождения. Работа эта была проделана заблаговременно, и, когда выяснилось, что Немезида пройдет на расстоянии девятисот тысяч километров, Лобанову нужно было только открыть шкаф и вынуть папку с вариантом № 93-А.

Папка эта и была представлена на историческое совещание 23 мая, где обсуждалась судьба двух планет.

Корреспонденты сохранили для нас все подробности этого совещания. Оно состоялось в кабинете Хоменко немедленно после Международной конференции. Вечер был душный, пришлось открыть окна. На одном из подоконников сидел Лобанов, поглаживая усы. Хоменко с указкой расхаживал возле схемы, где черной линией была изображена орбита Земли, красной — орбита Немезиды, пунктиром — новая орбита, после взрыва. В креслах сидели иностранные делегаты — голландец Ван-Бартельс, нигериец Нкурмба, Поль Деккан из Франции, Мухамед Али из Восточного Пакистана, Хуарес — чилиец и американец Джонс...



Начал Хоменко:

— Согласно уточненным данным, — сказал он, — вечером третьего июня Немезида пройдет на расстоянии девятисот тысяч километров от Земли и вызовет опустошительные приливы, раз в десять больше нормальных. Я могу зачитать подробный список городов, которые будут затоплены и частично разрушены, когда волны невиданной высоты обрушатся на берега. Наша страна находится в сравнительно благоприятных условиях. У нас пострадает Архангельск, порты Дальнего Востока. Но Ленинград, порты Черного и Каспийского морей в полной безопасности. Иное дело на берегах океана. В Ла-Манше пройдет волна высотой в двадцатиэтажный дом. В Лондоне, Ливерпуле, Гамбурге будет чудовищное наводнение. Под водой окажется Голландия, половина Бельгии, половина Ирландии, Северная Франция... И хотя волна вскоре схлынет, разрушения будут неимоверны. Миллионы людей останутся без крова, тысячи погибнут от голода, холода, болезней... Поэтому я считаю необходимым использовать все возможности, чтобы отбросить Немезиду хотя бы на полтора миллиона километров.

— Это в наших руках, — отозвался Лобанов.

— По расчетам инженера Лобанова, — продолжал Хоменко, обращаясь к гостям, — атомный пожар во льдах Немезиды, который мы можем зажечь, придаст ей скорость около двадцати километров в секунду. Значит, чтобы отбросить Немезиду на безопасное расстояние, надо ударить заблаговременно — часов за восемь.

— И это в наших силах, — вставил Лобанов.

— Но скорость Немезиды велика. За восемь часов до прохождения она будет в девяти миллионах километров от нас. Наши межпланетные ракеты не так быстроходны. Чтобы поспеть к месту встречи, надо стартовать немедленно, завтра же. Старт подготовлен. Мы хотели бы слышать ваше мнение: надо ли ударить?

— Безусловно! — сказал голландец.

— Мы надеемся только на вас, — добавил пакистанец. — Мы не успеем достроить дамбы в дельте Ганга.

Делегаты Франции, Нигерии и США также проголосовали за огонь.

Чилиец кивнул головой.

И тогда Хоменко спросил неожиданно:

— А вы уверены, что мы имеем на это право?

Все поглядели на него с недоумением... Единогласно было решено зажечь на Немезиде атомный костер.

— Хорошо, — задумчиво сказал Хоменко, — ракету мы отправим. А там видно будет...

На следующий день ракета с грузом антильда стартовала на Кавказском межпланетном вокзале.

Иностранные гости провожали ее. Для этого им не понадобилось выезжать на Кавказ. Достаточно было подняться на лифте на пятисотметровую башню нового телевизионного центра.

У подножия башни они вошли в закрытый лифт, кабина вздрогнула, глухо загудел мотор — и за минуту электрический «джин» перенес их в заоблачный мир с белыми, тугими, словно подушки, облаками. Подернутые дымкой кубики в просветах между облаками — вот все, что осталось от Москвы.

Затем Хоменко открыл дверь — и новое волшебство: гости оказались в кабине ракеты. Два круглых светящихся окна смотрели из нее: на переднем виднелось звездное небо, на заднем — морщины, усеянные белыми пятнами, — так выглядели Кавказские горы и тучи с высоты двухсот километров.

Комната на башне была специально оборудована для наблюдения ракет-автоматов. На этих ракетах не было людей — человеческие глаза заменяли телепередатчики. Один из них передавал изображение на передний экран, другой — на задний. И наблюдателям казалось, что они сидят в ракете, могут смотреть вперед, могут оглянуться назад — на Землю.

Кабина с экранами давно стала вторым кабинетом Хоменко. Не выходя из нее, он совершил немало замечательных путешествий. Он видел, как выглядит земной шар с высоты тысячи, десяти тысяч и ста тысяч километров. Видел, как лик Луны с глазами, ртом и темной щекой превращается в чужой мир с кольцеобразными горами, видел, как Луна поворачивается на экране, впервые показывая людям свой затылок. И позже, когда в подлинной ракете Хоменко летал на Луну, ему все казалось, что он уже побывал там: столько раз разглядывал он каждую гору, так примелькались ему лунные виды.

Ракеты стартовали с Кавказа на восток — на Луну и на Немезиду одинаково. Начало пути было знакомо Хоменко, как выезд из дачи на шоссе. Указывая на бесформенные серые и белые пятна, он уверенно называл Каракоргаз, Аральское море, Ферганскую долину, Иссык-Куль. Гости удивлялись. Они не узнавали ничего. Их сбивали облака, искажавшие географические очертания, ярко-белые, словно пятна известки, на карте.

Над Западным Китаем через несколько минут после старта ракета вступила в ночь. Задний экран потух, стал глухо-черным. А на переднем все ярче блистали звезды. Среди

них без труда можно было отыскать Немезиду. Она находилась все еще в поясе астероидов и выглядела не ярче, чем Марс.

Потом на заднем экране показался свет, и в круглую раму его вписался громадный серп. Но это была не Луна, а наша Земля. Серп, в отличие от лунного, был разноцветный — с розовой дымкой на грани дня и ночи, со стальными морями, голубоватыми лесами и ярко-белыми снегами на одном из рогов.

В дальнейшем зрелище стало менее интересным. На переднем экране сверкали все те же звезды, на заднем виднелись два серпа — земной и лунный, как бы две буквы «С» — заглавная и строчная. Маленькое «С» двигалось проворнее, обгоняя большое. Оба постепенно уменьшались, превращались в яркую двойную звезду. Глядеть на двойную звезду сзади и одинокую впереди было неинтересно. И гости и сам Хоменко посещали башню только раз в сутки, не чаще, чтобы удостовериться, что ракета не отклонилась от рассчитанной трассы.

Так продолжалось вплоть до решающего дня 3 июня.

* * *

Хоменко приехал на башню часа в четыре утра. В этот час обычно на московских улицах светло и пустынно. Город кажется покинутым. Но сегодня во всех окнах виднелись головы, на тротуарах и мостовых стояли группы людей и все смотрели в одну сторону, на запад, где висела непривычно яркая звезда.

Лифт вознес Хоменко над Москвой. В телевизионном кабинете было тесно. Перед каждой панелью, перед каждым экраном сидели наблюдатели: кто с блокнотом, кто с киноаппаратом. Деловитый Лобанов подошел к Хоменко, крепко встряхнул ему руку.

— Я попрошу вас распоряжаться сегодня, — сказал Хоменко. — Старайтесь не отрывать меня от экрана. У меня особая задача — понять природу Немезиды. И не забывайте, что за минуту до встречи я могу отменить взрыв.

— Лучше минут за пять, — уточнил Лобанов. — Ведь наша радиограмма будет идти тридцать секунд и нам нужно еще развернуться, выйти из поля тяготения.

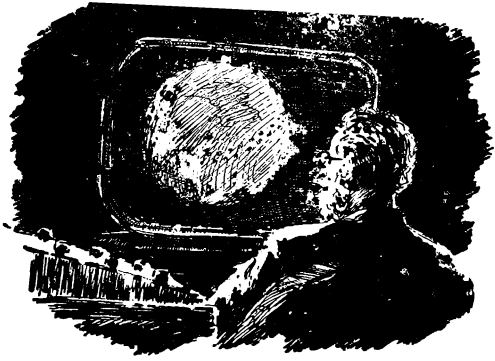
Хоменко занял место перед специальным третьим экраном. Он был связан с телескопом, стоящим на ракете. На этом экране Немезида выглядела, как полная Луна. На обсерваториях Немезида получалась крупнее, но беспокойная земная атмосфера смазывала детали, превращала диск в волнующееся отражение. Ракета же летела в безвоздушном пространстве, ее передатчик давал подробности с безупречной четкостью.

На темном экваториальном поясе Хоменко разглядел черные крапинки, которые располагались рядами. Вулканы? Что же это за вулканы, возникающие в шахматном порядке?

Сероватые пятна были замечены астрономами уже месяц тому назад. По традиции, их назвали морями, хотя всем понятно было, что в этих морях, как в лунных и марсианских, нет воды. Астрономы многих стран нанесли моря на карты, поторопились дать им имена. Теперь Хоменко мог бы при желании уточнить карту, обогатить ее множеством заливов и бухт. Но что это давало? Не очертания пятен, а их природа была важна.

Диск Немезиды рос почти на глазах. Хоменко осматривал его методично от полюса до полюса и каждый раз отмечал новые подробности. Вот на серых пятнах проступили белые жилки. Их можно проследить и на белых пятнах, но там они кажутся сероватыми. Что это такое? Возможно, горные хребты. На снежных равнинах заметнее голые каменные склоны. На сером фоне выделяются снежные вершины. Да, жилки похожи на горы, но на земные, не на лунные. На Луне горы кольцеобразные. Видимо, они характерны для небольших небесных тел без атмосферы. Немезида ближе к Земле по размерам, и горы там похожи на земные. Проследим, как ложатся жилки. Нарисуем на отдельном листе. Так, так! Уже можно уловить систему. Вот широтный пояс, вот меридиональный, а здесь совсем нет гор, скорее всего это замерзшие океаны. Океаны занимают две трети поверхности, примерно как на Земле. Горы, как на Земле, и океаны, как на Земле! Почему же насквозь промерзшая Немезида так похожа на Землю?

За размышлениями часы идут быстро. Немезида заметно выросла. Снова можно осмотреть темные пятна. Подробностей ника-



ких. Нет ли системы в их расположении? Пожалуй, есть — больше всего пятен в умеренных поясах и поблизости от экватора. А у полюса и возле тропиков их нет. Сравним с Землей. На Земле так располагаются леса.

Но какие же леса при двухсотградусном морозе вдали от Солнца? Ведь Немезида явилась из вечной тьмы...

Хоменко вскакивает и садится. Он задыхается от волнения. Какая жалость, что он не может вместе с ракетой перенестись на Немезиду! Какая жалость, что судьба Архангельска, Голландии и Ирландии заставляет нас отталкивать Немезиду, вместо того чтобы придвинуть и рассмотреть ее получше!

Допустим, люди переселились бы на Немезиду. Конечно, они бы заняли долины степных рек, поставили бы города в устьях рек, вершинах дельт...

А это бесформенное пятнышко — не остатки ли города?

Мчится мимо Земли гигантский музей. Уничтожить его, сжечь атомным огнем — почти преступление перед наукой.

— А Лейденский университет, музеи Амстердама и Гааги, Роттердамский собор, — напоминает голландец.

— Да, приходится жертвовать Немезидой!

Мешает сосредоточиться Лобанов:

— Виталий Григорьевич, обратите внимание на цифры. Целый поток частиц с высокой энергией!..

И вдруг... Немезида исчезает. Слышится треск. Широкие светлые полосы бегут по экранам. Даже с панелей исчезли цифры, показывающие расстояние до Немезиды.

Ох, уж эта техника! Обязательно подводит в критическую минуту... Исправляйте, товарищ Лобанов!

Зря пропадают драгоценные минуты. Монтеры с растерянными лицами заглядывают под крышки аппаратов. Ток есть, но все экраны не работают. Причина какая-то простая, общая, единая для всех...

— В пространство что-то происходит. Какая-то зона не пропускает радиоволны, — говорит Лобанов. — Могут быть там облака ионизированного газа? Или узкие потоки космических лучей?

— Все может быть. Много неведомого в пространстве.

— Попробую на самых коротких волнах, — бормочет Лобанов.

— Эх, лучше бы я сидел на какой-нибудь обсерватории! Доброе старое стекло надежнее, — говорит Хоменко и идет к телефону.

В Европе Немезида сейчас не видна. Межпланетный комитет связывает его с Пекинской обсерваторией.

— Наблюдают ли там Немезиду?

— Видим хорошо, — отвечают китайцы.

— А ракету?

— Нет, ракета слишком мала, чтобы разглядеть ее...

— По расчетам, через четыре минуты встреча, —, говорит Лобанов.

На экранах по-прежнему широкие светлые полосы.

— Ну так что же — щадить Немезиду?
— Давайте сигнал взрыва!
Лобанов нажимает кнопку. Взрывать приходится вслепую. Сейчас ракета грохнется на льды Немезиды и начнется пожар.
Осталась одна минута.
Сейчас!
И еще тридцать секунд свет вспышки будет лететь до Земли.
— Пекин! Видите вы Немезиду? Она вспыхнула?
— Нет.
— Вспыхнула?
— Нет.
— А сейчас?
— Нет.
И минуту спустя:
— Нет.
Хоменко кладет трубку.
Удар не состоялся. Отсчитывая триста километров каждую секунду, Немезида приближалась к Земле, и уже никто не мог ее отбросить.

(Продолжение следует)

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

(Научно-фантастическая повесть[1])

Георгий Гуревич *Рис. Б. Дашкова*

Отсчитывая триста километров каждую секунду, Немезида приближалась к Земле, и уже никто не мог ее задержать.

Неужели космическая катастрофа?

Эти последние тревожные дни Трегубов провел за рубежом.

В минуту опасности человек становится откровеннее, открывает свое подлинное лицо: патриот спасает знамя, трус — свою шкуру, скупец — деньги, изобретатель — свой труд.

В эти дни Анатолий Борисович увидел капиталистический мир без прикрас. Сразу же после окончания конференции он выехал на побережье, где имелись специальные машины для расчета приливов. Казалось бы, задача проста: стой у машины, следи за цифрами, исключай ошибки. И Трегубов собирался всю неделю провести в машинном зале. Но вместо этого ему пришлось по восемь часов в день принимать посетителей, объяснять, уговаривать, спорить, доказывать.

Некоторые визитеры только расспрашивали. Они не доверяли властям, желали убедиться, что опасность действительно угрожает (или не угрожает) их собственному дому, их собственной лавочке, собственной фабрике. Но были и такие посетители, которые не только спрашивали, но и пытались повлиять на расчет. Владелец завода хотел вывезти оборудование и требовал затопляемую зону объявить незатопляемой, чтобы беженцы не загромождали дорогу... Владелец железной дороги хотел незатопляемые районы зачислить в угрожаемые, чтобы ему заплатили тройную цену за проезд туда и обратно. Получив отпор у Трегубова, спекулянты шли к его помощникам, к техникам, к землемерам, к корректорам. Анатолию Борисовичу приходилось проверять каждый документ: всюду находились «нечаянные ошибки». Он уволил двух недобросовестных работников — на другой день пришло анонимное письмо с угрозами...

— К кому вы послали меня? Я не привык к такой обстановке! Здесь не люди, а беснующиеся частники! — жаловался Трегубов Жевьеру.

— Вы ошибаетесь, — сдержанно отвечал тот. — Просто настоящие люди не надоедают вам, они добросовестно выполняют распоряжения. И вы их не замечаете, видите только дрянь, которая сопротивляется. Впрочем, — добавил он с грустью, — читайте газеты. Вы увидите, что и меня осаждает всякая мразь.

Жевьер занимался снаряжением «наследников человечества». Из ста четырнадцати человек в его стране надо было набрать двенадцать. Но вокруг этих двенадцати поднялась свистопляска.

В чистые руки хотел передать Жевьер наследие человечества. Он намеревался послать в пространство людей молодых, сильных, здоровых и умных.

Но сразу же получил «сюрприз»: один из кандидатов, которому разрешили ехать с женой, срочно развелся и женился на дочери миллионера — парфюмерного фабриканта. Миллионер хотел купить таким способом безопасность своей наследнице...

Жевьер надеялся отобрать знающих людей, специалистов своего дела. Солидная газета «Экономист», сорок лет уверявшая, что в стране исчезла противоположность между трудом и капиталом, потребовала справедливости. «Половина мест должна быть отдана нанимателям, половина — наемным служащим», — утверждала она.

— Ни одного негра за пределы Земли! — надрывалась заокеанская «Южная газета».

А некий сенатор внес в сенат запрос: «Не угрожает ли всеобщей безопасности посылка в пространство не проверенных сенатской

---

[1] Продолжение. Начало см. № 5, 6 и 8 за 1957 год.

комиссией людей? Ведь они будут располагать всеми секретами человечества».

И вот наступил решающий вечер — 3 июня. Немезида взошла на востоке, как только занатилось солнце. И толпы встревоженных наблюдателей ахнули. Да, теперь все убедились, что опасность приближается. Еще вчера на небе виднелась лишняя звезда, пусть очень яркая, но все же звезда. А сейчас над крышами и деревьями медленно всходило золотое яблоко, нечто невиданное — не звезда и не Луна.

Анатолий Борисович в этот час подъезжал к столице. Дорога была забита беженцами. Трегубов потратил полдня на каких-нибудь полтораста километров. По шоссе мчались грузовики с мебелью, легковые машины с чемоданами, навьюченными на крыши, шли пешеходы с узлами, везли имущество в детских колясочках, садовых тачках. На перекрестках какие-то люди врывались в машину Трегубова, требовали места, размахивая деньгами или револьверами. У мостов возникали пробки, автомобили сталкивали друг друга под откос. Не было порядка, не было полиции, одни лишь мятущиеся толпы, повторяющие самые дикие слухи.

И в столице на улицах стояли люди. Проехать было невозможно. Трегубов выбрался из машины, чтобы пешком дойти до Дворца науки, нырнул в толпу... и почувствовал себя щепкой в водовороте. Толпа бурлила, в ней возникали струи, потоки, завихрения. Трегубова понесло в какой-то переулок, затем через проходной двор к уличному телеэкрану. Хорошенькая дикторша со слипшимися от краски ресницами мрачно вещала:

— До Немезиды сейчас шесть миллионов километров, господа!

Магазины были закрыты железными ставнями, бойко торговали только винные лавки. Во многих местах пьяницы, возмущенные тройной ценой. врывались силой и даром забирали бутылки. Вместе с алкоголиками лавки громили и полицейские. В подворотнях кричали: «Караул, грабят, на помощь!» Грабители рангом повыше не лезли в карман, они навязывали билеты на Обетованные Антиподы, места в несуществующих ракетах, новейшие гороскопы «с научным» предсказанием судьбы. Небритый монах, подпоясанный веревкой, продавал отпечатанные на машинке пропуска в рай. На пропусках был указан номер райских врат, печать апостола Петра и приписка: «Подделка преследуется вечным проклятием».

— Немезида приближается! До нее пять миллионов километров, господа!

С величайшим трудом Анатолий Борисович прорвался на площадь Дворца науки. Перед монастырской стеной на коленях стояли монашки и пели нестройным хором. Священник в белой одежде призывал окружающих присоединиться. Какие-то кликуши бились лбом об асфальт, визгливо крича о своих грехах.

— Немезида приближается!..

Эти слова звучали как припев к трагическому хору испуганных, оплакивающих свою гибель.

Седой старик в очках, назидательно тряся пальцем, утешал собравшихся:

— Господа литераторы не раз описывали сближение миров. У Герберта Уэллса есть роман о проходящей комете и рассказ о проходящей звезде. Все сбывается точно, каждая строчка. Пожары, потопы и наводнения. Но потом звезда пройдет, и все станет лучше на Земле. И теплее, и люди разумнее...

Для чего-то по радио начали передавать корреспонденцию с побережья. Развязный диктор сообщил скороговоркой:

— Мы стоим перед полосой отлива. На обнаженном дне в лужицах ползают крабы. На горизонте гигантский вал. Он наступает. Вы слышите шум? Вот уже первая волна набежала на берег. Пляж под водой. Всплыли купальные кабинки, лежанки, соломенные кресла. Вода подступает. А вот на пороге рыбацкой хижины я вижу старика. Почему вы не уехали, дедушка? Вы не боитесь прилива? Скажите нашим радиослушателям.

И шамкающий голос раздался на площадях столицы:

— Отстаньте, все вы с ума сошли. Семьдесят лет я вижу прилив и отлив. Вода никогда не доходила до моего дома. При чем тут звезды? Звезды и приливы были и есть. Все на своем месте...

— Немезида приближается! Четыре миллиона километров до нее!

В девять вечера по телевидению передали прощание с наследниками. Три ракеты, принадлежавшие родине Жевьера, готовились покинуть Землю. Словно три свечки у изголовья усопшего, стояли они торчком на ровном поле. Наследники, одетые в скафандры, прощались с рыдающими родственниками...

— Немезида приближается, господа!

Не надо было напоминать. Все и так видели, что она приближается. Золотое яблоко превратилось в апельсин, апельсин все рос и рос. Хорошо виден был знаменитый поясок на экваторе и пятна, подобные лунным морям. Потом взошла и Луна. Она была больше по размеру, но светила, пожалуй, слабее. У Луны свет был латунно-желтый, а у Немезиды почти белый, даже с голубизной. Сверкала она так, что глазам было больно.

Часам к десяти вечера диски Луны и Немезиды сравнялись. На небе сияли как бы две Луны, обе на ущербе, освещенные — слева, темные — справа. Они сближались, причем зрителям казалось, что Луна догоняет Немезиду. Словно отважный одинокий воин, вышла она навстречу пришельцу. Снова поползли слухи о столкновении, о том, что Луна рухнет на Землю и всех раздавит.

— До Немезиды два миллиона километров, господа!

Луна и Немезида сближались. Два светлых круга сияли рядом. Вот они слились, превратились в восьмерку.

Но столкновения не было. Немезида проходила гораздо дальше Луны. На левом краю Немезиды обозначилась явственная выемка. Луна заслоняла ее край.

Первое и последнее в истории затмение Немезиды продолжалось около двух минут. Вскоре ее край появился вновь. Сначала на левой «щеке» Луны показалась припухлость, как бы флюс, затем Луна растянулась, превратилась в восьмерку, раздвоилась. И снова два светила сияли рядом, одно ярче другого.

Хорошенькое лицо дикторши появилось снова.

— До Немезиды миллион семьсот тысяч километров, — сообщила она безрадостно. — Измерения продолжаются непрерывно...

Трегубов в это время стоял во Дворце науки рядом с Жевьером и флегматичным Липпом. Каждые три минуты

они получали сообщения от радиолокаторов, каждые три минуты остро отточенным карандашом Липп ставил точку на миллиметровке, тонкой линией соединяя ее с предыдущими. И три головы склонялись над графиком, чтобы по форме чуть изломанной линии угадать судьбу планет.

— Чувствуешь обидную беспомощность, — сказал Жевьер. — Эта Немезида издевается над наукой. Лучшие силы мировой науки вычислили график ее движения. А она идет по-своему, совсем иначе.

— Но кривая плавная, и она приближается к экстремуму, — заметил Липп. — Закон движения достаточно прост.

Жевьер не согласился:

— Сейчас кривая плавная, но она переломилась двадцать третьего мая и вторично переломилась сегодня днем. Откуда мы знаем, куда повернет Немезида через минуту.

Так выглядела для них мировая трагедия. Цифры и точки, цифры и точки. По точкам строилась кривая — плавная или изломанная. Плавная вела к спасению, перелом — к катастрофе.

Новые сведения. Точка ложится в стороне от кривой, заметно ближе к Земле. Перегиб или ошибка локатора? Следующее измерение покажет. Надо подождать три минуты.

Три минуты напряженного молчания. Хорошо, если ошибка. А если перегиб? Страшно подумать, к чему приведет перегиб. Это уже не приливы, не потоп — это гибель!.. Точки и цифры, цифры и точки! Глядя на них, Жевьер багровеет, бледность покрывает лицо Липпа. Трегубов втягивает голову в плечи, как будто удар состоится сейчас, в это мгновение. Медленно ползет секундная стрелка. Липп длинным желтым от табака ногтем проводит на миллиметровке черту:

— Все будет кончено, если Немезида дойдет до сих пор...

...Анатолий Борисович приехал на телевизионную студию в десять часов тридцать минут.

И в телетеатрах, на площадях и улицах города, в квартирах и клубах возникли сотни тысяч Трегубовых. Сам того не ощущая, Анатолий Борисович заглянул в миллионы глаз. С первых же его слов все обернулись к нему. Даже монашки на площади прекратили пение. Затаив дыхание город смотрел на губы Анатолия Борисовича. Что они скажут: «Живите!» или «Прощайтесь, люди!»

И, как бы почувствовав общее нетерпение, Анатолий Борисович набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Она удаляется! Опасность миновала!

Он говорил еще о том, что орбита Немезиды вновь изменилась. Она прошла на шестьсот тысяч километров дальше, чем предполагалось, и даже прилив будет не в девять раз, а только в полтора

раза больше обычного... Но никто уже не слушал эти подробности. Опасность миновала! Тысячи и тысячи людей восторженно целовали телевизоры, где еще виднелось лицо Трегубова. На улицах гремели крики «ура». Незнакомые люди обнимались, молодые и старики пускались в пляс. Пьяницы, пившие по случаю гибели, требовали вина, чтобы выпить за спасение. Монашки, только что просившие бога пустить их в рай, запели еще громче, хваля бога за то, что он избавил их от рая...

* * *

И Немезида прошла. Была — и нет ее. Исчезла, как наваждение, как дурной сон. К утру вторая Луна превратилась в золотое яблоко, а на следующее утро и яблока не осталось. Над горизонтом вошла вторая утренняя звезда.

Люди опомнились. Хитрецы, наловившие рыбки в мутной воде, уселись подсчитывать барыши. Простаки, попавшиеся в сети, очнулись голыми и нищими. Впрочем, многие из них радовались: «Спасибо, что сами целы». Жулики вновь попрятались, спекулянты занялись другими делами, и только священнослужители не забывали Немезиду. «Господь бог снял нашим молитвам и отвел карающую длань, — утверждали они. — Помните о последнем предупреждении, люди, не переполняйте чашу. Только молитвой, постом и щедрыми даяниями церкви вы избавите себя от новой Немезиды».

Ученые страстно спорили: что же такое Немезида? Им так и не удалось рассмотреть ее как следует. В сущности, только ночь на третье июня была благоприятной для наблюдений. Но именно в эту ночь все астрономы решали другой вопрос: как пройдет Немезида, не столкнется ли она с Землей? А затем с каждым часом условия для наблюдений становились все хуже. Немезида удалялась со скоростью триста километров в секунду. Через сутки она выглядела, как Венера, и наблюдать ее было не легче. В довершение трудностей Немезида перешла теперь на дневное небо. Она приближалась к Солнцу и тонула в его лучах. Восьмого июня она прошла свой перигелий — точку, ближайшую к Солнцу. Девятого Немезиду видели в последний раз. Солнце затмило ее окончательно.

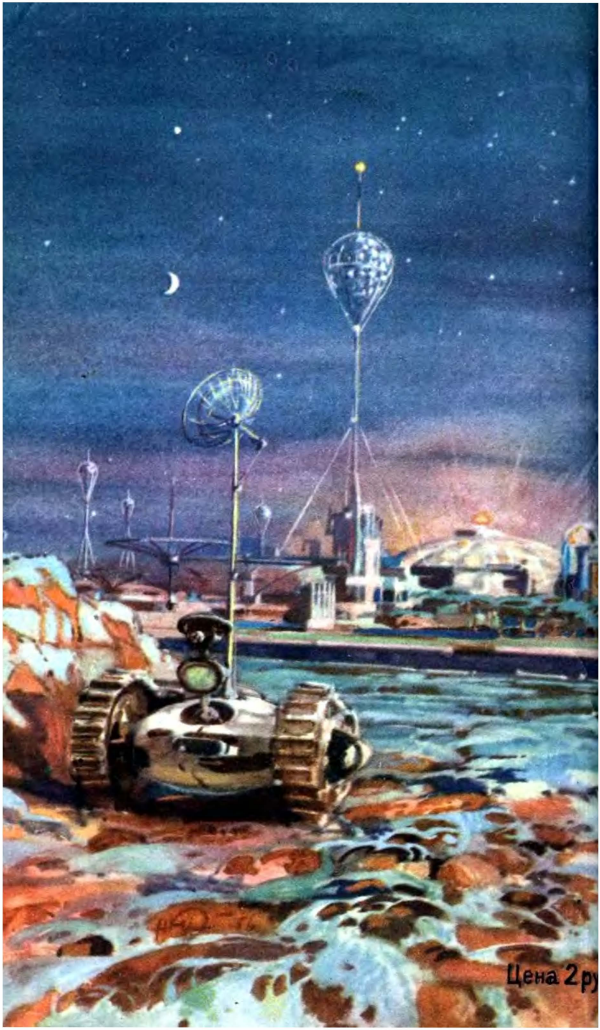
И затем Немезида исчезла. Что произошло с ней?

Некоторые предполагали, что она упала на Солнце и растаяла, как капля стеарина. Ждали, что на Солнце будет новое пятно, как бы шрам от удара. Но даже пятна не оказалось. Неужели Немезида испарилась бесследно? А может быть, она не падала вообще, просто Солнце заслоняло ее от нас, а затем астрономы не сумели разыскать странницу где-то за орбитой Юпитера?

Если вопросов слишком много, а ответов ни одного, интерес к делу падает. Упал интерес и к Немезиде. По той или иной причине она удалилась навеки и уже не могла волновать жителей Земли. Даже астрономы меньше рассуждали о ней.

И никто не предполагал, что вскоре Немезида снова будет у всех на устах и газеты всего мира опять будут твердить: «Немезида, Немезида, Немезида!..»

(Окончание следует)


Цена 2 ру

ПРОХОЖДЕНИЕ НЕМЕЗИДЫ

Георгий Гуревич

Рис. Б. Дашкова

(Научно-фантастическая повесть[1])

ИТАК, Немезида исчезла. Интерес к ней потеряли даже специалисты. Люди занялись очередными практическими делами: среди них было одно, связанное с космосом.

В связи с посылкой 114 наследников в мировое пространство в различных странах были оборудованы межпланетные корабли. Когда опасность миновала, они благополучно вернулись на Землю, истратив только горючее. Встал вопрос: на что употребить этот могучий межпланетный флот? Не направить ли совместные усилия на покорение Марса и Венеры? Для обсуждения этой проблемы была созвана международная конференция.

Анатолий Борисович присутствовал на ней и, конечно, выступал. Речь его была записана на проволоку, поэтому можно воспроизвести ее слово в слово. Если хотите, вы можете услышать даже аплодисменты, приветственные крики и чей-то голос, произносящий: «Это тот, который открыл Немезиду?»

Очевидно Анатолий Борисович услышал эти слова, потому что начал свою речь так:

— Некоторые связывают мое имя с Немезидой. Действительно, так уж случилось, что последние полгода я пишу, говорю и думаю только о Немезиде. Вот и сегодня, хотя все мы собрались, чтобы обсуждать полет на Марс, я намерен сказать несколько слов о Немезиде. Надеюсь, что это небольшое отступление не будет идти вразрез с повесткой дня.

Так вот чтобы благополучно вернуться из путешествия домой, нужно, само собой разумеется, знать адрес дома. На Земле это не проблема, а в космосе не так просто. Ведь наш дом — земной шар — движется в пространстве со скоростью около тридцати километров в секунду. До сих пор мы знали маршрут Земли достаточно хорошо. Но вмешалась Немезида (опять она!) и нарушила земную орбиту.

В момент наибольшего приближения Немезида притягивала Землю раз в тридцать слабее, чем Солнце. Одна тридцатая — величина все же заметная. Своим притяжением Немезида исказила земную орбиту, внесла возмущение, как говорят астрономы. Зная это, мы внимательно изучали возникшие изменения, и оказалось, что не все они объясняются кратковременным прохождением Немезиды.

Я могу уведомить вас, друзья, что земной год удлинился на целых 18 минут! Удлинилась земная орбита, она изменила свою форму. Раньше мы обращались вокруг Солнца по эллипсу, теперь по кругу. Я сказал: «мы обращались вокруг Солнца» — это не совсем точное выражение. На самом деле мы и Солнце обращались вокруг общего центра тяжести. Мы описывали громадный путь, но с гордостью можем сказать, что Земля передвигала и Солнце примерно на девятьсот километров за полгода. Теперь,

---

[1] Окончание. Начало см. «ЮТ» № 5, 6, 8 и 9.

увы, Солнце не двигается. Центр тяжести совпадает с центром Солнца. У нас появился как бы противовес, находящийся за Солнцем и по массе равный Земле. Откуда взялся противовес? Я могу дать только одно объяснение: Немезида не ушла. Она не упала на Солнце и не сгинула в мировых просторах. Немезида застряла в Солнечной системе, и, как нарочно, на земной орбите, и, как нарочно, движется с такой же скоростью, как Земля, так что Солнце заслоняет ее от нас.

Я дважды повторил «как нарочно», и, пока я буду говорить о Немезиде, мне все время придется твердить: «как нарочно, как нарочно...» Еще не бывало небесного тела, движения которого отличались бы таким набором нарочитых случайностей.

Немезида прибыла к нам — об этом можно говорить с уверенностью — из системы сравнительно близкого к нам Солнца, от звезды 7327. Примерно одиннадцать тысяч лет тому назад, когда астрономическая наука у нас еще не существовала, чудовищный взрыв выбросил в пространство один из спутников звезды 7327 — планету; которую мы назвали Немезидой. Но выброшенная нечаянным взрывом планета, как нарочно, угодила в одну из ближайших систем — в нашу Солнечную. Событие почти невозможное, астрономы понимают это. Если я сейчас выстрелю, зажмурив глаза, и убью лисицу в соседнем лесу, такая удача вероятнее, чем попадание Немезиды в солнечную семью.

И все же она попала к нам. Пролетев одиннадцать тысяч лет по инерции, Немезида явилась в Солнечную систему. Здесь оказалось просторно. Нептун и Уран остались правее, Сатурн и Юпитер — левее. И вдруг досадная неприятность, мелочь: какая-то Лапута должна грохнуться на Немезиду. Но как раз в это время на Немезиде возникают таинственные вспышки. Благодаря им или по другой причине ее движение притормаживается, и Лапута успевает проскочить.

Дальше. Немезида приближается к Земле. Столкновение не угрожает, но ожидаются беспримерные приливы, настоящий потоп на Земле. Однако за несколько часов до прохождения возникают новые вспышки, и Немезида меняет орбиту. Ее относит в сторону, она, с позволения сказать, объезжает Землю, как автомашина объезжает застрявший на дороге воз. Снова счастливая случайность! Немезида проходит на шестьсот тысяч километров дальше, Земля избавляется от катастрофических приливов, а сама Немезида от еще более грозной опасности. Не секрет, что мы хотели оттолкнуть Немезиду, устроив на ней атомный пожар. Но мы стреляли по движущейся цели, а цель метнулась в сторону, и пуля наша не догнала ее.

Следующие вспышки наблюдались девятого июня, когда Немезида уже удалялась от нас. По-видимому, эти вспышки, самые сильные и продолжительные, сняли чудовищную скорость. Сняли, как нарочно, вовремя. И Немезида осталась с нами — новый член семьи, собрат в Солнечной системе.

В прессе неоднократно высказывались мысли о том, что Немезида когда-то была пригодна для жизни. В атмосфере там имеется кислород, на поверхности — снег, то есть замерзшая вода. Конечно, жизнь, если она и существовала там, за последние одиннадцать тысяч лет была выморожена без остатка. Но в благоприятных условиях жизнь могла бы возродиться. И что же мы видим? Немезида останавливается на орбите, наиболее удобной для жизнедеятельности белка. Ближе к Солнцу жарко, дальше от Солнца — холодно. На Земле условия для жизни лучше, чем на Марсе или на Венере. И Немезида, как нарочно, выбирает земную орбиту и, как нарочно, занимает на ней самую устойчивую позицию, так чтобы не мешать Земле и чтобы Земля не мешала Немезиде.

Не слишком ли много нарочитых случайностей, не слишком ли много счастливых совпадений? И не кажется ли вам, дорогие друзья, что Немезида совсем не похожа на блуждающее небесное тело? Скорее она напоминает межпланетный корабль, летящий от одной звезды к другой и по пути обходящий препятствия...

Из зала мне кричат: «Великовата ракета. Пассажиры с Америку ростом, что ли?» Минуточку терпения! Я поставил вопрос, он требует ответа. Сейчас объясню, что я имею в виду.

Представьте себе, что вы живете не под нашим Солнцем, ласковым и щедрым, а в окрестностях другого — красноватого, с большими темными пятнами, с температурой поверхности всего лишь в три тысячи градусов, совершенно достаточной для электрической печи, а для Солнца слишком скромной. Вы живете под лучами немощного, умирающего Солнца, которое в наших каталогах числится, как звезда 7327.

Вы жители ближайшей к Солнцу планеты, так как только на ближайшей хватает тепла. И называете свою планету Немезидой.

У вас длинные зимы и прохладное лето. Но к длинным зимам вы приспособились, не в том беда. Хуже всего, что холодные красные звезды, похожие на 7327, светят неравномерно. Они заплывают огромными пятнами и могут подарить вас тысячелетней зимой. А жизнь, друзья мои, любит режим — условия устойчивые и равномерные. Ей нужно, чтобы лето бывало каждый год, чтобы каждый год регулярно собирались урожаи. И перед жителями Немезиды стояла неведомая нам проблема — создания тысячелетних запасов пищи, проблема возобновления растительности, проблема вековых прогнозов температуры и светоотдачи их нераздивого Солнца.

И вот, допустим, получен прогноз: «Наступают тяжелые времена. В ближайшие сто тысяч лет солнышко будет светить худо. Планету засыплет снег. В умеренных странах начнется оледенение. Растительность вымерзнет даже на экваторе...»

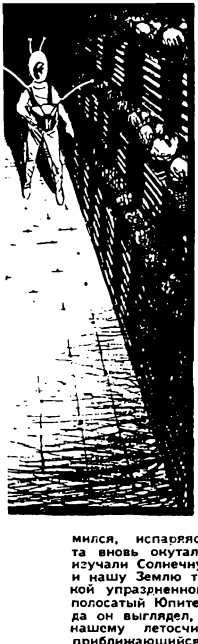
Как спастись? Ученые ломают головы. Уничтожить пятна, оживить Солнце им не под силу. Зарыться в грунт, жить в пещерах, выращивать там злаки при искусственном освещении? Но кто знает, какие еще условия будут через сто тысяч лет? И не хочется, чтобы дети, внуки и правнуки твои жили под землей, как кроты.

Тогда возникает смелая идея. «Давайте покинем наше выдохшееся Солнце, — говорят ученые Немезиды. — Переселимся к другому Солнцу, зрелому, полному сил, хотя бы к тому, которое сверкает яркой звездой в созвездии Рыб».

Переселиться к другому Солнцу! Разве это мыслимо? Да, дорогие друзья, мыслимо. При современном состоянии земной техники невозможно, но уже мыслимо. Нужно только добывать атомную энергию из любого вещества, не только из урана и водорода, и в совершенстве управлять этой реакцией. Грубо говоря если превратить в лучи тысячную долю ракеты, все остальное полетит в противоположном направлении в тысячу раз медленнее света. Именно так и сделали жители Немезиды. Они превратили в лучи тысячную долю своей планеты, выпустили эти лучи снопом и вылетели из своей Солнечной системы со скоростью около тридцати километров в секунду. Это случилось одиннадцать тысяч лет назад. Немезида ушла из своей Солнечной системы, выбросилась из нее.

После торжественного и грустного праздника прощания какой-нибудь древний старик, старейший житель планеты, нажал кнопку старта, и Немезида погрузилась в глубокий сон.

А жители? Неужели все они пожертвовали собой ради отдаленных потомков? Не думаю. Вероятно, они заснули. Наши врачи научились с помощью нарнотиков и холодной воды затормаживать



жизнь и сознание на несколько часов. Жители Немезиды — существа, умеющие перегонять планеты, — наверное, сумели погрузиться в сон на одиннадцать тысяч лет. Во всяком случае, я бы посоветовал им решить проблему анабиоза, прежде чем отправляться в путь.

И вот в глубоких пещерах они уснули, как пассажиры ночного экспресса, чтобы проснуться к утру, когда поезд будет подходить к станции назначения.

Остались только дежурные — для наблюдений, для управления, для ремонта, для того, чтобы охранять спящих. Они тоже жили под землей рядом с холодильниками-спальнями и по радио управляли атомными реакциями. Изредка в герметических скафандрах они выходили на поверхность и, стоя по колено в жидком воздухе, проверяли положение Немезиды, высчитывали, сколько пройдено, сколько осталось. Закончив срок дежурства, они будили, лучше сказать — «оттаивали» очередную смену, а сами отправлялись «соснуть» несколько тысяч лет до прибытия.

Для спящих время проходит быстро. Немезида безмолвно мчалась в пространстве, а у нас на Земле за это время родилась цивилизация, возникли и пришли в упадок Египет, Вавилония, Рим и Афины, рабовладельческий строй сменился феодальным, вырос капитализм с машинной промышленностью и, наконец, появились мы, строители коммунизма. Пришел век атомной энергии... А Немезида все шла и шла на свидание к нам, отсчитывая 300 километров каждую секунду.

И вот — решающий год. Оранжевая звезда в созвездии Рыб, которую мы называем Солнцем, стала Солнцем и для Немезиды. Задымился, испаряясь, замерзший воздух, странствующая планета вновь окуталась атмосферой. Дежурные астрономы жадно изучали Солнечную систему. Они открыли Нептун, Уран, Сатурн... и нашу Землю тоже! Кто знает как они ее назвали, в честь какой упраздненной богини? Они любовались кольцами Сатурна; полосатый Юпитер проплыл в стороне. Для невооруженного взгляда он выглядел, как горошина. Затем — это было 17 мая по нашему летосчислению — радиолокаторы Немезиды отметили приближающийся астероид — Лапуту. Летящая гора грозила рухнуть на Немезиду взорвать кусок поверхности, раздавить множество пещер. Но путники своевременно включили атомные вулканы и притормозили Немезиду. Столкновение не состоялось. Второй раз они включили реакторы утром 3 июня, чтобы обойти Землю, избавить нас от разрушительных приливов и себя от атомного пожара.

Почему мы не воспользовались этим моментом, чтобы высадиться на Немезиду? Я скажу откровенно: мы хотели бы высадиться. Но Немезида шла слишком быстро. Чтобы спуститься на нее благополучно, нужен был межпланетный корабль, способный развить скорость более трехсот километров в секунду. Таких кораблей у нас нет. На ракете, посланной нами, стоял телепередатчик, мы надеялись рассмотреть Немезиду вблизи. Но Немезида изменила курс, и наша ракета промахнулась тысяч на двести километров. Вины нашей тут нет. Будь перед нами бессмысленная каменная глыба, мы отшвырнули бы ее. Но Немезида не глыба, это пассажирская планета с разумными машинистами. Как и мы, они стремились избежать катастрофы и сумели сделать это целесообразнее, чем мы. Инертная материя подчинилась разуму, планеты разошлись, как поезда на разъезде, покорные диспетчеру.

А пока мы тут с волнением следили за приближением Немезиды, жители Немезиды с таким же волнением и любопытством смотрели на нашу Землю. И, может быть, именно в те дни раз-

дался, наконец, возглас, завершающий одиннадцатитысячелетнее ожидание: «Проснитесь, спящие!»

Закройте глаза на миг, представьте себе чужую планету. День или ночь — не разберешь. Слепящее Солнце заливает светом снежную равнину. Искрятся жесткие сухие снежинки, чуть вьется пар над прозрачными лужами. От сверкающей белизны больно глазам. А над головой угольно-черное небо с пылью звезд, прозрачная кисея Млечного Пути, и на фоне его одна звезда всех ярче — не блестка, не светлячок, а массивный бриллянт на бисерном пологе неба.

На нее, сверкающую, и смотрят трое в скафандрах. У них телескоп, аппараты в лакированных ящиках, где мелькают цветные кривые и светящиеся цифры. Трое смотрят то на небо, то на кривые в аппаратах, и один из них говорит громко: «Проснитесь, спящие, мы у цели!»

Снежная равнина нема и глуха. Нет на ней воздуха, одиннадцать тысяч лет назад он замерз и превратился в прозрачные лужи. Ветер не воет над ней, снег не скрипит под ногами, обледенелые растения не шелестят листвой. Слова гаснут на поверхности скафандра, но радио подхватывает их, и умершие звуки рождаются вновь там, где воздух имеется, — в скафандрах спутников и в далеких подземельях, где спящие лежат рядами, неподвижные, как изваяния.

«Проснитесь!..»

Слова эти слышит только дежурный. Как и те, наверху, прежде всего он смотрит на экран с кривыми. Он проверяет температуру, он обходит спящих одного за другим, осторожно притрагиваясь к каждому и, уверившись, что время пришло, включает усилитель. Тогда голос сверху, удесятеренный электрической гортанью, грохочущими раскатами наполняет помещение: «Прпросните́сь, спящие!..»

...Мне тут прислали из зала записку. Автор ее спрашивает: почему жители Немезиды не прилетели к нам, если техника у них так высока? Дорогой друг, за Немезиду я не могу отвечать с такой определенностью, как за Землю. Но лично я на месте немезидян не стал бы прилетать так поспешно. Когда я приезжаю в чужой город, я сначала ищу гостиницу, а потом уже знакомлюсь с соседями. Немезида еще не отогрелась, температура в то время была минус 180—200 градусов. Разбуженное население все еще ожидало в подземельях. Едва ли для всех поголовно были подготовлены скафандры. А дежурная смена готовилась к выходу на окончательную орбиту. Возможно также, что атомные вулканы выбросили слишком много радиоактивной пыли и нужно было долго ждать, пока она обезвредится. В таких условиях я бы ограничился осмотром издалека. Вообще не обязательно все пробовать пальцем. Вероятно, жители Немезиды осмотрели Землю с помощью телескопов, более совершенных, чем наши. Возможно, они послали на Землю автоматические ракеты. Для межпланетного путешествия, мы знаем, чем меньше приборы, тем выгоднее. Ракеты немезидян могли быть размером с вишню. Может быть, мы просто не заметили их?..

Я высказал сегодня много догадок. Одним они пришлись по вкусу, другим — нет. Но мы спорим не о вкусах. Задача состоит в том, чтобы проверить догадки и установить истину. Такая возможность есть. В распоряжении жителей Земли имеется более двадцати межпланетных ракет. Я предлагаю не все отправлять на Марс и Венеру — одну или две выделить для путешествия на Немезиду!..

Вероятно, это было самое значительное выступление в жизни Трегубова. Речь его встретили восторженно, шумными аплодисментами, криками «ура». Человек сорок из числа присутствующих немедленно прислали в президиум записки с просьбой зачислить их в экспедицию на Немезиду. На Марс и на Венеру желающих было меньше. Скептики молчали улыбаясь. Скептики вообще народ осторожный, публично ругаться не любят, предпочитают в ученых комиссиях высказывать вежливые сомнения. Но один из них все же не вытерпел. Имени его мы не знаем. Проволока запечатлела только голос — резкий и визгливый.

— Бездоказательно! Построено на песке! — кричал он. — Немезиды за Солнцем нет. Вы вернетесь с пустыми руками. Над вами будут смеяться!

Трегубов остановил поднявшийся шум.

— Пусть смеются, — сказал он. — Если мы не догоним Немезиду, нам будет труднее. Не найдя Немезиды, мы вынуждены будем ее создать. И технику перемещения планет придется изобретать самостоятельно. Но изобретать все же придется, ибо перемещением планет мы когда-нибудь займемся, если не в двадцатом, то в двадцать третьем веке. Ничего удивительного тут нет. Во всякой науке за описанием следует использование, за использованием — изменение, перемещение, переделка. Науки о растениях и животных давно уже находятся в стадии переделки, а в астрономии мы все еще заняты описанием, потому что объекты у нас далеки. Но жители Немезиды уже начали переделку. И мы начнем. Ибо Солнечная система не так уж хорошо устроена. Планет, пригодных для жизни, мало: те велики, те малы, эти близки к Солнцу, а другие слишком далеко. А не стоит ли перевести Марс и Венеру на земную орбиту, подтянуть поближе к Солнцу Уран и Нептун со спутниками? И если привести сюда же Юпитер и Сатурн, то как расположить их, чтобы своим притяжением они не мешали другим планетам? Я, например, предложил бы поместить Юпитер на наше место, а Землю сделать его спутником... Впрочем, этим займется в свое время наука о переделке планет, астротехника — наука, которой пока еще не существует. И тогда мы сделаем вторую Немезиду из какого-нибудь Титана. Мы снабдим планету-корабль хорошей атмосферой и заселим ее энтузиастами. Представляете себе, какая удивительная жизнь ждет этих людей? День продолжается у них два-три года, пока они исследуют очередную планетную систему, а затем следует ночь на пять-десять тысяч лет, искусственный сон в подземельях, вплоть до прибытия к следующему Солнцу. А в итоге, осмотрев двадцать систем, с грузом наблюдений они вернутся на Землю, где прошло за это время больше ста тысяч лет...

Хотели бы вы прожить такую жизнь?

* * *

Крики, топот, рукоплескания. Три минуты, и пять, и десять я слушаю приветственный шум. Наконец щелкает автомат-выключатель, и с легким шипением магнитофон останавливается. Ватная тишина. Я один в тесной кабине фонотеки, наедине с проволочной, которая сохранила для меня давно умолкнувший голос и фантастическую мечту ученого.

Астротехника! Такой науки все еще нет. Планеты ходят по своим невидимым рельсам, машины не рассчитывают для них новые орбиты. Но... на трибуну поднялся Трегубов. Я слушал запись его выступления с восторгом, удивлением и недоверием и думал о том, что лет через сто когда межпланетные путешествия станут привычными и будничными, когда на Марс, на Венеру или на Немезиду люди будут ездить по туристским путевкам, чтобы полюбоваться из танкетки невиданными куполами и башнями чужепланетных городов, не скажут ли они с иронической усмешкой: «Подумаешь перемещать планеты! Давно уже сделано! Не проблема!»

Интересно какие проблемы люди поставят тогда, о чем они будут мечтать?

Конец

ПРОИСШЕСТВИЕ С МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Ю. МОРАЛЕВИЧ

Рис. Б. ДАШКОВА

Нередко бывает так, что удивительные и необыкновенные события начинаются в самой будничной обстановке. Так было и в случае, о котором здесь рассказывается.

На постройке новой очереди Московского метрополитена работали два друга — Иван Зуев и Яков Лунин. Каждый день они спускались на глубину пятидесяти метров и принимали смену у проходческого щита.

Глухо скрежетали могучие резцы, вгрызаясь в землю. Назад по тоннелю бежала широкая лента конвейера, унося разрыхленный грунт.

Работа была нетрудной, но несколько однообразной. Яков любил поворчать:

— Как кроты, роемся в земле. Грязь вокруг, вода капает. Хоть бы найти что-нибудь.

— Например? — невозмутимо спрашивал Иван.

— Ну, мамонтовый бивень, а нет — так татарскую саблю или лук со стрелами.

— И не надейся, — отмахивался Иван. — На такую глубину да еще в сплошной известняк ни мамонты, ни татарские воины не забирались. Нетронутые недра!

Яков обиженно отворачивался к белым лунам ампермвтров. Стрелки словно приклеены к циферблатам. Грунт совершенно однородный. И от этого становилось еще тоскливей. Хоть бы гранит встретился или плывун, который приходится с такими хлопотами замораживать!

В одну из рабочих смен, начавшихся так же однообразно, Яков включил свои механизмы и недовольно сказал:

— Обещали инженеры, что полную автоматику устроят, что не придется здесь под землей в слякоти копошиться, а можно будет сидеть у пульта наверху, видеть на экранах все щиты и управлять ими с помощью кнопок. Фантазия!

Иван пожал плечами и, по обыкновению невозмутимо ответил:

— Совсем не фантазия. Первую очередь метро строили отбойными молотками, вручную, а теперь вот какая у нас машина!

Вдруг раздалось неистовое рычание шестерен, металлический лязг и с резким щелканьем выключился автомат нижней группы резцов.

— Авария! — закричал Иван и выключил сразу весь щит.

В наступившей тишине Иван оттолкнул ошеломленного друга и нажал кнопку привода, раскрывавшего щит. Медленно стали поворачиваться в стороны сектора с механизмами и резцами. И вот в тоннель обращен громадный круг слоистого известняка, изборожденного по всем направлениям острыми резцами. Три резца сломаны. Обо что они, сделанные из новейшего сплава, могли сломаться?

Иван наклонился и отступил, пораженный. В сплошном известняке виднелась часть вросшей туда металлической рамы.

— Кирку! — хрипло крикнул Иван.

Приятель подал ему этот старинный инструмент, применявшийся теперь только для взятия проб грунта.

Схватив кирку, Иван Зуев стал ожесточенно обрубать камень вокруг таинственной рамы. Яков почесал затылок, затем хлопнул себя по лбу, убежал и вскоре вернулся с отбойным молотком.

— Радуйся находке, — сердито сказал Иван. — Включай скорей молоток. Но одного я не пойму: кто миллиард лет назад мог сюда поставить эту стальную штуку?

— А ты осторожней ковыряй! — оборвал Яков. — Может, мы нашли какой-нибудь станок времен Атлантиды или еще древней.

Друзья, соблюдая предвльную

осторожность, освобождали из рыхлого известняка таинственную находку. Наконец перед ними появилось странное сооружение из потемневшего никеля, хрусталя и слоновой кости. На прочной раме возвышалось довольно просторное сиденье с замысловатыми рычагами и маленькими циферблатами.

— Медицинское кресло, — довольно нерешительно произнес Иван и потрогал нежно зазвеневшую хрустальную спираль, переходившую в изогнутый рычаг с костяной рукояткой. — А может быть, и часть атомного автомобиля...

Яков стоял в мучительном раздумье. Загадочное сооружение напоминало ему что-то очень знакомое. Но что? И вдруг Яков схватил друга за плечи и прерывающимся шепотом произнес:

— Ваня, дружище! Да это же машина времени. Та самая, которую Уэллс описал. Я только вчера отдал в библиотеку книжку.

— Машина времени? Да что ты мне сказки рассказываешь? Как же машина могла оказаться под землей? И вообще это выдумка.

— А ты потрогай ее руками. Настоящая! Она могла двигаться по времени, но ее же в далеком будущем могли перевезти с места на место.

— Ну, предположим, могли. А дальше? Сплошной известняк...

— Да мы же с тобой его сами выбираем щитом. Значит, здесь вместо камня будет на много веков тоннель. Вот в этом тоннеле и поставили машину времени. А Путешественник мог сесть на нее и отправиться в далекое прошлое. И машина осталась в каменной толще. Ясно?

— А Путешественник?

— Да откуда я могу знать? Поищем, может быть, найдем. Где-нибудь и он в этом слое лежит.

— Но как искать? — развел руками Иван. — Кирками долбить или щит запустить?

— Да зачем? Это опасно. Лучше попробуем на машине времени.

Яков бережно обтер рычаги, циферблаты, отливавшие призрачной дымкой хрустальные плоскости и удобно устроился на сиденье.

— Садись за мной! — предложил он все еще не пришедшему в себя от изумления Зуеву. Тот махнул рукой и опасливо пристроился сзади, крепко обняв приятеля.

Яков нахмурился, стараясь разобраться в управлении.

Сзади послышался сердитый крик инженера:

— Почему щит не работает? Почему не сообщили по телефону о неисправ...

Инженер не успел договорить. Перед ним туманным видением поплыли в открытом щите Иван Зуев и Яков Лунин на странном сооружении. Мгновение — и они растаяли, словно превратились в воздух.

* * *

Стремясь унять колотившееся сердце, Иван уговаривал управляющего машиной друга:

— Не жми на ручки, Яша. Доиграешься до аварии.

Лунин стал плавно замедлять бешеный полет по времени. За короткий срок машина умчалась вперед почти на полтора столетия.

Наконец она вошла в колею нового времени и оказалась в широком тоннеле между странными рельсами из золотистой пластмассы.

Друзья сошли с машины и тут же испуганно метнулись к отполированным стенкам. Прямо на них бесшумно мчался ослепительный прожектор электропоезда. Спасаться было некуда. Сейчас их раздавит неумолимая громада. Но поезд круто затормозил и остановился у самой машины времени. Затем он так же стремительно укатил обратно, и ему на смену пришел странный вагон. Из него выдавилась могучая гибкая шея со страшной головой, снабженной широкими мягкими челюстями. Она ухватила машину времени, круто изогнулась назад, затем молниеносным гибким движенчем появилась снова и, поймав перепуганных друзей, отправила их в широко разинутую стальную пасть вагона.

Приятели оказались в просторном купе с мягкими диванами вдоль стен. Посреди купе стояла невредимая машина времени. Репродуктор, вделанный в белую пластмассу потолка, участливо спросил:

— Вы не ушиблись?

— Нет, спасибо, — с трудом

выговорил Яков. — А куда вы нас везете? Нам нельзя менять место. Произойдет авария.

— Не бойтесь, — успокоил голос. — Мы позаботимся, чтобы вы были в безопасности.

Так началось короткое, но удивительное путешествие друзей по будущему. Их вместе с машиной, которую они боялись оставить хотя бы на минуту, привезли в гостиницу. Юноша, одетый в шаровары и блузу из чудесной серебристой ткани, сказал:

— Поужинайте и ложитесь спать. Утром познакомимся как следует. И не смотрите с таким восхищением на комнату. Все в ней сделано давно, из прежних пластмасс по устаревшей технологии, на прессавтоматах.

Утром друзей навестила большая группа людей, с интересом осмотревших машину времени. Вокруг машины двигался на мягких шинах странного вида конструкторский комбайн, поцеливая множеством приборов-измерителей и осматривал все ее детали своими электрическими глазами. Касаясь деталей гибкими щупальцами, комбайн произносил:

— Никелевый сплав. Бронза. Сталь. Вольфрам. Хрусталь. Неизвестный состав, присутствует кварц и селен.

После завтрака друзей повезли по городу на уставленном мягкими диванчиками пассажирском конвейере. Лента бежала мимо цветущих скверов, громадных зданий-дворцов, порталы и колонны которых были покрыты свернающей разноцветной эмалью. На площади краны с гибкими, как лебединые шеи, чешуйчатыми стрелами собирали высокое здание из готовых исполинских деталей. Один человек из прозрачной кабины на верхушке телескопической мачты наблюдал за слаженной работой целой группы кранов.

— Легкая у него работа, — со вздохом сказал Яков. — И чистая, как в лаборатории.

— Да, легкая, — с оттенком грусти согласился сопровождавший друзей вчерашний знакомый. — Там в кабинке работает мой друг. И ему и мне только мечтать приходится о трудной работе.

Яков в недоумении посмотрел на юношу, на его нарядную одежду и выговорил:

— Да кто же мечтает о трудной работе? Ведь каждому хочется, чтобы его работа была полегче и почище! Как же вы...

Юноша улыбнулся и ответил:

— Не думайте, что я не знаю истории. Мне хорошо известно, что в ваше время специальные институты старались ликвидировать тяжелый физический труд. Им это блестяще удалось. Все работы в промышленности и на транспорте, где труд был тяжел и физически вреден, теперь выполняют электронные автоматы. И наша задача изучать устройство таких автоматов и контролировать их действие. Вот мне удалось изучить действие автоматов, прессующих из соломы, остатков древесины и синтетических смол любые нужные людям предметы: мебель, настенные украшения, спортивные принадлежности. Первые попытки в этой области делались и в ваше время.

— Это нам известно, — солидно согласился Яков, — У меня в комнате шнафчик висит. Прессованный, а будто резной.

— Вот видите! — подхватил юноша. — Красиво и практично. И я каждый день четыре часа управляю большим автоматическим цехом, изготовляющим такие вещи. Но это очень легкая однообразная работа. А чтобы выполнять трудную работу, я еще слишком молод, мало знаю. Но года через три думаю сдать экзамен, а затем и защитить диссертацию.

— И это для того, — в полном недоумении спросил Яков, — чтобы с легкой работы перейти на тяжелую?

— Конечно! — с увлечением воскликнул юноша. — О чем же большем можно мечтать в мои годы? Мне двадцать три.

— Мне тоже двадцать три, — возразил Яков. — Но я мечтаю как раз об обратном.

— Послушайте! — взволнованно перебил юноша. — Ведь мы с вами разговариваем на разных языках. Я знаю, что в ваше время работа на некоторых видах производства была тяжелей, чем в лабораториях и научных институтах. Но это ушло в прошлое. Пойдем на тот пассажирский конвейер. Он довезет нас на один интересный объект.

После недолгого путешествия

на движущемся тротуаре друзья вошли в цех какого-то предприятия, укрытый исполинской прозрачной кровлей. Посреди цеха высилось могучее сооружение, поблескивавшее массивными деталями и колоннами из стального сплава.

— Это сверхмощный пресс! — уверенно сказал Иван.

Яков увидел крупные черные слитки металла на валках подающего рольганга и не менее уверенно возразил:

— Нет, это только нагревательная печь. Видишь, в нее подают холодные заготовки. Разве такую холодную глыбу стали отпрессуешь?

— Вы ошибаетесь, — сказал Якову юноша. — Это именно пресс мощностью в пять миллионов тонн. А слитки нагреваются прямо в нем токами высокой частоты. Этот пресс недавно создан под руководством одного великого ученого. Моя мечта — работать в его лаборатории.

Яков покачал головой и пробормотал:

— А говорил, что собирается на тяжелую работу. Видно, хитрить и через тысячу лет будут.

Внезапно юноша бросился вперед к человеку, который выкарабкался из какой-то дыры под исполинским прессом. Сгорбленный, с головы до ног покрытый густой и липкой коричневой смазкой, человек присел на одну из фундаментных гаек величиной с добрый бочонок и, тяжело отдуваясь, откинул с головы грязный капюшон. Затем человек выпрямился и оказался довольно высоким мужчиной лет шестидесяти с резко очерченным смуглым лицом и седыми бровями.

— Стыд какой, — прошептал Яков Иваич. — Старого человека и на такую работу поставили. Не могли по годам полегче найти.

Старик заметил бросившегося к нему юношу, и его смуглое лицо словно осветилось изнутри, помолодело лет на двадцать. Он приветственно поднял руку в коричневой смазке и радостно крикнул:

— Виктор! Мой юный друг! Я снизу осмотрел механизмы и электронную схему во время действия пресса. Сам отрегулировал следящие устройства и привод. Все работает отлично!

Юноша произнес:

— Это счастье! Огромное счастье. А к вам гости. Это люди из прошлого, о которых я сообщил по видеофону.

— Рад встрече! — приветливо улыбнулся старик. — Вы для нас — настоящая научная загадка. Считал фантастикой, но факт передо мной. Однако уверен, что и это разгадают энтузиасты науки. Но представьте и меня, Виктор.

— Прошу прощения, — смутился юноша, — Перед вами, друзья, президент Академии индустрии Яков Лунин. Он уже в двадцать лет получил ученую степень, дающую право на трудные творческие работы.

— Позвольте, — удивленно прервал Яков. — Ведь это меня зовут Яков Лунин.

— Неужели? — совсем развеселился ученый. — Интересное совпадение. Возможно, я имел честь познакомиться со своим прапрадедом, который моложе меня втрое. Не вы ли тот русский токарь, который к тридцати годам выполнил сто восемьдесят годовых норм?

— Нет, — застенчиво выговорил Яков.

— А приятно такого предка иметь, — задумчиво промолвил президент академии, — хотя в наше время уже нет токарей, все детали прессуются вот в таких машинах. Но простите меня, — спохватился знаменитый ученый, — я опять полезу в нижние камеры пресса. Там мои помощники дожидаются.

Академик сделал приветственный жест и исчез в темном люке под фундаментом пресса. Яков растерянно посмотрел на улыбающегося Виктора и покачал головой:

— Так это и есть тот самый великий ученый?

— Конечно! Это прославленный герой труда, мы все гордимся им. Ведь именно такие люди, не щадя себя, трудятся над тем, чтобы труд остальных стал легким и здоровым, чтобы исчезли страшные профессиональные заболевания и жизнь была радостной, как песня юности! И не удивляйтесь, что ему приходится иной раз в такой грязи работать. В наше время крупнейшие ученые тоже не боялись попачкать руки. Это благородная грязь великого творческого труда. Так работали Менделеев, Ломоносов, Зелинский, Туполев, так будут работать ученые всегда.

— Понимаю, — кивнул Яков, не отводя взгляда от люка под фундаментом. — Теперь как следует понимаю. Такая тяжелая работа действительно большое счастье, за которое стоит бороться.

После дня, полного удивительных впечатлений, Иван стал уговаривать Якова вернуться.

— Ты пойми, что сейчас там творится. Исчезли из тоннеля два человека неведомо куда. Вся страна волноваться будет.

— Не будет, — отрезал Яков. — Вот проедем сейчас обратно по времени и остановимся точно на секунде своего отъезда сюда. Значит, мы пробудем в отсутствии ноль времени. Садись! Проедем, убедишься — и сейчас же обратно. И Виктор тоже не заметит нашей отлучки. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! — продекламировал Яков и осторожно нажал рычаг.

Уже в туманном мерцании короткого пути по годам ему пришла в голову тревожная мысль, что нужно было машину доставить обратно из комнаты в тоннель и оттуда начать возвращение. Иначе... Но стрелки на циферблатах, замедляя свое движение, уже приближались к нужному месяцу, дню, часу, минуте, секунде... Будь что будет!

Яркий свет ослепил друзей. Лица их обожгло жарким дыханием раскаленного добела металла. Машина времени загрохотала по стальным валкам вслед блюмсу, который втягивался прокатным станом.

— Прыгай! — отчаянно закричал Яков и кувырком покатился в сторону, подальше от страшной пасти блюминга.

— Яша, жив? — раздался с другой стороны голос Ивана.

— Жив! — откликнулся Лунин. — А что с машиной?

— Не знаю, пойдем поищем.

Чудесную машину времени друзья разыскали, пройдя почти километр, в самом конце цеха. Но какой она имела вид!

— Прокатали! — огорченно сказал Яков.

— Прокатали, — унылым эхом откликнулся Иван.

Перед ними на стопе остывающих стальных листов лежал лист необычного вида — дырявый, рубчатый, прокатанный из обломков бронзы, стали и различных сплавов. Все остальное превратилось в мельчайшую стеклянную пыль, развеянную по цеху.

Не будем рассказывать о том, как друзья объяснили свое исчезновение из тоннеля и появление в прокатном цехе завода на другом конце столицы. Остатки машины времени взяли для изучения в Академию наук, затем сдали в музей. Но Яков Лунин и Иван Зуев сумели ее создать заново. Окончив вечерний институт, они изобрели такой подземный комбайн, что в настоящее время по выполненной ими работе находятся уже в XXII веке.

Продолжая трудное дело создания новых машин, Яков Лунин говорит улыбаясь:

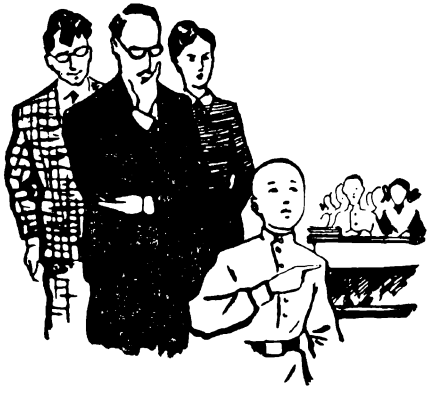
— Очень хочется снова встретить моего прапрадеда. Но Иван своими ночными идеями так разогнал машину времени, что боюсь, как бы не пролететь дальше в будущее.

Судя по всему, эти слова не лишены основания.

Иван Сергеевич, один из старейших прорабов Метростроя, рассказал мне эту удивительную историю после осмотра нового «подземного комбайна» — чудесной машины будущего. Огромная производительность этой машины действительно позволяет ей «глотать» десятилетия.

— И вы уж извините меня, старика, — усмехнулся Иван Сергеевич, — Путешествие на машине времени я придумал. Но будущее наше представляю себе именно так. Хотите спорить?

Спорить я не стал. Старик, пожалуй, прав.



ФЕНОМЕН

Рассказ-шутка

Валентина ЖУРАВЛЕВА (г. Баку) *Рис. Б. ДАШКОВА*

Когда Нина Владимировна вызвала Витьку к доске, я сразу подумала, что он получит двойку. Конечно, ему немножко не повезло. Шестьсот тринадцатая задача легкая, шестьсот пятнадцатая — тоже легкая, а шестьсот четырнадцатая — ужас! Я ее дома решала-решала, даже наизусть выучила, а так и не решила. И никто не мог решить. И Витька тоже не мог решить — по его лицу было видно.

Ну, выходит он к доске. Нина Владимировна читает задачу:

— «Колхоз собрал с одного поля двести девяносто четыре центнера пшеницы...»

У Витьки вначале кислое было выражение. И вдруг говорит:

— Нужно к двести девяносто четырем прибавить сто восемьдесят, потом прибавить еще двести девяносто четыре, потом разделить на шесть, потом помножить на пять. И получится шестьсот сорок центнеров.

В классе даже тихо стало. Совсем тихо. А Нина Владимировна рассердилась. Она, наверное, подумала, что Витьке кто-то дома решил задачу.

— Ладно, — говорит, — Костиков, посмотрим, как ты другую решишь по то же правило. «Два поезда вышли из двух городов...»

Я точно не помню условие, потому что мы не решали. В общем в задаче спрашивалось, какое расстояние между двумя

городами. Я думала, Витька ни за что не решит. А он... только-только Нина Владимировна прочла задачу...

— Если от четырнадцати отнять три, потом...

И говорит ответ.

Нина Владимировна заглянула в самый конец задачника.

— Хм!.. А такую задачу, Костиков, ты решишь? «Кассир продал шестьдесят билетов...»

И что вы думаете? Витька моментально отвечает: столько-то билетов в мягкие вагоны, а столько-то в жесткие. Ну, как будто бы он сам с этим кассиром знаком и видел, как тот билеты продавал!

У Нины Владимировны даже голос изменился. Спрашивает она Витьку:

— Может быть, ты и за шестой класс задачи решишь?

А Витька — такой нахал! — шмыгает носом и отвечает:

— Мне, Нина Владимировна, все равно. Хотите за шестой, хотите за десятый.

Как все зашумели! Ну, мы с Ниной Владимировной (я же ведь староста класса), конечно, навели порядок. Достает, значит, Нина Владимировна задачник шестого класса и дает Витьке пример с такими иксами.. ирг, нет, игреками и зетами. Мы ничего — совсем ничего! — не понимаем. А Витька сейчас же отвечает: икс — столько-то, ирг, нет, игрек — столько-то, зет — столько-то.

Нина Владимировна от волнения зачем-то спрятала задачник в портфель, потом снова вытащила, потом другой достала.

— Скажите, Костиков, — говорит Нина Владимировна, — вы, может быть, и высшую математику знаете?

Так прямо и говорит «вы». Витька отвечает, что всякую математику знает — и высшую, и низшую, и среднюю, и какую угодно. Тогда Нина Владимировна подходит к доске, говорит что-то непонятное и рисует длинную закорючку, а около нее буквы. Мне потом Женька, мой брат, — он в институте учится — объяснял, это ин-тег-ра-лом называется. Инте... Да, интегралом.

В классе тихо-тихо, стало. Только слышно, как Витька сопит и носом шмыгает — это у него такая привычка. Я глаза зажмурила от страха. Но, конечно, не совсем. Интересно все-таки, что произойдет. И что вы думаете? Витька сразу же сказал решение. Нина Владимировна посмотрела на Витьку, потом на доску, потом опять на Витьку, побледнела — и даже испугалась — и к двери!

Как только она выбежала, мы сразу к Витьке — в чем дело?

А он смеется:

— Я сам не знаю... Мне кто-то здорово подсказывает... — Но не успел он договорить, как входит директор, завуч и Нина Владимировна.

— Костиков, — говорит Нина Владимировна, а сама очень-очень волнуется, — реши-ка такую задачу...

Думаете, Витька не решил? В ту же секунду ответ сказал! Нина Владимировна ему еще интеграл дает. Не простой, а... Ну, мне Женька потом объяснял-объяснял... забыла... в общем очень трудный интеграл. А Витька — раз! — и решил.

Директор смотрит на завуча, завуч смотрит на директора, потом оба смотрят на Нину Владимировну.

— Помнится, — говорит завуч, — в сочинениях древнего римского ученого Плиния-младшего упоминается...

— При чем здесь Плиний-младший? — сердится директор. — Это же феномен!

Я не знаю, что такое «феномен». Ведь Витька не виноват. Конечно, он должен был вести себя скромнее, но если по справедливости, то «феномена» он не заслужил.

А завуч соглашается:

— Феномен. В четвертом классе! Но сейчас же вызвать родителей. Немедленно.

Вот тут Витька испугался! Чуть не расплакался.

— Какой, — говорит, — «феномен»? Я больше не буду... Не надо звать родителей.

Только ничего не помогло. Завуч пошел вызывать Витькиных родителей. Мне Танька из 4-го «А» потом рассказывала — их на такси привезли. Она сама видела. Я тоже так думаю — на такси, потому что они приехали очень скоро, как раз к переменке. Я всех ребят из класса выгнала, а сама осталась. Ну, не только потому, что интересно, — я ведь староста!

И вот заходит Витькины папа и мама. Папа у него инженер, а мама на пианино играет. Папа как зашел, так сразу к директору:

— Что, Аркадий Ильич, опять Витя набезобразничал?

— Да как вам сказать... — говорит директор.

— Ах! — восклицает мама. — Я так и знала. Невыносимый ребенок!

Директор и завуч наперебой объясняют им, в чем дело. И тут же задают Витьке примеры, а Витька их решает.

— Может быть, вы его научили? — спрашивает завуч.

— Что вы! — Витькина мама машет руками. — Он сам! Я всегда была уверена, что он гениальный ребенок. Помню, в четырехмесячном возрасте...

— Подожди, — останавливает ее Витькин папа. — Я что-то не понимаю... Такие задачи нормальный человек в уме не может решать.

Мне сразу Витьку стало жалко — неужели он ненормальный?!

— Вы его переведите в другой класс, — советует Витькина мама. — В десятый.

— Это что! — пожимает плечами директор. — Но таким знаниям ему нужно ученое звание присвоить. Кандидата наук или доктора.

— А может, нам посоветоваться со специалистами? — спрашивает завуч. — Тут же напротив Институт математики. Все-таки случай невероятный. Правда, у древнего греческого историка Плутарха упоминается...

— Ах, оставьте вы своего Плутарха! — говорит директор. — Нина Владимировна, будьте добры, позвоните в институт. В самом деле, нужно выяснить...

Минут через пять Нина Владимировна возвращается. Я не все слышала, что она сказала. Ребята хотели пролезть в класс, и я держала дверь. Но главное поняла: из института должны прийти профессор и аспирант. Фамилии только не запомнила.

Аспирант — это на «аспирин» похоже, наверное, что-то медицинское.

Спустя пять минут дверь открывается, входят двое. Один — тот, что впереди, в очках и бородатый. Второй — помоложе, застенчивый, совсем как Павел Васильевич, наш учитель русского языка.

Директор подходит к бородатому.

— Здравствуйте, — говорит, — профессор.

А тот смеется:

— Вы, товарищ, ошиблись. Профессор не я. Я только аспирант. А профессор вот...

И показывает на того молодого, который похож на Павла Васильевича. Директор руками разводит:

— Все перепуталось! Извините...

— Ничего, ничего, — улыбается профессор. — Покажите-ка вашего феномена.

Витька снова стал задачи решать.

— Непостижимо! — говорит профессор.

— Воспитание, — заявляет Витькина мама. — Правильное воспитание. Вот помню, когда Витеньке был годик...

— Одну минутку, — вежливо останавливает ее аспирант. Подходит к доске, где стоит Витька, протягивает руку к репродуктору, что висит около доски, и поворачивает до отказа рычажок. Потом дает Витьке одну задачку, совсем-совсем простую: сложить да отнять... А Витька ее не решил!

Представляете? Я даже от удивления не заметила, что ребята наши зашли в класс.

Витьке другую задачу дают. Витька молчит.

— Это недоразумение! — возмущается Витькина мама. — У ребенка выдающиеся способности... В трехлетнем возрасте...

Аспирант оборачивается смущенно к профессору:

— Виноват во всем я, Юрий Николаевич...

— Но ведь это же мальчишество.

Все на них смотрят вопросительно.

— Объясните, пожалуйста, — говорит директор.

— Дело в том, что у нас в институте под руководством Юрия Николаевича сконструирована новая электронно-счетная машина. Она способна реагировать на звуковые сигналы — анализировать человеческую речь. Условия задачи на счетно-решающее устройство, которое решает математические задачи любой сложности, подаются просто голосом. На выходе машины получаются электрические сигналы ответа, которые поступают в устройство, напоминающее обычный репродуктор, из него мы слышим ответ.

Я не очень уверена, что правильно пересказываю слова бородатого аспиранта. От волнения не все поняла. Но, по-моему, он именно так говорил.

— Какое это имеет отношение к нашей школе? — спрашивает директор.

Тут аспирант немножко замялся, посмотрев на Нину Владимировну.

— Как бы это сказать... Мы с Ниной Владимировной немножко знакомы. Она не верила, когда я ей рассказывал о такой машине... Ну, я и пошутил: подключил нашу машину к трансляционной сети вашей школы... Смотрите.

Подходит к репродуктору, поворачивает обратно рычажок на полный оборот и громко диктует.

— Интеграл от дэ-икс, поделенного на икс...

Словно колдовское заклинание. Все вокруг так и замерли. И вдруг из репродуктора раздался какой-то странный дребезжащий голос:

...натуральный логарифм икс...

Произнесено было как-то чудно, медленно и без ударений.

— Когда Витя «решал» задачи, — говорит аспирант, — репродуктор был слабо включен, и голос из него был слышен только у доски.

И все посмотрели на Витьку. А он покраснел.

— Прошу вас, — говорит директор, — больше не делать таких опытов в нашей школе.

— А как же машина услышала условия задачи? — спрашивает кто-то.

Аспирант отвечает:

— Динамический репродуктор может работать и как микрофон, неважный, конечно. Но в машине большое усиление.

— А что, скажите, — спрашивает завуч, — по истории ваша машина тоже может подсказывать?

— Нет, — отвечает профессор, — пока что она справляется только с математическими задачами. Но сотрудники нашего института уже работают над запоминающими устройствами — конструируют электронные модели памяти. Так что со временем наша машина сможет накапливать и знания по истории.

— Ну, — обернулся директор к завучу, — что на этот счет говорили Плутарх или Плиний-младший?

Все рассмеялись. Не смеялась только Витькина мама. Да аспирант все еще смущенно жевал свою бороду.

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

А. СВЕТОВ **Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА**

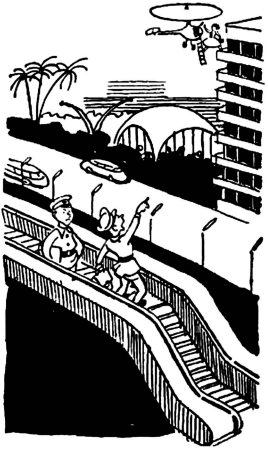
Мы печатаем отрывок из фантастической повести писателя А. Светова, в которой рассказывается о приключениях двух братьев, Вани и Гоши Веточкиных, чудесным образом попавших в будущее. Однажды утром мальчики, как обычно, отправились в школу, но по дороге встретили волшебника, и вот...

...Когда Ваня проснулся, ему показалось, что он спал совсем недолго. «Если поторопиться, — подумал он, — то, пожалуй, еще можем успеть к первому уроку. Надо поскорее разбудить Гошу. Но куда девался наш волшебник? Приснится же такое! Непонятно только, как мы очутились в этом дворце?» И в самом деле это было удивительно. Над Веточкиными простирался хрустальный купол. Его поддерживали такие же прозрачные сверкающие колонны. На узорчатом, словно ковер, полу прыгали веселые солнечные зайчики.

Ваня сощурился от яркого солнца и чихнул, да так громко, что Гоша поднял взлохмаченную голову и протер глаза.

— А ну, скорей вставай, соня! — крикнул Веточкин-старший и, не дав брату опомниться, схватил его за руки и потянул к двери.

Мальчики выбежали из дворца. То, что они увидели на улице, заставило их еще больше удивиться. Улица, еще вчера такая привычная, неузнаваемо преобразилась. На углу стоял новый высокий дом с большими окнами и красивыми золотистыми стенами. Рядом раскинулся парк. Клены и каштаны, тронутые багрянцем осени, стояли праздничные и такие нарядные, словно собрались на карнавал. Но куда же девался старый асфальтовый тротуар? Вместо тротуара мимо домов и палисадников мчались бесконечные ребристые дорожки, похожие на движущуюся лестницу метро. Первым пришел в себя Гоша.



— Ну вот, кажется, мы приехали, — сказал он.

— Куда приехали?

— В будущее. Разве забыл?

— Ерунда, — пожал плечами Ваня. — Просто нам все это снится.

— Сразу двоим? — спросил Гоша.

Движущийся тротуар стрелой помчал их мимо домов, украшен-

ных красивой мозаикой, мимо спортивных площадок, бассейнов и садов. В листве деревьев прятались яблоки и похожие на апельсины золотистые плоды, с виноградных лоз свешивались тяжелые гроздья ягод. На клумбах пестрели осенние цветы — белые хризантемы, разноцветные астры...

Вероятно, было еще рано. Прохожих навстречу попадалось мало, и они так быстро проносились мимо на самодвижущихся дорожках-тротуарах, что Веточкины не успевали разглядеть ни их лиц, ни того, как они были одеты.

— Смотри, смотри! — воскликнул Ваня, задрав голову вверх. В эту минуту над ними пролетал по воздуху какой-то человек. Серебристые крылья за его спиной, вибрируя, издавали легкое жужжание. Человек скрылся за углом высокого дома. На противоположной стороне улицы к большому зданию в форме пирамиды бесшумно подлетел двухместный вертолет. Он причалил к балкону на восьмом этаже. На балкон выпрыгнула из вертолета стройная девушка, помахала рукой кому-то оставшемуся в кабине, и вертолет бесшумно взмыл к облакам.

Ваня не переставал удивляться. Все увиденное было для него так ново и так необычно, что казалось волшебным сном. Стоит только проснуться — и все исчезнет. Гоша ко всему относился спокойнее. Он делал вид, что все это уже давно ему известно и ему приходится чуть ли не каждый день совершать небольшое приятное путешествие в будущее.

— Подумаешь, — говорил он. — Ну и летают! Ну и что с того! Были бы у меня такие крылья, и я бы полетел. А дома красивые, ничего не скажешь.

В школу Веточкины пришли как раз вовремя, перед самым звонком. Гоша побежал отыскивать свой класс, четвертый «А», Ваня поднялся по лестнице в пятый «Б». Ему все еще казалось, что стоит только протереть как следует глаза — и сон исчезнет.

Прозвенел звонок. Ваня робко вошел в класс. Он увидел незнакомых ребят, и одеты они были не так, как он: у мальчиков — красивые светло-синие костюмы, похожие на спортивные, у девочек — голубые платья. Стараясь не придавать этому значения, Ваня подошел к своему столу.

— Новенький, новенький пришел! — закричал какой-то мальчишка, похожий на Егорку Бабакина, и принялся рассматривать серую топорщившуюся гимнастерку Веточкина. Он даже потрогал медную пряжину на ремне и герб на фуражке.

— Чего ты пристал? — отмахнулся Веточкин.

— Это мой стол, — не унимался мальчишка.

— Откуда ты такой взялся? — от возмущения Ваня забыл все, что с ним произошло. — Это мой стол, — закричал он, — я тут всегда сидел! А твой стол позади.

— Вот и врешь я тебя первый раз вижу.

— Брось разыгрывать, — попробовал улыбнуться Веточкин. — Ты же, Бабакин, Егорка Бабакин.

— А ты откуда мою фамилию знаешь? — удивился мальчик. — Только я не Егорка, а Анатолий. Егором зовут моего прадедушку. Он тоже когда-то в этой школе учился. Только давно это было. В двадцатом веке.

Веточкину показалось, будто по спине у него пробежали мурашки: «Значит, это правда, — подумал он. — Неужто и в самом деле мы очутились в будущем?»

— Слушай, Егорка... то есть Толя, а теперь какой век?

— Вот чудак. Двадцать первый. Будто не знаешь?

Тут в класс вошел учитель географии, и все сели по местам.

В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

— Бабакин, — сказал учитель, — покажи нам природные зоны нашей страны.

Бабакин подошел к большому голубоватому экрану и нажал кнопку. Экран засветился, на нем обозначались контуры карты.

— Что это? — удивленно спросил Ваня у своего соседа, вихрастого широкоплечего паренька.

— Ты что, с Юпитера свалился? Разве не видишь — обыкновенная телевизионно-географическая карта.

Ваня пренебрежительно хмыкнул и сделал вид, будто эта загадочная карта его вовсе не интересует.

Бабакин снова нажал кнопку. На экране появилась степь, Ва-

ня почувствовал, как в воздухе распространился легний аромат трав и цветов, почудилось дыхание ветерка.

Степь сменилась панорамой лесов, и Веточкин ощутил смолистый запах сосны, сыроватый грибной запах опавших листьев.

Учитель попросил показать побережье Северного Ледовитого океана. Тотчас раздался приглушенный рокот волн, на экране взметнулись громадные, бутылочного цвета волны с белыми гребешками пены, и Ваня почувствовал солоноватый запах водорослей.

— Расскажите-ка нам, Бабакин, — попросил учитель, — о том, как была решена проблема Северного Ледовитого океана и улучшен климат в полярных и умеренных широтах земного шара.

— Значит, так, — начал Толя, и Веточкин отметил про себя, что этими словами начинал отвечать урок и Егорна, прадедушка нынешнего Бабакина, и его никак не могли отучить от этого. — Значит, так, — повторил Толя, — климат многих районов нашей страны, а также Америки и Канады был суровым. Морозы и метели мешали людям жить, строить фабрики и заводы, прокладывать дороги. Особенно трудно приходилось в Арктике, в краю вечных льдов, где земля никогда не оттаивала и не было ни лесов, ни садов, ни пашен. А всему виной Северный Ледовитый океан.

На экране снова появился безбрежный простор океана и послышался рокот волн.

— На тринадцать миллионов квадратных километров, — продолжал Бабакин, — простираются воды океана. Отсюда холодные массы воздуха устремлялись на Советский Союз. Поэтому почти половину нашей территории занимала зона вечной мерзлоты. Суровое дыхание Арктики сказывалось не только у нас в стране. На севере Японии часто не вызревал рис, во Франции и Италии замерзали виноградники, многие реки и озера Соединенных Штатов Америки и Канады большую часть года были скованы льдом. Надо было растопить лед в Северном Ледовитом океане, — продолжал Бабакин. — И тогда сразу же изменился бы климат нашей планеты. Но как это сделать? Ученые Советского Союза предложили использовать мощное теплое течение Гольфстрим, которое поступает в Северный Ледовитый океан из Атлантического океана. Но дело в том, что в борьбу с Гольфстримом вступали холодные течения — Лабрадорское и Восточно-Гренландское. Они охлаждали его и не давали растопить толстую ледяную броню.

На экране появились огромные айсберги. Одни из них напоминали сказочные замки с зубчатыми башнями и остроконечными шпилями, другие были похожи на скалистые, покрытые снегом горы. На одной льдине, словно изваяние, застыла белая медведица. Рядом резвился пушистый медвежонок. Вподали черными тушами распластались на снегу усатые моржи.

— Таким был Северный Ледовитый океан лет двести назад, — продолжал Бабакин, — но вот по проекту ученых через Берингов пролив была построена огромная плотина с целой системой мощных насосов.

На экране возникла голубая полоска пролива, отделяющего Чукотку от американской Аляски. Пролив пересекла прямая как стрела лента железобетонной плотины.

— Плотину длиной в семьдесят четыре километра, — продолжал Бабакин, — строили совместно народы многих стран. Все они были заинтересованы в том, чтобы улучшить климат на Земле. И вот плотина преградила путь холодным течениям, не давала им смешиваться с Гольфстримом. А теплые воды Гольфстрима теперь беспрепятственно пересекают Северный Ледови-

тый океан. Они растопили вековые льды, а когда лед и снег исчезли, воды океана стали поглощать больше солнечного тепла, до этого отражавшегося в мировое пространство, и климат стал мягче. В Якутии, там, где когда-то был край вечной мерзлоты, теперь расцвели вишневые сады, зазеленели виноградники. Безлюдные тундры Канады и Аляски превратились в луга и пастбища. Заморозки не угрожают теперь рисовым полям Японии и виноградникам Франции. Климат изменился повсюду. Посмотрите, как выглядит Арктика.

Ландшафты, один красивее другого, проплывали на экране. Вдоль побережья Северного Ледовитого океана плывут атомные корабли. На палубе в шезлонгах отдыхают пассажиры. На них легкие летние одежды. Другая картина: под тяжестью золотистых плодов склоняются к земле сады Чукотки, девушки-якутки с песнями собирают урожай яблок. Оживление царит на улицах и площадях новых заполярных городов. Вот запряженная в легкую коляску мчится четверка оленей. Это школьники младших классов отправляются на загородную прогулку. Старшеклассники мыса Уэллен в это время работают на школьном огороде. Они собирают в корзины красные сочные помидоры, срезают с грядок огромные кочаны капусты. Самоходные тележки бесшумно увозят с огорода горы овощей.

«Вот это здорово! — подумал Ваня. — Сидишь в классе, а перед тобой как на ладони весь мир».

Вероятно, он произнес это вслух, так как учитель тотчас обнаружил его присутствие.

— Ага, — сказал он. — У нас тут новенький? Ну-ка, мой юный друг, пожалуйте к доске.

Ваня почувствовал, как от этих слов у него привычно похолодело под ложечкой.

— Расскажи-ка нам о Кара-Кумах, — попросил учитель.

Веточкину, можно сказать, повезло. Как раз накануне он прочитал о Кара-Кумах интересную книжку. Поэтому отвечать начал бойко и уверенно:

— Пустыня Кара-Кум — это означает «Черные пески» — расположена в Средней Азии к югу от Аму-Дарьи. Климат там сухой, резко континентальный, дожди выпадают редко, растительность скудная. Песок да солнце. Можно проехать неделю и не встретить ни травинки, ни одного колодца... Только пауки и скорпионы...

На задней парте кто-то хихикнул. Кто-то проронил: «Ну и фантазер!»

— Продолжай, — сказал учитель. — Только почему ты начал с далекого прошлого? Расскажи нам о современных Кара-Кумах.

И вдруг Веточкин услышал, вернее почувствовал, отчетливый шепот. Ему даже показалось, что кто-то приставил к его ушам невидимые наушники и в них чей-то голос настойчиво твердит: «Кара-Кумский комплекс... комбинат... города... шахты».

— Петров, — раздался сердитый голос учителя. — Ты опять принес в класс ультракоротковолновый подсказчик? Не оправдывайся, я все слышал. Ты не мог даже как следует настроиться на волну. Сейчас же положи аппарат на стол и выйди из класса. Молодой человек, — повернулся он к Ване, — как твоя фамилия? Веточкин? Так вот что, Веточкин, отметку я тебе пока ставить не буду. Почитай как следует о Кара-Кумах и побывай там сегодня же. Бабакин, — вызвал учитель, — возьми школьный ракетоплан и на большой перемене слетай с новеньким в Кара-Кумы. Посадку не делайте, смотрите, вернитесь к звонку.

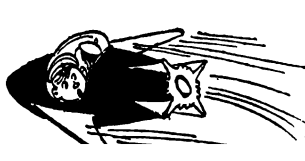
Бабакин, видимо, не очень обрадовался поручению, но возражать не стал. На перемене он подошел к Веточкину и сказал:

— Эх ты, на такой ерунде засыпался. И меня подвел... Ну да ладно, придется лететь с тобой в Кара-Кумы.

— А успеем? — осторожно спросил Веточкин. — Все-таки шесть тысяч километров.

— Пустяки. У ракетоплана скорость тридцать тысяч километров в час. За полчаса успеем туда и обратно.

(Продолжение следует)



ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ

(Продолжение. Начало см. в № 9)

А. СВЕТОВ

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

На большой перемене двухместный атомный ракетоплан бесшумно взмыл в воздух.

Бабакин сидел у пульта управления и с наслаждением облизывал эскимо. Он почти не смотрел на стрелки приборов.

— А ты дорогу знаешь? — боязливо спросил Веточкин.

— Спрашиваешь! Машина сама доставит нас куда следует. Она летит по заданному курсу.

Веточкин глянул в иллюминатор из толстого стекла. С высоты трехсот километров Земля казалась большим раскрашенным глобусом.

Вот мелькнула светлая узенькая полоска, похожая на голубую ленточку, кем-то оброненную на зеленый ковер.

— Волга, — коротко бросил Бабакин.

— Где? — быстро повернулся Веточкин.

— Где, где, — передразнил Бабакин. — Зевать не надо. А теперь мы летим над Уральским хребтом.

Но и Уральские горы промелькнули так быстро, что Веточкин не успел их как следует разглядеть.

— А это что за лужа? — спросил он, указывая на небольшое голубое пятнышко.

— Тоже сказал, — засмеялся Бабакин, — это же Аральское море. Ну вот и приехали. Видишь внизу Кара-Кумы?

Скорость ракетоплана заметно уменьшилась, земля как-то сразу приблизилась. Ваня искал глазами пустыню, но вместо желтого, выжженного солнцем и покрытого мертвыми волнами барханов пространства увидел кудрявые рощи, поля, изрезанные ниточками каналов, белые домики под красными черепичными крышами.

— Смотри внимательно и запоминай, — предупредил Бабакин. — Петр Иванович тебя обязательно спросит. Сейчас мы подлетаем к Каракумску. Областной центр. Полтора миллиона жителей. Славится консервной и хлопкообрабатывающей промышленностью. Три института, восемь техникумов, филиал Академии наук...

— Погоди, не так быстро, — попросил Веточкин. — А то я не успеваю запоминать. Раньше учиться не в пример легче было, — вздохнул он. — В географии сказано: пустыня и пустыня, песок да солнце. А тут сколько всего...

— В двадцать первом веке живешь, а старину вспоминаешь. Смотри, сейчас мы пролетаем над азотнотуковым комбинатом. Здесь азотистые удобрения делают.

— А из чего их делают?

— Вот чудак, и этого не знаешь? Будь моя воля, я бы тебе двойку поставил. Азот из воздуха добывают. Сначала в Узбекистане на реке Чирчик построили такой комбинат. Это еще в позапрошлом веке было. Тогда даже моего прадедушки Егора на свете не было. А сейчас такие заводы всюду есть.

Веточкин глянул вниз. Среди огромного сада раскинулись длинные светлые корпуса с большими окнами. Завод не дымил,

даже труб не было видно. Казалось, что это вовсе и не завод, а санаторий.

— Разве он не на угле работает? — удивился Ваня.

— Конечно, нет, — сказал Бабакин. — Уголь уже давно не сжигают. Все заводы работают на термоядерной энергии. Ну-ка, посмотри вправо, видишь, шахтерский городок?

Веточкину вспомнился Донбасс, где он однажды побывал с отцом на шахте. Вышки, огромные дымящиеся терриконы — целые пирамиды пустой породы, извлеченной из недр. А здесь ничего похожего не было. Возле больших белых зданий разбиты цветники. Уютные домики утопают в садах. Кое-где поблескивают, словно зеркала, прямоугольники плавательных бассейнов.

— Интересно, — сказал Веточкин. — Как же они теперь там работают, под землей?

— Слушай, друг, — засмеялся Бабакин. — Если бы я был учителем, то поставил бы тебе не двойку, а единицу. Под землей уже давно никто не работает! Это раньше людям приходилось спускаться в шахты. А теперь там одни машины. Ими управляют с пульта. А пульт находится в домике вон в той рощице.

— А куда уголь вывозят? — поинтересовался Веточкин.

— Из него прямо под землей вырабатывают газ, а из газа разные химические вещества: краски, жиры, лекарства — одним словом, все что положено.

— А как добывают теперь железо, медь, олово? — спросил Ваня. — Из рудников, так же как и раньше?

— Рудников уже давно и в помине нет, — покачал головой Анатолий. — Сам посуди, зачем они нужны, если добывать металл можно проще. Наначают под землю кислот или щелочей, растворяющих руду, а обратно качают насосами растворы металлов. Из раствора на обогатительной фабрике извлекают чистый металл. Я бы тебе мог рассказать...

Но тут Веточкин перебил его.

— Смотри! — закричал он. — А что это за озеро? На карте его вроде бы и не было...

— Это Каракумское море! — пояснил Бабакин. — В него впадает река Большая Карачумка. Ты запоминай. Об этом Петр Иванович тоже обязательно спросит.

Бабакин нажал какую-то кнопку, и ракетоплан лег курсом на видневшиеся вдали высокие снежные вершины. Он летел вдоль русла широкой извивающейся, словно лента, реки.

— Это искусственная река. Понял? — спросил Бабакин.

— Нет, не понял, — честно сознался Веточкин.

— Ну что мне с тобой делать, — сокрушенно развел руками Бабакин, — почему ты так плохо соображаешь? Еще в те времена, когда здесь была пустыня, люди решили оросить ее. Сначала построили Каракумский канал. Но этого оказалось мало — воды все равно не хватало. Тогда они подумали: где же еще взять воду, как не на Памире! Там знаешь, какие ледники! На сотни лет запасов воды хватит, настоящая кладовая. Надо только растопить лед. Ну, построили в горах термоядерную станцию. Лед начал таять. Появились реки — Большая и Малая Каракумка, новые каналы, водохранилища. В пустыне стали сеять хлопок, развели сады, виноградники, построили города, шахты.

Веточкин, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Внизу пенилась река. Вдоль ее берегов по дорогам мчались машины. Высоко в горах возле огромного голубого ледника возвышался корпус термоядерной станции и небольшие коттеджи. Стеклянными крышами поблескивали на солнце оранжереи.

— Как бы нам на урок не опоздать! — взглянув на часы, воскликнул Бабакин. — Летим-на поскорее назад.

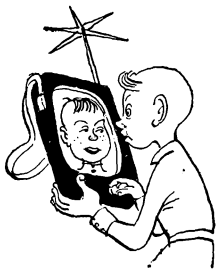
Он повернул стрелку прибора, и ракетоплан со скоростью тридцать тысяч километров в час полетел обратно...

ГОРОД ВЕЧЕРОМ

Вечером братья Веточкины отправились прогуляться по городу. После дождя воздух стал синим-синим и теплым, как парное молоко. Над городом носился запах акаций и резеды.

По улицам с мягким шуршанием мчались открытые автомобили и мотороллеры. В небе бесшумно кружились дружественные пролетные самолеты и с места на место порхали, словно птицы, прохожие, за спиной которых были небольшие механические крылья.

Трудовой день закончился. Весь огромный, похожий на цветущий сад город в эти вечерние часы отдыхал. На перекрестках улиц и на площадях светились огромные экраны. Здесь демонстрировались последние телевизионные известия. Цветные кинокадры рассказывали о событиях, которые происходили в различных уголках земного шара. Вот торжественные проводы французских пионеров, улетающих в межпланетном поезде в трехдневную экскурсию на Марс. Вот улыбающееся лицо девушки, поднявшей в руке тяжелую гроздь винограда. Диктор поясняет: на виноградниках Архангельской области началась уборка урожая. Тракторы поднимают безбрежный тундровый чернозем. А ведь здесь когда-то был край вечных льдов и снегов. Колонной из двадцати машин управляет на расстоянии всего лишь один тракторист, находящийся у пульта автоматической тракторной станции.



Вот двое ученых — русский и китаец — склонились над письменным столом. Им удалось расшифровать сигналы, полученные месяц назад из космоса от обитателей далекой планеты. Сейчас ученые готовят ответное послание. Они предлагают жителям планеты послать друг к другу звездные корабли, обменяться делегациями мира и дружбы.

— Счастливые, — вздохнул стоявший рядом с Веточкиным невысокий светловолосый человек, кивнув на экран. В это время там показывали космонавтов, испытывающих звездный корабль. — Счастливые, — повторил незнакомец, — а я свое отлетал.

— Вы разве летчик? — спросил Ваня.

— Был когда-то. Если ты следил за газетами, то, вероятно, помнишь о первом полете на Луну? В списке экипажа космического корабля был тогда и ваш покорный слуга. А теперь приходится поберечь сердце.

— У вас больное сердце? — сочувственно спросил Гоша.

— Нет, — сказал незнакомец, — мое собственное сердце давно уже износилось. Пришлось поставить новое...

И вдруг Гоша исчез. Только что Ваня видел его совсем рядом. Но как раз в эту минуту из подъезда высыпала толпа студентов. Чья-то спина загородила Гошу, а когда тротуар опустел, его уже не было.

Ваня, запыхавшись, прибежал к Бабакину.

— Исчез Гошка! Что делать? — испуганно спросил он.

— Как что делать? А видеофон зачем? Настраивайся на Гошкину волну, и мы всё узнаем.

Ваня включил висевший через плечо аппаратик: тотчас послышалось тихое гудение, маленький экран голубовато засветился, и на нем появился силуэт Гоши.

— Он! — обрадовался Ваня. — Честное пионерское, он, даже веснушки на носу вижу.

Из микрофона раздался Гошин голос:

— Вань! Я вижу тебя. Город Трех солнц...

Гоша вдруг замолк, изображение дрогнуло и исчезло.

Ваня растерянно вертел качие-то циитиику, нажимал кнопки, но видеофон безмолвствовал.

— Дай-на я попробую, — сказал Бабакин, склоняясь над аппаратом, — вроде бы все в порядке. Не иначе, как с Гошкой что-нибудь произошло.

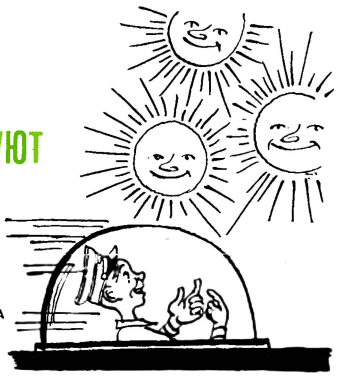
— Где он этот город Трех солнц? — взволнованно спросил Веточкин.

— Не особенно далеко. Отсюда четверть часа полета.

— Тогда летим скорее!

(Окончание следует)

ВЕТОЧКИНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ В БУДУЩЕЕ



А. СВЕТОВ

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

В ГОРОДЕ ТРЕХ СОЛНЦ

Через пятнадцать минут ранетоплан пошел на посадку.

— Что это? — удивился Веточкин. — Мы вылетели ночью, а теперь светло как днем. И солнце в небе.

— Целых три, — поправил Бабанин. — Это ночные солнца.

В небе и в самом деле сияли три огромных искусственных солнца. Они были не такими яркими, как настоящее, но все же хорошо освещали раскинувшийся внизу город и его окрестности.

— И дома здесь какие-то странные! — воскликнул Ваня, указывая через иллюминатор на серебристые, похожие на вафли крыши.

В лучах искусственных солнц мальчики разглядели такие же серебристо-серые вафельные квадраты, расположенные вокруг города на одинаковом расстоянии друг от друга.

— Что же это такое? — удивился Бабанин. — У меня есть путеводитель. Может быть, там сказано об этом.

— «Город Трех солнц основан в 2 000 году, — прочитал Бабакин, — он возник в центре пустыни Гоби. Когда-то солнце выжгло здесь все живое. Теперь оно дало жизнь этому обширному краю...»

Бабакин не успел дочитать до конца. Ранетоплан плавно опустился на бетонную дорожку.

Не теряя времени, приятели остановили попутную машину и попросили водителя довезти их до города.

Веточкин заметил, что приземистая, как бы распластавшаяся по земле машина не была похожа на автомобили, которые он видел раньше. Ее корпус был сплошь усеян серебристо-серыми чешуйками, похожими на мозаику.

— Никогда не видел такого странного автомобиля,—сказал он.

Водитель, смуглолицый человек, улыбнулся и поправил:

— Это солнцемобиль. А вы, ребята, наверное, солнцелетом прилетели?

— Нет, ранетопланом, — коротко ответил Бабанин.

— То-то, смотрю, на рейсовый солнцебус вы опоздали. Он только что с солнцедрома ушел.

Ваня решил, что в этом удивительном городе все слова «солнечные», и спросил:

— А разве здесь солнцевозы не ходят?

— Скоро будут ходить, — кивнул водитель, — вот железную дорогу построим и тогда пустим солнцевозные поезда.

— А пароходы, то есть солнцеходы, у вас есть?

---

[1] Окончание. Начало см. в № 9 и 10.

— У нас пока еще нет рени. Когда проведем рену, тогда и солнцеходы поплывут.

— А солнцецилы и солнцепеды?

— Ну, этого сколько хочешь, — засмеялся водитель, — вот приедем в город, сами увидите.

В это время солнцемобиль поравнялся с одним из загадочных квадратов, расположенных у самой дороги.

— Что это? — спросил Веточкин.

— Одна из наших гелиоэлектростанций, — пояснил водитель, — она снабжает электрическим током город, фабрики, заводы и фермы.

— А откуда получается ток?

— Ты, конечно, знаешь, что такое полупроводники? — продолжал водитель. — Так вот, у них есть замечательное свойство — превращать световую энергию в электрическую. Из полупроводников чаще всего на земле встречается кремний.

— Это я знаю, — вставил Веточкин, — из него состоит обыкновенный песок.

— Да, песок рен и пустынь — это и есть кремний в соединении с кислородом. Песок встречается повсюду. Пустыня — это целый океан песку. Но нам нужен не простой песок, а чистый кремний. Когда нам удалось очистить песок от кислорода и других примесей, мы получили чистый кремний. А из него построили крыши наших домов и гелиоэлектростанции. Этот квадрат, который ты только что видел, настоящая ловушка для солнечных лучей. Он превращает солнечные лучи в электрический ток и посылает его по воздуху без проводов туда, где в нем нуждаются. Крыши из пластинок кремния обогревают и освещают дома, приводят в действие холодильники, телевизоры, радиоприемники, освежают и очищают воздух.

— И ваша машина работает при помощи солнца? — спросил Веточкин.

— Конечно, — кивнул водитель.

— А если приходится ездить вечером или когда пасмурно?

— Ну и что ж, я включу аккумуляторы или возьму энергию прямо из воздуха. Гелиоэлектростанции вырабатывают за день много энергии. Бери в любое время сколько тебе понадобится.

— А как устроены искусственные солнца?

— Это родные дети настоящего солнца, — сказал водитель, — они сделаны из полупроводников. Днем они собирают солнеч-

ную энергию, а ночью посылают ее на землю. Они помогают нам быстрее выращивать овощи, фрукты, пшеницу. Мы собираем по три урожая в год.

— И здесь светло круглые сутки? Но это мешает людям спать, — сказал Ваня.

— Раньше люди спали слишком много, — улыбнулся водитель, — восемь часов в сутки. На сон у них уходило треть жизни. Наши ученые изобрели электросон. Человек включает особый аппарат, уничтожающий усталость, спит час или полтора и просыпается бодрым и свежим. Все остальное время он может посвятить труду, музыке, поэзии, спорту.

— Вот это здорово! — удивился Ваня. — А если кто-нибудь, к примеру, не захочет работать? Если ему больше нравится веселиться или просто ничего не делать?

— Ну, этого не может быть, — засмеялся водитель, — ни один человек не может жить без работы. Труд нужен как воздух, как вода и пища. А если среди нас и появился бы такой бездельник, которому нравится сидеть сложа руки, то мы немедленно направили бы его к врачу. Доктор проверит его умственные способности и назначит лечение.

ВОЛНОГРАД

Веточкин и Вабакин долго бродили по улицам. Они расспрашивали прохожих, пытаясь узнать что-либо о судьбе Гоши, но встречные удивленно пожимали плечами.

— Попробуй-ка еще раз включить видеофон, — посоветовал Вабакин, — может быть, Гоша отлынивается?

Ваня послушно настроил аппарат на Гошину волну. На экране появилась улыбающаяся физиономия какого-то юноши. Откинув со лба непокорную прядь волос, он поздоровался и небрежно проронил:

— Слушаю тебя, приятель.

— Откуда у тебя этот аппарат? — растерянно спросил Ваня.

— Это не мой, — сказал парень, — какой-то чудак, понимаешь ли, увязался за нами. Вот он и забыл его, когда в солнцебус садились.

— Чудак? — переспросил Веточкин. — А какой он из себя?

— Да такой... Небольшого роста, вертлявый, веселый, словно сверчок.

— Это Гоша! — воскликнул Веточкин. — Говори скорее, где он?

— А нто его знает? — беспечно промолвил юноша. — Выскочил из машины — и след его простыл. Кажется, собирался лететь в Волноград.

— Куда? — переспросил Веточкин. Но юноша только махнул рукой и выключил видеофон.

— Я знаю, где этот Волноград, — сказал Бабакин. — На берегу Атлантического океана.

— Летим скорее! — заторопился Веточкин.

Приятели помчались на солнцедром.

В Волноград Веточкин и Бабакин прилетели на рассвете. Еще издали они увидели безбрежный свинцовый океан, до самого горизонта покрытый белыми барашками. Когда раиетоплан, едва не задевая крыльями гребешки волн, снизился, Веточкин испуганно отшатнулся от иллюминатора: океан бушевал. Огромные зеленоватые валы набегали на берег и с шумом обрушивались на бетонную плотину.

На всем протяжении длинной плотины находились тысячи мощных гидротурбин. Они приводились в действие силой волн и приливов. Бешеная сила океана рождала элеитрическую энергию. На этой энергии работали рыбононсервные и химические заводы, а также комбинат по переработне водорослей. Обо всем этом Веточкин и Бабакин узнали из путеводителя.

— Начнем с комбината, — предложил Бабакин, — это самое интересное место. Может быть, Гоша здесь — он ведь любознательный парень.

На берегу бухты они увидели большие светлые иорпуса. Ваня и Бабакин вошли в один из них. Их никто не остановил и не спросил пропусков. В высоком просторном цехе работали сложные машины; множеством таких машин управлял человек, дежуривший у пульта.

Молодой инженер в белой тенниске, оттенявшей крепную загорелую шею, охотно согласился показать ребятам комбинат.

— Начнем с бухты, — предложил он, — там на морском дне находятся наши плантации водорослей.

Веточкину приходилось не раз читать о подводной охоте, о смелых спортсменах с ластами на ногах, вступающих в поединон с морсиими чудовищами. Интересно, что он увидит здесь, на дне бухты?

Инженер протянул Веточкину и Бабакину легкие водолазные ностюмы из тонкой эластичной материи. На голову они надели тание же эластичные маски, соединенные трубкой с кислородным аппаратом. Катер доставил их на середину бухты, и по веревочной лестнице они спустились на дно океана.

В бухте, отгороженной дамбой, было спокойно — волны сюда не доходили. В теплой зеленоватой воде слегка колыхались длинные густые водоросли. В их зарослях плавали рыбы, лениво шевелили прозрачными щупальцами медузы, по дну ползали крабы, подстерегая добычу, неподвижно лежали хищные моллюски.

Вдруг огромная черная тень бесшумно проплыла над головами мальчиков.

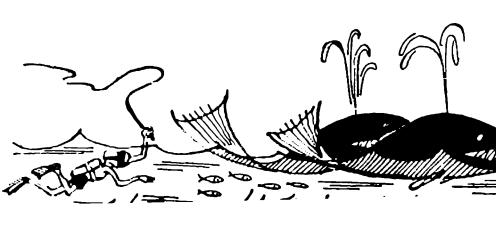
— Что это? — вздрогнул Ваня.

— Не бойся, — раздался в наушниках голос инженера, — обыкновенный кит. Я и забыл предупредить, что у нас при комбинате имеется океанариум.

— И в нем живут киты? — удивился Веточкин.

— Конечно, — ответил инженер, — наши биологи ведут здесь большую научную работу.

Веточкин и Бабакин старались не отстать от своего проводника. Чем дальше удалялись они от берега, тем гуще становились заросли. Настоящие подводные джунгли! Но вот они вышли на открытое место и увидели удивительную машину, похожую на



подводную лодку. Машина плыла под водой, не касаясь дна. Длинные крылья ее по обе стороны двигались и щелкали, словно ножницы, срезая водоросли. В закрытой прозрачной кабине, расположенной в передней части машины, сидел человек и нажимал на рычаги. Увидев инженера, он приветливо помахал ему рукой.

К машине то и дело подходили вагонетки на гусеничном ходу. Металлические грабли, похожие на сильные и цепкие пальцы, сгребали водоросли в кучу и нагружали в вагонетки.

— Это наш подводный комбайн, — раздался в наушниках голос инженера, — на дне бухты работают десятки таких машин.

— А что делают из этих водорослей? — спросил Веточкин.

— О, многое! — воскликнул инженер. — Водоросли, как известно, лучшие из всех других растений улавливают солнечную энергию. На каждом квадратном метре они могут накопить тридцать пять тысяч калорий, в то время как, например, сахарная свекла на такой же площади накапливает не более четырех тысяч калорий. Из водорослей мы получаем белки, жиры и почти все необходимые человеку витамины. Это наши подводные сады, поля и огороды. Урожай с них мы получаем круглый год.

— Ну хорошо, — сказал Ваня. — вы их скосите, а потом что же, заново сеять придется?

— Нет, — засмеялся инженер, — водоросли размножаются очень быстро. Одно растение за сутки дает 256 новых растений, вполне пригодных для переработки. Не надо ни пахать, ни сеять, ни вносить удобрения. Все необходимые питательные вещества водоросли получают из морской воды. А теперь пойдемте в цехи.

В сопровождении инженера приятель поднялись на катер и вернулись на берег.

— Начнем с сушильного отделения — предложил инженер

Они вошли в высокий полукруглый зал. Здесь в больших металлических камерах водоросли высушивались токами высокой частоты, затем спрессовывались в брикеты и по конвейеру отправлялись в цех механической переработки. Оттуда, измельченные и пропитанные растворами, они поступали в химические цехи. Там из них вырабатывали маргарин, йод, витамины, горючее для двигателей и другие пищевые, лекарственные и технические продукты.

Но самым интересным показался Веточкину цех, в котором из водорослей извлекалось золото. Да, это было настоящее, желтое, блестящее золото, которое здесь же отливалось в тяжелые плитки и на вагонетках отправлялось на склад.

— Откуда в водорослях золото? — удивился Ваня.

— Из воды, — пояснил инженер. — В морской воде всегда содержатся небольшие примеси золота. Водоросли поглощают его вместе с солями, а после переработки оно остается в виде отходов.

— Отходов? — удивился Веточкин. — Но ведь это же золото!

— Ну и что ж такого? Мы отправляем его в разные города. Там из этих плиток делают скульптуры и отливают художественные решетки для садов и парков.

— Решетки из золота! — воскликнул Ваня.

— Ничего удивительного, — улыбнулся инженер. — Правда, этот металл не так красив и прочен, как некоторые искусственные сплавы, но не выбрасывать же его. В большом хозяйстве все пригодится...

Но где же все-таки Гоша? Ваня и Бабанин обошли цехи комбината, побывали на химических заводах и пищевых фабриках, но никто не мог им ничего сказать о судьбе Гоши. Да и был ли он в Волгограде? Может быть, юноша, у которого оказался его видеофон, ошибся? Может быть, Гоша полетел в какое-либо другое место?

А Гоша в это время попал в беду. Потерпев аварию на ракетоплане, он вместе со своим маленьким приятелем, китайчонком Васей, оказался в центре Сахары. Они чуть было не погибли от надвигающегося смерча, но ученые вовремя предотвратили несчастье, включив реактор мгновенного действия.

Обо всех этих событиях, а также о возвращении братьев Веточкиных домой вы узнаете, прочитав книгу писателя А. Светова «Веточкины путешествуют в будущее», которая выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

А. КОЛПАКОВ Рис. М. САПОЖНИКОВА

«Если звездоплаватели на момент потеряют из виду Солнце, то разыскание пути назад станет неразрешимой навигационной задачей».

Т. Агекян, «Звездная Вселенная»

Кэмпбелл отставил недопитый стакан виски и медленно обвел глазами просторный зал бара «Грезы астронавта». В обланах табачного дыма проступали разгоряченные лица людей, занимавших столики в дальнем углу. Оттуда неслись выкрики и топот множества ног: под звуки электронного джаза астролетчики отплясывали популярный фокстрот «Крошка Мэри в космосе».

— Люди Дженсона празднуют свое благополучное возвращение, — сказал Джен Хоу в ответ на вопросительный взгляд Кэмпбелла. — Они едва нашли обратную дорогу к Солнцу из-за неполадок в следящей системе корабля. Далеко нам до Советов. Их ребята летают по маршрутам, которые нам и не снятся. И всегда возвращаются. А у нас... Никто заранее не знает, как обернется дело на этом проклятом маршруте.

Хоу сделал паузу, потом тихо произнес:

— Насколько помнится, Дженсон в свое время просил правление поставить астролет на ремонт, но босс только обругал его. Жизнь астронавта для них дешевле спички. Пора положить этому конец.

— Чему положить конец? — спросил Кэмпбелл и оглянулся: нет ли поблизости одного из бесчисленных осведомителей концерна.

— Диктатуре монополий, — пояснил Джен. — Если ты следишь за жизнью, то должен знать, что мы живем в музее древностей.

— Эх, Джен. Пусть с монополиями дерется кто-нибудь другой, а не я. Самое верное дело — зарабатывать доллары. Их нужно иметь как можно больше, и мы будем их иметь после этого рейса.

Хоу мрачно усмехнулся. «Парень еще совсем сырой», — заключил он и с ожесточением бросил в пепельницу потухшую сигару.

Только вчера они с Кэмпбеллом прибыли сюда, на Центральный космодром Аляски, со второго спутника Юпитера — Ио, где находилась станция межзвездных рейсов компании «Космик бизнес». На спутнике готовился к своему первому рейсу по загадочному маршруту «МРЗ-17» один из двадцати трех астролетов компании. Командовал астролетом Джен Хоу. Кэмпбелл являлся штатным инженером-кибернетиком корабля. На его совести лежало сложное электронное хозяйство ракеты.

— Я бы отложил полет, — сказал Хоу. — При последней проверке мне показалось, что одна из электронных цепей, обслуживающих следящий телескоп, просчитывает свою функцию недостаточно быстро. Но какая именно — сказать трудно...

Последние слова Хоу встревожили Кэмпбелла.

— Может быть, тебе просто показалось? — заметил он.

— Не думаю. Цезиевые часы! не ошибаются. Они ясно отметили замедление скорости отсчета на одну миллисекунду. Как ты думаешь, это опасно?

— Еще не знаю, — неуверенно ответил Кэмпбелл. — Все зависит от того, насколько корабль удалится от Солнца. Чем дальше мы уйдем, тем безупречнее должна работать система, определяющая местонахождение корабля во вселенной. А сколько парсеков[2] до конечной остановки?

— Протяженность проклятого маршрута? — переспросил Хоу. — Один дьявол знает. Ребята с «МРЗ-9», которые летали туда, понятия не имеют о маршруте. Они рассказывали, что перед стартом из правления прибыл доверенный босса и привез программу траектории. Одни голые цифры... Кибернетик закладывает программу в электронный мозг, а штурману остается лишь тщательно соблюдать режим полета.

Кэмпбелл молча допил виски.

— На твоем месте я проверил бы электронную машину и вообще следящую систему, — озабоченно докончил Джек.

— Хорошо, я проверю, — согласился кибернетик.

Джек Хоу некоторое время размышлял. Потом внимательно посмотрел в глубоко ушедшие под брови темные глаза Кэмпбелла и добавил:

— Пойду поговорю с боссом. Попробую убедить его в необходимости проверки системы.

Провожая взглядом высокую грузную фигуру Джека, Кэмпбелл не заметил, как к нему подсел незнакомый человек. Он был безукоризненно одет, в зубах дымилась дорогая сигара, а глаза настороженно ощупывали кибернетика.

— Ты, кажется, недавно поступил на службу в «Космик бизнес»? — вполголоса обратился человек к Кэмпбеллу.

Кэмпбелл с удивлением посмотрел на незнакомца, пытаясь поймать его ускользающий взгляд:

— Ты меня знаешь?

Человек уклонился от ответа и крикнул бармену:

— Эй, Моран! Рому!

Кэмпбелл пить отказался. Человек не обиделся, отхлебнул глоток и сказал:

— Будем говорить начистоту. Я работаю физиком у Сэндиджа. Слышал о нем?

Сэндидж — глава второго по могуществу после «Космик бизнес» концерна, который обслуживал трассы внутри солнечной системы. Это было известно всем. Но Кэмпбелл знал тайне и то, что концерны вели многолетнюю ожесточенную войну за монополию в космосе. «Что ему от меня надо?» — подумал кибернетик и насторожился.

— Так вот... — продолжал человек. — Признайся, что тебе, как и многим другим, не улыбается ради куска хлеба рисковать жизнью. Каждый полет вне системы — это игра с огнем. Пятьдесят шансов на пятьдесят вернуться на Землю или попасть в рай. И все равно столько желающих! Работу сейчас трудно найти даже в космосе...

— Ты о чем все-таки? — в упор спросил его Кэмпбелл.

Слова человека вызвали в памяти кибернетика безрадостные картины недавнего прошлого: восемнадцать месяцев без работы, полуголодное существование, бесконечные отказы везде... Перед воротами космопортов стояли толпы астронавтов. Он получил работу совершенно случайно, встретив Джека Хоу, который оказался его земляком из Арканзаса.

— Сэндидж умеет хорошо платить за услуги. Миллион долларов наличными и пакет акций концерна за тайну нейтрино-маршрута 3, — неожиданно предложил «физик».

Изумленный Кэмпбелл машинально выпил полный стакан рому. А человек настойчиво продолжал:

— Ты думаешь, игра не стоит свеч?..

— За что Сэндидж собирается платить мне? — перебил его Кэмпбелл. — Что за нейтрино-маршрут? Мне он неизвестен.

Человек подсел ближе, перешел на доверительный тон:

— Разве ты не слышал о нейтрино-материи? Я скажу... но это должно остаться между нами.

Кэмпбелл невольно поежился под холодным взглядом только что улыбавшегося «физика». «Встать и уйти, пока не поздно!» — мелькнула у него мысль. Но пробудившееся любопытство удержало кибернетика на месте.

— Буду молчать, — сказал Кэмпбелл, — говори...

Тогда человек придвинулся к нему вплотную.

— Нейтрино-маршрут — это дорога, по которой пойдет через неделю ваш МРЗ... Сэндидж дорого дал бы, чтобы узнать, куда вы летите и где находится та планета, с которой «Космик бизнес» привез первую партию нейтрино-материи. Это удивитель-

ное вещество совершит величайшую революцию в энергетике. Нейтрино-материя является гигантским аккумулятором энергии. При распаде в определенных условиях один килограмм этой материи выделяет столько же энергии, сколько ее вырабатывают все электростанции Штатов в течение полугода! Нейтриновые генераторы позволят передавать энергию не только во все уголки земного шара, но и на любую планету системы. Кто накопит достаточно запасов нейтрино-материи, тот станет властелином мира! Вот почему «Космик бизнес» гонит один астролет за другим в дебри космоса.

...Сэндидж хочет лишь восстановить справедливость: в свое время «Космик бизнес» вырвала нейтрино-материю у него из рук. Шестьдесят два года тому назад астролет Сэндиджа-старшего, посланный в обычную межзвездную разведку, нашел в космосе залежи этой материи. Все было бы хорошо, но экипажу не хватило энергии на обратный путь... Подлетев к системе, они не смогли даже дотянуть до базы Сэндиджа-сына (старик к этому времени успел умереть) и еле-еле дополз до Тритона, где находилась межзвездная станция «Космик бизнес»... Об остальном можно лишь догадываться. Сэндидж успел получить краткое сообщение Питера Таунсенда, командира астролета: «Возвращаюсь к Земле. Нашел нейтрино-материю... Кончились запасы энергии. Сел на базу «Космик бизнес». О местонахождении залежей нейтрино-материи сообщу лично».

...И все! — человек Сэндиджа стукнул по столу. — На этом передача прервалась! Больше никогда никто не слышал об астролете Таунсенда! Нам-то ясно, что это дело рук боссов «Космик бизнес». Пытками или подкупом они выведали у ребят местонахождение кейтрино-материи, а потом прикончили их.

— Но ведь это уголовное дело! — воскликнул Кэмпбелл.

— Сэндидж возбуждал судебное дело против «Космик бизнес»,— медленно произнес «физик», — но ничего не добился. Ни каких улик!.. Космическая полиция не обнаружила на Тритоне ни одного гвоздя от астролета Таунсенда, не говоря уже о самих астролетчиках. Вероятно, убитых вместе с астролетом пустили в бесконечное путешествие. Попробуй найди их теперь в космосе...

Перед глазами Кэмпбелла почти зримо возникло видение мертвого астролета, вечно блуждающего в мировом пространстве.

— Неважно, что ты не знаешь нейтрино-маршрут, — продолжал «физик». — Его мало кто знает. Может быть, три-четыре человека... Зато ты получишь от «Космик бизнес» электронную программу маршрута. По нашей инструкции, которую мы разрабатывали свыше двадцати лет, можно расшифровать программу в ходе полета. Если шаг за шагом в течение всего путешествия изучать работу электронных схем следящего телескопа, то маршрут будет неизбежно разгадан. А по возвращении оттуда ты станешь миллионером. Ну, договорились?

Буря противоречивых чувств поднялась в душе Кэмпбелла. Соблазн был велик... Собственно говоря, он ничего плохого не сделает, особенно если вспомнить, что боссы «Космик бизнес» убили ни в чем не повинных ребят Таунсенда. А он никого не хочет убивать. Что же касается служебного долга перед компанией, то...

— Я согласен, — сказал Кэмпбелл.

— Подробнее поговорим завтра, — добавил на прощание «физик» и исчез так же незаметно, как появился.

Возвращаясь в космопорт, Кэмпбелл встретил мрачного Хоу.

— Ну, что сказал босс? — спросил он астронавта.

— Дело дрянь, — ответил Джен. — Босс не стал даже слушать меня, когда узнал, что для проверки электронных цепей потребуется полгода. «Хоть я и знаю тебя давно, ты все же болван, Джек, — сказал он мне. — Плетешь чушь о какой-то миллисекунде. Мы не имеем права срывать железный график перевозок на этом маршруте. Простой даже одного астролета обойдется компании слишком дорого». Вот что ответил Дэвис...

* * *

Экипаж «МРЗ-17» прибыл на Ио за два дня до отлет. Все это время было потрачено на последние приготовления. Джек Хоу еще и еще раз скрупулезно проверял работу главных узлов, приборов и систем. Особенно долго задержался он возле следящего телескопа, так что Анабелла даже пошутила:

— Если ты хочешь стать астрономом, то немного опоздал. Я не собираюсь уступать своего места.

Джену Хоу давно нравилась эта девушка с задорными серыми глазами — с тех пор, как он впервые увидел ее на заседании забастовочного комитета рабочих и служащих Ракетного комбината, обслуживавшего Аляскинский космопорт. Джену запомнилось выразительное лицо Анабеллы, характерное резкое движение маленькой смуглой руки, время от времени поправлявшей сползающую на глаза каштановую прядь.

После собрания Джек вместе с Анабеллой тихими переулками пробирался в космопорт, избегая встреч с полицейскими постами. С волнением он ощущал в своей ладони пальцы девушки, когда приходилось изобразить влюбленную пару, чтобы усыпить бдительность стражей порта. С тех пор они работали вместе.

— Хорошо, я полагаюсь на тебя, — пробормотал он и вышел из отсека.

Забравшись в чащу электронных цепей, Кэмпбелл ревниво прислушивался к разговору. Ему тоже нравилась Анабелла. Он был почти уверен в том, что она отвечает ему взаимностью, потому что иногда перехватывал на себе внимательный взгляд девушки. Кибернетик не подозревал, что Анабелла просто изучала его, чтобы начать свою работу среди экипажа. Кэмпбеллу казалось, что не будь Джека Хоу, который подозрительно часто торчит возле Анабеллы, он давно бы сблизился с нею.

Кэмпбелл с раздражением защелкал переключателями электронного автомата. Воровато пробегая глазами строчки инструкции, переданной агентом Сэндидна, он кропотливо подбирал комбинации наивыгоднейшего включения транзисторов, ко орые облегчили бы задачу расшифровки. Кэмпбелл нервничал и незаметно для себя разрегулировал следящую систему. Случайно обратив внимание на стрелки наручных часов, он оцепенел: часы показывали, что скорость вычислений машины замедлилась еще на одну миллисекунду!

Кэмпбелл нервно забегал по отсеку. Что делать? Сказать Джену?.. Но как объяснить новое снижение скорости отсчета? Под страхом смерти на кораблях запрещалось настраивать электронные системы в пу и или перед самым вылетом. Постепенно он успокоился. Может быть, конечный пункт маршрута не так уж далек от Солнца? Десять-пятнадцать пассенов, не больше? «Пожалуй, автомат справи ся со своевременной наводкой телескопа», — решил он.

...Когда «МРЗ-17» был выведен на стартовую эстакаду, циклопической дугой выгибавшуюся к небу, весь экипаж собрался на выдвижной площадке, чтобы перед отлетом в межзвездную даль послать слова привета на родину. На площадке был установлен микрофон мощной ультракоротковолновой станции спутника.

Через несколько минут традиционная процедура была закончена. Доверенный босса передал Джеку программу маршрута, молча пожал всем руки и умчался на гусеничном атомоходе к броневому куполу диспетчерской, блестевшему на горизонте. Завыли автоматы, убирая трапы и наглухо задраивая входные шлюзы. Люди заняли свои места. Джек Хоу быстро прошел в центральный управления и включил обзорный экран.

— Все готово, — доложил ему штурман Гаррис. — Подали второй сигнал!

Хоу молча занял свое место у пульта и вызвал в центральный Кэмпбелла. В это время засветился экран связи: на нем появилась широкая физиономия Джефриса, доверенного босса.

— Алло, Джек! Только что с Земли получена радиограмма Шеф передает свои пожелания и надеется, что ты оправдаешь доверие компании. Всего наилучшего ребята!

— Да, сэр, — безразличным тоном ответил Хоу и одновременно с третьей вспышкой красного сигнала включил стартовые параболоиды мезонного прожектора.

Гигантский корпус астролета вздрогнул. Гомеопобный звук проник во все отсеки корабля: это заработал фокус аннигиляции[4] — там в бешеном столкновении протонов и антипротонов рождалось мезонное излучение огромной интенсивности. Мерцающие внизу почти невидимого излучения опутали чашу прожектора. Звездолет, убыстряя движение, поплыл вверх по эстакаде. Мезонные потоки буравили и без того истерзанную поверхность юпитеровой луны, рассыпая в прах ближайшие скалы. Все служащие станции кораблей укрылись глубоко «под землю».

Словно колоссальная стрела, корабль круто взвился в черное небо, усыпанное светлячками звезд.

Кэмпбелл с затаенной тоской наблюдал, как стремительно уменьшается огромный диск Юпитера. «Вернемся ли?» — впервые ощутив страх, спросил себя кибернетик.

Громкий голос Хоу вывел его из задумчивости:

— Ты оглох?! Держи программу для следящего автомата. Через пять часов, когда пройдем Плутон, заложишь данные в электронные машины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цезиевые часы — сверхточные атомные часы. Их действие основано на том, что атомы цезия (металл) с исключительным постоянством излучают электромагнитные колебания, которые усиливаются специальными электронными контурами и преобразуются в показания часов. За две тысячи лет цезиевые часы отклоняются от истинного времени не более чем на полсекунды.

[2] Парсек — единица расстояний в астрономии, равная 3,26 световых лет, то есть 308 триллионам километров, что в 2 миллиона раз больше расстояния от Земли до Солнца.

[3] Нейтрино — элементарная ядерная частица, образующаяся при распаде нейтрона на протон и электрон. Нейтрино-частица в 2 тыс. раз меньше по массе самой маленькой атомной частицы — электрона. Не имеет ни электрического заряда, ни массы покоя, а существует только в движении со скоростью, близкой к скорости света. Свойства нейтрино-частицы почти не изучены.

[4] Аннигиляция — ядерная реакция при которой в результате слияния частиц вещества (протонов, нейтронов, электронов) и частиц антивещества (антипротонов, антинейтронов, позитронов) происходит максимально возможное в природе выделение энергии в виде мезонного и частично фотонного (светового) излучения.

(Продолжение следует)

ЦЕНА МИЛЛИСЕКУНДЫ

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

А. КОЛПАКОВ

Рис. М. САПОЖНИКОВА

(Продолжение. Начало см. в № 1)

Вернувшись в свой отсек, Кэмпбелл включил перфоратор и превратил десятичные цифры, скрывавшие тайну первого этапа маршрута, в комбинацию отверстий на перфоленте. Затем по его знаку оператор Билл, рыжий парень лет двадцати пяти, нажал кнопку, и электронная машина проглотила перфоленту. И тотчас мягко загудел автомат, наводя контрольный телескоп на Солнце. Теперь все зависело от автоматики. Малейшая неточность в работе электронных цепей навсегда закроет путь назад. Долгие годы, пока астролет будет лететь к неведомой звезде Таунсенда, электронная машина должна с безупречной точностью и фантастической быстротой вычислять координаты Солнца.

На зеленоватом экране осциллографа побежали цифры и кривые, указывающие расстояние корабля от Солнца и полярный угол, образуемый его лучом в данный момент и в начале пути. На перекрестии нитей в окуляре следящего телескопа дрожала небольшая желтая звездочка — Солнце. Его нельзя было упускать из поля зрения ни на одно мгновение.

Кэмпбелл с беспокойством прислушивался к равномерному пощелкиванию автоматов, думая о том, что где-то в недрах электронной машины уже накапливается ошибка в отсчете координат, а следовательно, происходит замедление поворота телескопа на нужный угол.

Но нужно было действовать, и когда Билл вышел из отсека, Кэмпбелл снова принялся за расшифровку маршрута. Он вскрыл часть электронной схемы и стал измерять импульсы тока и напряжения.

Корабль продолжал разгон. Его скорость достигала 299,5 тысячи километров в секунду. Звездолет в бешеном темпе пожирал пространство, сокращая «собственное время» в пятьдесят раз по сравнению с земным.

Внезапно за спиной Кэмпбелла раздался удивленный возглас Билла:

— Эй, ты что там делаешь?! У машины работаю я! Ты же знаешь, что по инструкции категорически запрещается вскрывать электронные схемы во время работы! Я обязан сообщить мистеру Хоу!..

Кэмпбелл быстро захлопнул приоткрытую панель, за которой отсвечивали транзисторные регистры.

— Не понимаю, чего ты раскипятился? — спокойно ответил он. — Пора знать, что я главный кибернетик ракеты.

Однако явно встревоженный Билл не собирался уступать своих прав и хмуро повторил:

— Я все равно сообщу об этом случае мистеру Хоу.

— Послушай, Билл, — сдерживая волнение, произнес Кэмпбелл. — Мне нужно сказать тебе кое-что. Присядем здесь.

Он взял Билла под локоть, нажатием кнопки выдвинул из стены небольшой столик и два сиденья, а затем извлек из универсального чемодана бутылку.

Мозг его напряженно работал. Открыться Биллу? Рискованно... Но ведь ничего другого не остается. Его взгляд упал на смягчившееся при виде рома лицо Билла. Он вспомнил, что Хоу не раз извлекал Билла из ночных баров, где тот просаживал заработанные за очередной рейс доллары. «Хорошо, что мне удалось пронести на корабль эти проклятые бутылки», — подумал он.

Выпив стакан, Билл окончательно успокоился.

— Ну, что ты хотел сказать?

— Хочешь навсегда осесть на Земле в собственной вилле с роскошным садом и симпатичным винным погребком?

— Это было бы неплохо, — глубокомысленно заявил Билл.

— Сэндидж предложил мне миллион долларов в обмен на расшифровку нашего маршрута. Если ты будешь молчать и поможешь мне, я поделюсь с тобой. Двести тысяч долларов помогут тебе осуществить мечту о вилле с садиком.

Билл задумался.

— А если узнают ребята и Хоу?

Кэмпбелл понял, что Билл готов сдаться. Он повторил ему доводы, которыми «физик» Сэндидж убедил его самого.

— Триста тысяч, Билл! Я думаю, это будет справедливо.

— По рукам! — согласился тот.

* * *

Тихонько мурлыча песенку, Кэмпбелл разглядывал звездную карту. Астролет прошел восемь парсеков от Солнца. Желтая звездочка, ставшая совсем крохотной и тусклой, продолжала висеть на контрольном кресте нитей. После разговора с Биллом Кэмпбеллу стало много легче следить за работой электронных автоматов и одновременно разгадывать маршрут.

Джек Хоу, поглощенный делами, ничего не подозревал. Лишь однажды он заглянул в отсек Кэмпбелла и озабоченно спросил:

— Как дела? Я все время думаю об этой миллисекунде...

— Все в порядке, — с напускной беззаботностью поспешил успокоить его Кэмпбелл. — Кажется, мы тогда преувеличили опасность.

— Если бы это было так! — проговорил Хоу. — У меня неспокойно на душе. Может быть, сдают нервы? Проклятый босс! Он не дал нам проверить цепи!

Билл внимательно прислушивался к разговору между Хоу и кибернетиком. В его душе шевельнулась тревога: «Джек прав: мы можем потерять Солнце! Не напутал ли чего-нибудь Кэмпбелл, копаясь в системе?» Он подождал, пока Кэмпбелл и Хоу вышли из отсека, и бросился к цезиевым часам: «Скорость отсчета равна одной миллионной доле секунды, — лихорадочно соображал он. — Автомат считает в сто раз медленнее, чем требуется по инструкции! Мы потеряем Солнце!!!»

Едва войдя в отсек, Кэмпбелл сразу обратил внимание на Билла, уставившегося на циферблат.

— Ты как будто никогда не видел эти часы? — непринужденно бросил он.

Билл резко повернулся.

— Не заговаривай зубы, Кэмпбелл! Ты знал о неисправности, но молчал!..

— О чем ты? — пробормотал Кэмпбелл.

— Не притворяйся! Ты разрегулировал автомат! Он считает в сто раз медленнее, чем нужно!.. С меня довольно! Иду к Хоу. Пусть он убьет меня, но все должны знать, какой опасности мы подвергаемся.

Билл ринулся к двери, но Кэмпбелл преградил ему дорогу.

— Тише... тише, Билл! — зашипел он. — Ты просто пьян. Что ты мелешь?.. Все в порядке! Солнце на месте! Через несколько

дней мы достигнем звезды Таунсенда, заберем груз и... домой! Ты будешь богат, как Крез!..

Билл устало опустился на сиденье, закрыл глаза. Казалось, что взрыв гнева обессилил его. Кэмпбелл дрожащей рукой подносил ему ром.

— Выпей и успокойся. Я же говорю, что все в порядке! Солнце будет на месте, верь мне.

Билл послушно выпил и уже спокойно подумал: «Действительно, мы почти у цели, автомат справляется с наводкой телескопа. По возвращении в Штаты я не буду ни от кого зависеть. Не придется больше обивать пороги космопортов».

— Ладно... — устало махнул рукой оператор.

Кэмпбелл облегченно перевел дух и отер со лба крупные капли пота.

* * *

Несколько успокоившись и отогнав от себя мрачные мысли, Кэмпбелл решил заглянуть к Анабелле. Он застал ее приникшей к окуляру телескопа.

— Привет! Как идут дела? Что нового? Ты не скучаешь?

— Скучать не приходится, — сухо ответила девушка. Она на миг оторвалась от телескопа и холодно посмотрела на кибернетика.

Растерянно потоптавшись на месте, Кэмпбелл заложил руки в карманы и разочарованно засвистел: «Мы полетим с тобой к Сатурну, крошка Мери...»

Не оборачиваясь Анабелла проговорила:

— Мне что-то не нравится поведение Солнца... Оно на миг сползло с перекрестия. У вас там все в порядке?

Она испытующе взглянула на кибернетика.

Кэмпбелл перестал свистеть.

— Пойду проверю, — бросил он с деланным спокойствием.

В это время Джек Хоу совершал очередной обход и осторожно заглянул в отсек следящего телескопа. Не решаясь выдать своего присутствия, он долго смотрел на работавшую Анабеллу. В его потеплевшем взгляде можно было прочесть давно скрываемое чувство...

Джек собрался уходить, так и не поговорив с Анабеллой, как вдруг она резко отшатнулась от телескопа, протерла глаза, снова посмотрела в окуляр и вскрикнула: «О боже! Что это?!»

Хоу бросился к ней:

— Что случилось?

Повернув к нему белое как мел лицо, девушка указала на телескоп:

— Он потерял Солнце!..

Потрясенный Хоу устремился в отсек Кэмпбелла.

По встревоженному лицу командира Кэмпбелл тотчас понял, что случилось то, чего он так боялся все это время.

— Тревога! — задыхаясь, бросил Джек. — Произошло большое несчастье!.. Телескоп потерял Солнце!.. В порядке ли следящая система?!

Дикий крик заставил вздрогнуть их обоих. Это кричал Билл. С выкатившимися из орбит глазами он показывал на Кэмпбелла:

— Убейте меня, мистер Хоу!.. Я позволил ему вскрывать электронные цепи! Он разрегулировал систему!.. Убейте!..

И Билл истерически зарыдал.

* * *

Пронзительно гудели сирены. По их зову встревоженные астронавты бежали со всех уголков корабля в кают-компанию.

— Что случилось?..

— Почему дан сигнал чрезвычайной опасности?..

— Зачем Джек собирает нас?

Штурман Гаррис вихрем промчался по коридору, стуча во все двери.

— Эй, Гаррис! — окликнул его биолог Джон Линдблад. — Не знаешь, что стряслось?

Гаррис пожал плечами.

— Толком не знаю. Я видел, как Джен тащил за шиворот Кэмпбелла. У обоих были ужасные лица. Сейчас они в каютной компании.

...Тяжело опершись подбородком на руки, Джен Хоу отсутствующим взглядом смотрел в пространство. Его мозг неустанно сверлила мысль: «Солнце потеряно!» Джен отчетливо сознавал весь ужас создавшегося положения. Чем больше он думал, тем понятнее становилась для него азбучная истина, которую упорно вбивали в головы мезолетчиков в стенах астронавигационных колледжей, та простая истина, что Солнце — всего лишь рядовая звезда в нашей Галактике и ничем не выделяется среди остальных звезд такого же типа. Самая обыкновенная одиночная звезда! Или, как выражаются астрономы, ничем не примечательная желтая звезда спектрального класса Ж-2. Хоу знал, что в Галактике насчитывается 150 миллиардов звезд: гигантов и карликов, двойных и кратных светил, переменных и пульсирующих, цветных и темных, потухающих и только что разгорающихся. И среди них — сотни миллионов таких же, как Солнце, сотни миллионов его двойников. Джен на минуту закрыл глаза: перед ним словно в калейдоскопе закружились десятки белых, желтых и желто-белых светил; все они были неотличимо похожи на земное Солнце. Как найти среди них настоящее, свое?.. По теории вероятностей Солнце можно теперь искать тысячи веков и все же не найти.

Когда собрались все мезолетчики, Джен Хоу отрывистыми фразами рассказал о случившемся.

В Централи воцарилось молчание. Люди словно окаменели... Потом тишина взорвалась, пронесся слитный крик отчаяния, разбившись на отдельные возгласы, в которых слышались ужас, горе, безнадежность...

В общем гуле звенел взволнованный голос Анабеллы, которая старалась успокоить товарищей. В то же время взгляд ее больших встревоженных глаз как бы вопрошал Джена: «Неужели конец?..»

Молчаливый ирландец О'Доннор бросился открывать люк, чтобы выброситься в космос. В последний момент Джон Линдблад успел схватить его за пояс. Подоспевший Гаррис захлопнул люк.

Атмосфера обреченности сгущалась. В толпе возникло какое-то тревожное движение. У многих женщин в руках появились фланконы с препаратом «АЗ», в малых дозах применявшимся для безболезненного перехода к анабиозному сну. В больших дозах этот стимулятор приносил легкую смерть.

...Несчастье, обрушившееся на этих людей, было безмерным. В беспредельных ледяных просторах космоса их мезолет был подобен крохотной пылинке, внутри которой едва теплился огонек жизни. А кругом раскинулось Великое Космическое Безмолвие, враждебное всему живому. Оно скоро погасит этот слабый огонек. Где-то в глубочайшей пучине пространства осталась родная Земля, ее ласковое тепло, изумительное небо, величественные горы, синие океаны, запахи трав и цветов, журчание вод и пение птиц, дожди и ветры, смех детей и шум гигантских городов — весь тот круг предметов и явлений, который тысячами нитей привязывает человека к родной планете, создает неповторимое ощущение радости бытия.

Джен Хоу стряхнул с себя тяжелое оцепенение и выпрямился. Его бледное, как-то сразу осунувшееся лицо выражало решимость.

— Что нам делать с ним. — спросил он, указывая на Кэмпбелла.

— Смерть!!! — закричали со всех сторон.

Этот единодушный приговор заставил кибернетика поднять голову. Во взглядах, устремленных на него, он тщетно искал участия. Лицо Кэмпбелла исказилось, он запланал:

— Пощадите... я не хотел этого...

— Выбросить его в космос! — повторило множество голосов.

Тогда Кэмпбелл повернулся к командиру мезолета.

— Джек... Вспомни наш Арканзас. Я не хотел, чтобы мы потеряли Солнце...

Джек Хоу нахмурился. Он колебался. В Централи было так тихо, что слышался еле уловимый звон Счетчика Времени.

В последней надежде Кэмпбелл обратился к Анабелле. «Хоть одно слово... — казалось, молил его взгляд. — Они послушаются тебя».

— Может быть, мы сохраним ему жизнь?.. — неуверенно проговорила девушка.

Слова Анабеллы повисли в воздухе.

— Не тяни, Джек! — сказал Гаррис. — Смерть предателю!

Хоу молчал.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЕ. *«Собственное время» — время, текущее в астролете при субсветовой скорости. «Собственное время» течет в десятки и сотни раз медленнее, чем на Земле, которая относительно звездолета является «покоящейся системой».*

А. КОЛПАКОВ

Рис. М. САПОЖНИКОВА

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

(Окончание. Начало см. № 1 и 2)

Внезапно Гаррис и Джон Линдблад подхватили Кэмпбелла и потащили его к камере катапульты, с помощью которой выбрасывались в космос разведывательные телероботы.

— Остановитесь! — перекрывая поднявшийся шум, во весь голос крикнул Джек. — Что даст нам его казнь?! Теперь дорог каждый лишний член экипажа! Пусть Кэмпбелл останется с нами!

— Джек, — с угрозой сказали мезолетчики, подступая к командиру, — не мешай! Кэмпбелл должен понести справедливое наказание!

— Он обрек нас на медленную смерть в пустынях вселенной! — выкрикнул Гаррис.

— Кто сказал, что мы должны погибнуть? — загремел Джек Хоу. — Не надо поддаваться панике! Слишком рано мы хороним себя!

— Но, Джек... — возразил Гаррис. — Мы потеряли Солнце!.. На что ты надеешься?

— На силу разума! — ответил Джек Хоу. — На всех вас! Верно, что мы потеряли Солнце и нам не вернуться на родину. Но Земля не единственный остров, где существует жизнь. Мы полетим к какой-нибудь цефеиде, самому надежному ориентиру во вселенной. И пусть у нас только один шанс из тысячи найти обитаемый мир — мы должны использовать его!..

Слова Хоу, исполненные непоколебимой веры, вдохнули мужество в отчаявшихся, приободрили колеблющихся, зажгли в сердцах слабых трепетный огонек первой надежды.

— Джек говорит правильно! — воскликнула Анабелла. — Мы должны найти пригодную для жизни планету!

— И поселиться на ней! — поддержал ее Линдблад.

— Да! — сказал Джек. — Вот почему я должен сохранить Кэмпбеллу жизнь. Там, где мы начнем создавать новое общество, будет дорог каждый человек!

После ожесточенных споров астронавты согласились с Джеком Хоу, но потребовали заточения Кэмпбелла в изолятор до конца пути. Теперь все с надеждой смотрели на командира.

— По местам! — скомандовал Хоу. — Начинаем торможение!

— Зачем?! — удивился Гаррис. — Наоборот, мы должны идти на субсветовой скорости!

— Надо завершить маршрут, — сказал Хоу, — и достичь звезды Таунсенда. Разве нам не пригодится нейтрино-материя в борьбе с силами космоса?

— Тем более что до звезды осталось всего две недели пути, — добавила Анабелла. — Ее диск уже показался на экранах.

И вот уже позади мучительная посадка на планету, обращающуюся вокруг звезды Таунсенда, тяжелый труд в адской жаре, пронизанной опасными излучениями. Две недели перевозила нейтрино-материю с планеты на мезолет вспомогательная атомно-водородная ракета. Мощный транспортер подавал в ракету небольшие, со спичечную коробку, контейнеры. Каждый из них весил восемь тонн.

Наконец последние контейнеры были погружены, и мезолет снова устремился в черноту астральной ночи.

— Теперь я лучше представляю себе возможную картину образования нейтрино-материи, — в раздумье проговорил астрофизик Ричардсон, обращаясь к Линдбладу. — На заре времен звезда Таунсенда представляла собой саморазрушающийся голубой гигант, настоящий космический вулкан. В неистовстве ядерных реакций, при немыслимых температурах и давлениях рождалась нейтрино-материя, которую звезда непрерывно выбрасывала в пространство. Часть нейтрино-материи достигала планеты и в течение миллионов лет накапливалась в складках ее коры.

— Вполне вероятная гипотеза, — согласился Линдблад. — Тем более что в настоящее время звезда Таунсенда является сверхплотным белым карликом. Путь развития от саморазрушающейся звезды Вольфа-Райе до карлика наиболее распространен во вселенной. Бесспорно и то, что нейтрино-материя — это продукт гигантской концентрации энергии тяготения светила в исчезающе-малом объеме вещества...

— Эй, Ричардсон! — прервал их академическую беседу штурман Гаррис. — Помоги-ка определить расстояние до цефеиды! — Он указал на экран, где приветливо сияла белая звездочка.

— Двести девяносто световых лет... — задумчиво произнес он через некоторое время. — Это самая близкая к нам цефеида.

Хоу долго смотрел на звезду.

— Да... выбирать особенно не приходится, — тихо проронил он.

— Будем надеяться, что там найдется хоть одна планета с пригодными для жизни условиями.

— А если не найдется? — угрюмо спросил штурман.

— Тогда полетим к другой звезде! Будем искать пристанище до тех пор, пока есть энергия, бьется сердце и работает мозг! — Хоу решительно положил руки на пульт управления.

— Летим к этой цефеиде!

...Истекал восьмой год полета в «собственном времени» мезолета. Звезда постепенно увеличивалась. Вскоре была выключена следящая система телескопа, так как пылающее светило занимало теперь весь экран обзора. То ослабевая, то усиливаясь, голубовато-белые лучи цефеиды искрами надежды проникали в сердце Анабеллы. Девушка не отходила от телескопа, упорно изучая окрестности нового солнца.

Этап торможения мезолета подходил к концу, когда отсеки корабля облетела радостная весть: «Анабелла открыла у цефеиды планетную систему!»

— Семнадцать планет! — взволнованно сообщила девушка Ричардсону, едва не столкнувшись с ним в переходном коридоре. Она спешила в Централь управления, чтобы поделиться своим открытием с Джеком Хоу.

— Преждевременная радость, — несколько охладил ее восторг астрофизик. — Очень возможно, что на этих планетах нельзя жить...

Но судьба оказалась милостивой к мезолетчикам.

— Невероятное везение! — сказал на другой день Ричардсон, закончив длительный и кропотливый труд по определению физических условий на планетах звезды. — Хотя мощное световое излучение цефеиды и превратило шестнадцать планет в раскаленные пустыни, но на самой крайней — семнадцатой планете — средняя температура равна тридцати градусам тепла. Это значит, что здесь возможна жизнь.

— Мы не напрасно стремились сюда, — облегченно вздохнула Анабелла.

— Да... Но тридцать градусов вечной жары, — покачал головой Гаррис. — Нельзя сказать, что нам будет прохладно.

— Ничего страшного, дружище, — успокоил Линдблад. — По крайней мере не будем нуждаться в шубах. Начнем жизнь так же, как начинали ее Адам с Евой.

— С той лишь разницей, что цефеида будет периодически поджаривать нас, — не сдавался Гаррис.

— Совершенно верно, — подтвердил астрофизик. — Поскольку цефеида — это переменная звезда, она, естественно, то ослабляет, то усиливает свою яркость. Каждый девятый день на этой планете будет вдвое жарче, чем обычно. Но не надо сгущать краски. Переменность «солнца» даст себя знать лишь в тропиках и субтропиках. В полярных и приполярных областях планеты температурные условия в основном будут зависеть от смены времен года. Почти как на Земле. Я думаю, что наш календарь придется построить так: годом будет являться промежуток времени обращения планеты вокруг цефеиды, а неделя будет состоять из восьми дней — соответственно периоду изменения блеска цефеиды; тогда девятый день — день максимума яркости звезды — нам придется назвать «пламенным воскресеньем»: ведь температура в этот день подскочит до пятидесяти-шестидесяти градусов тепла!..

— И воскресный отдых придется проводить в леднике, — проворчал Гаррис. — Приятное разнообразие!

Вскоре Ричардсон сообщил еще одну новость: атмосфера планеты по своему составу мало отличается от земной. Двадцать два процента кислорода, семьдесят семь процентов азота и пять сотых процента углекислого газа. «Жизнь вполне возможна!» — уверенно заключил Линдблад.

Первый разведывательный полет на поверхность планеты совершили Джек Хоу, Линдблад, Ричардсон и врач. Когда вспомогательная ракета мягко опустилась на посадочные клешни, астронавты с волнением открыли иллюминаторы.

Буйный восторг охватил измученных долгим путешествием людей.

— Живая картина третичного периода Земли! — воскликнул Ричардсон. — Настоящий палеонтологический заповедник!

Пышная тропическая растительность желто-красными волнами подступала к кораблю. Вдалеке мерцал голубовато-оранжевый океан; в него с тихим плеском катила свои воды широкая полноводная река. Небосвод цвета бледной меди с оттенком лазури был чист и неправдоподобно глубок. Казалось, природа вокруг них пела могучий гимн всевластию жизни и света.

Соблюдая все меры биологической защиты, астронавты ступили на почву этого светлого мира, который должен был стать их второй родиной. Смешно переваливаясь в биоскафандре, Линдблад тотчас устремился в густой кустарник, росший неподалеку. Вскоре из чащи донесся его голос:

— Что за удивительные формы у этих цветов! Да здесь есть и четвероногие!

Внезапно Линдблад выскочил из чащи. Почти вслед за ним из кустов высунулась морда диковинного зверя. Огромные выпуклые глаза равнодушно посмотрели на странных двуногих существ в блестящей одежде. Потом морда скрылась, меж деревьев замелькало желтовато-зеленое гибкое тело неведомого животного.

В течение ряда дней радиоуправляемые телеаппараты, вдоль и поперек обследовали всю планету, но не обнаружили следов разумной жизни.

— До эпохи мыслящих существ природа здесь еще не дошла, — задумчиво сказал Хоу. — Мы будем первыми...

Переселение с «МРЗ-17» на планету было закончено. Все тридцать три человека — мужчины и женщины — собрались вместе, осматриваясь в непривычной, чуждой их земным представлениям обстановке. Тридцать четвертый — Кэмпбелл — стоял чуть поодаль. Он знал, что мезолетчики еще не простили его. Ему предстояло завоевать доверие и дружбу товарищей самоотверженной борьбой с природой планеты. И он чувствовал в себе силы, необходимые для этого.

Командир мезолета посмотрел на каждого из тех, с кем придется теперь делить горести и радости предстоящих десятилетий труда и борьбы. Затем дал знак Кэмпбеллу присоединиться к остальным астронавтам.

— Братья и сестры! Друзья!.. — медленно заговорил Джек в свой внутришлемный микрофон. — Нам выпала удивительная судьба: жить вдали от Земли. Мы создадим здесь свое сообщество свободных тружеников — в нем не будет места алчности, эгоизму, корыстолюбию, жертвой которых оказался Кэмпбелл. Это нужно сделать ради наших детей, которые — я твердо верю — когда-нибудь вернутся на Землю!

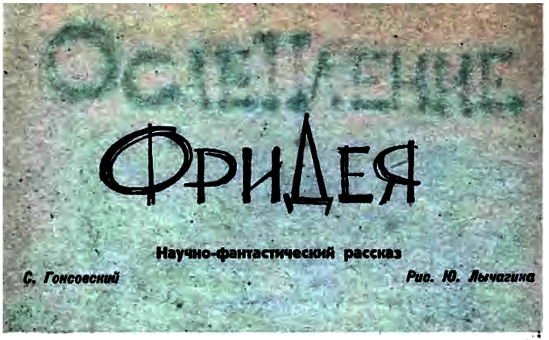
Одобрительные возгласы покрыли последние слова Джека Хоу. Мезолетчики обступили командира, пожимали ему руки, хлопали по плечу. А он улыбался какой-то особенной, задумчивой улыбкой: казалось, что Хоу уже видит грядущие поколения счастливых людей, расселившихся по планете.

Анабелла, не отрываясь, смотрела на Хоу. Он казался ей самым лучшим из всех людей, которых она когда-либо знала. Почувствовав взгляд, Джек Хоу медленно повернулся и подошел к ней. Девушка доверчиво вложила свои пальцы в сильную руку Хоу.

— Мы будем жить и бороться! — зазвенел голос Анабеллы, птицей взлетев над общим гулом пробужденной надежды. — И наши дети обязательно вернутся на родину отцов!

ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Звезды Вольфа-Райе — сверхгигантские бело-голубые звезды, названные по именам ученых, открывших их. Это очень горячие светила с температурой поверхности около 70 тысяч градусов. Звезды Вольфа-Райе относятся к неустойчивым, «испаряющимся» звездам, которые в огромных количествах выбрасывают в пространство свое вещество.

2. Третичный период — одна из эпох кайнозойской эры в истории Земли (эра «новой жизни»). Третичный период начался около 70 млн. лет тому назад, когда происходило формирование современного растительного и животного мира Земли.



Возвращение Фридея

Научно-фантастический рассказ

С. Гансовский *Рис. Ю. Лычагина*

Я очень хорошо помню его появление. В тот день, в середине августа, в городе стояла страшная жара, и я, поскорее закончив дела в конторе, приехал домой уже к четырем, выкупался, переоделся и поднялся в зал к жене и детям, с которыми, как правило, провожу послеобеденный час.

Я только что собрался послушать, как мой младший читает стишок о козленке, заданный ему в школе, как вошел Форбс и сказал:

— К вам посетитель, сэр.

Форбс — это мой лакей. То есть на самом деле его зовут как-то иначе, но для меня он Форбс. Это мое правило — лакей, который меня обслуживает, зовется Форбсом.

Я сказал:

— Но вы знаете, Форбс, что я принимаю только в конторе. Есть специальные часы.

— Он говорит, что он ваш знакомый, сэр. Его зовут Фридей.

И тут меня кольнуло в сердце. Фридей! Мы не виделись уже пять лет — с тех пор, как ему пришлось покинуть университет. И вдруг он пришел. Интуитивно я почувствовал, что это неспроста. Все-таки Фридей знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что без дела приходить ко мне не имеет смысла.

Я извинился перед Эмилией, потрепал своего младшего по щеке и спустился на первый этаж.

Вестибюль у меня в доме большой, просторный и сделан в готическом стиле. Свет от высоких окон падал прямо на Фридея. При первом же взгляде меня удивило, как он худ. Пиджак висел на его костях, как на вешалке. Когда я вошел, он повернул голову.

— Джим?

— Да, — сказал я.

Голос у него был хриплый, а бледное лицо поражало какой-то странной неподвижностью. Он сделал несколько шагов ко мне и вдруг споткнулся о край ковра. На миг я даже подумал, что он пьян.

— Послушай, — сказал он, подходя, — мне нужно помочь. Мне нужно, чтобы ты мне помог.

— Да? — спросил я.

Дело в том, что я ненавижу неудачников. Неудачнику как ни помогай, все равно это не принесет ему пользы. Я с этим уже несколько раз сталкивался. Но Фридей, несмотря на свою бледность и поношенный костюм, не выглядел неудачником. Наоборот, в нем было даже что-то гордое. И, кроме того, я сразу вспомнил о его работах в университете и о той премии, которую он три года назад получил от общества врачей-офтальмологов.

Поэтому я осторожно добавил:

— А в чем дело?

— Поедем ко мне, — сказал он. — Я тебе покажу одну штуку. То самое, о чем я думал еще в университете.

— Как? Сейчас?

— Да, сейчас, — сказал он нетерпеливо.

Не знаю, как кто-нибудь другой поступил бы на моем месте, но я люблю скорые решения. Мы сели в машину и поехали.

Фридей жил в западном районе. Автомобиль мы оставили у дома и поднялись на четвертый этаж. Фридей ввел меня в первую комнату, где окна были плотно задернуты толстыми черными шторами, и сказал:

— Ну вот, смотри.

— Как смотреть? Я же ничего не вижу.

Действительно, из-за этих штор кругом стоял почти непроницаемый мрак.

— Ах, да! — сказал Фридей. — Сейчас я сделаю. — В темноте он подошел к окну и отдернул штору. — Посмотри на этот агрегат. Я над ним работаю три года.

Передо мной был длинный лабораторный стол, на котором стояло что-то вроде реостата. От него несколько проводов шло вверх к потолку, где на крюках был укреплен небольшой металлический ящик с присоединенным к нему на гибком шланге отражателем. Отражатель был похож на троллейбусную фару, только побольше.

— Что это такое? — спросил я.

— Сейчас. — Фридей возился с проводами. — Сейчас я тебе продемонстрирую, а потом объясню. Стань вот сюда, — он показал мне под отражатель. — Не бойся. Это совсем безопасно.

— Я и не боюсь, —сказал я неуверенно.

Я стал на указанное место, а Фридей положил руку на рубильник, смонтированный рядом с реостатом.

— Спокойно.

Он включил рубильник, и я чуть не вскрикнул. Черт возьми, тут было чего испугаться! У меня вдруг стало пусто в глазах. Даже трудно описать это ощущение. Я перестал что-либо видеть, и глаза заволокло светом. Красным светом, ровным и несильным. Примерно так, как бывает, если ныряешь с открытыми глазами в мутной воде, ярко освещенной солнцем. Только тогда свет зеленовато-желтый, а здесь

он был красный. Как будто я смотрел на огромный, во все поле зрения, светящийся экран.

— Что за черт! — вырвалось у меня. Я здорово испугался.

— Ничего, — послышался голос Фридея. — Сделай шаг в сторону.

Я шагнул в сторону, и свет исчез. Он исчез, и я опять видел нормально. Я находился в комнате: одна штора была отодвинута, и Фридей стоял у реостата.

— Что это такое?

Он чуть заметно усмехнулся. Даже не усмехнулся, а просто коротко выдохнул через нос.

— Стань опять сюда.

— Но...

— Не бойся, стань.

Понимаете, мне не хотелось повторять опыт, но я вдруг почувствовал, что сейчас лучше слушаться Фридея. За всем этим стояло дело — очень большое. На такие вещи у меня нюх. Да и кроме того я ведь знал Фридея.

Опять в глазах стало пусто и красно.

— Увеличиваю силу тока, — сказал Фридей. Я услышал, как он шагнул куда-то в сторону от стола.—Не бойся.

Красный свет делался все ярче, как будто у меня в глазах было раскаленное железо. Яркость возросла, уже стало больно глазам. Я вскрикнул и шагнул в сторону.

Свет исчез. Я снова был в комнате, и только по стенам плавали бурые пятна, как бывает, если посмотришь на солнце.

— Дьявольщина! Что это за штука?

Фридей вынул из кармана сигарету, спички и закурил. Он вообще курил очень много и выглядел нервным.

— Ты и сам должен бы догадаться, в чем тут дело, — сказал он. — Мы же занимались этим в университете. Светом и строением глаза.

Потом он объяснил мне суть своего открытия.

Как известно, свет распространяется волнами. Длина их бывает разная — от тысячных долей миллимикрона (миллимикрон — одна миллионная доля миллиметра), как у гамма-лучей например до десятков километров, как у радиоволн, которые тоже принадлежат к световым явлениям. Из всего этого практически бесконечного диапазона наш глаз воспринимает только маленький участок — волны с длинами примерно от 400 до 700. Это и есть то, что мы в быту называем светом, наш видимый спектр от фиолетового цвета через синий, голубой зеленый, желтый и оранжевый до красного. Ультрафиолетовые лучи мы уже не видим, точно так же как и инфракрасные.

Но что было бы, если б глаз мог видеть световые лучи с волнами больше, чем 700, инфракрасные например? Оказывается, тогда человек практически стал бы слепым.

Дело в том, что светится не только солнце, но и всякое нагретое тело. (Не светятся только абсолютно холодные тела с температурой — 273°С, каких на Земле нет.) Причем

слабо нагретые тела испускают именно инфракрасные лучи. И поскольку это так, то светятся и наше собственное тело и внутренность глаза, например, которая имеет температуру около 37° и испускает также инфракрасные лучи.

Теперь представим себе на минуту, что глаз получил способность видеть их. Энергия инфракрасных лучей на единицу площади сетчатки будет очень велика, и по сравнению с этим внутренним светом для нас потухло бы и солнце и все окружающее. Мы видели бы внутренность своего глаза, и ничего больше.

Открытие Фридея как раз и состояло в том, что он нашел способ заставить глаз видеть инфракрасный свет. Для этого он облучал глаз какими-то лучами с помощью своего агрегата.

— Понимаешь, — сказал Фридей. — красный свет — это не самоцель, конечно. Я ищу способ видеть в темноте. Помнишь, я думал об этом еще в университете?

Представь себе абсолютно черный город. Ночь. Кругом кромешная тьма, но по улицам несутся автомобили, катят автобусы и трамваи, движутся толпы прохожих. Нигде нет ни огонька, и ты ничего не видишь. Но это лишь до того момента, пока ты не надел на голову аппарат Ты надеваешь его и сразу попадаешь в светлый день. Ты видишь все, но это «все» будет, естественно, несколько других оттенков... Возможно, что искусственное освещение придется оставить для некоторых случаев. Например, в школах для самых маленьких детей.

Все это звучало заманчиво, и я должен был признать, что Фридей за последние годы не терял времени даром. Но вместе с тем я чувствовал, что здесь кроется еще более крупная и всеобъемлющая проблема. Я еще не понимал, какая именно.

— Ну как? — спросил Фридей.

— Ничего. — согласился я. — И что же ты хочешь от меня?

— Мне нужно помочь. — Фридей выглядел очень усталым, он сел на стул. — Вот это и есть аппарат, но он слишком громоздок. Так что нужна будет конструкторская работа. И, во-вторых, придется проделать еще ряд опытов. С животными. В малых дозах облучение нисколько не вредит. Это я сам выяснил.

Он стал шарить на столе, чтобы найти коробок спичек, который только что туда бросил. Он шарил, глядя прямо перед собой, и его лицо опять поразило меня неподвижностью.

Он был слеп, Фридей! Он был слеп, как дождевой червь, и ничего не видел.

В тот момент, когда я осознал это, меня осенила идея. Я вдруг понял, в чем же состоял главный смысл его изобретения.

— Послушай, ты ведь слепой, — сказал я.

Его бледное лицо слегка покраснело, он смущенно усмехнулся, нашарил, наконец, свой коробок, чиркнул спичку и закурил.

— Ну, не совсем, — сказал он. Руки у него дрожали. — Не совсем. У меня действительно довольно плохое зрение теперь. Днем... Но зато я вижу в темноте. Собственно говоря, цель достигнута. Но теперь я стал, как филин. Забавно, да?

Я поднялся со стула и шагнул к окну. Фридей тревожно повернул голову. И теперь я очень ясно видел, что его взгляд направлен не на меня, а чуть в сторону.

— Ну, так как? — спросил он. — Ты сможешь мне помочь, Джим? Мне нужны деньги. — Он откашлялся. — Надо будет нанять лаборанта, чтобы закончить опыты. Потребуется еще чертежник... А кроме того, мне нужно отдохнуть. Не сплю уже больше двух недель. Что-то с нервами. И вообще надо подлечиться. Сейчас так получилось, что у меня совсем нет денег. Глупо, но сегодня, например, мне даже не на что пообедать...

Я прошелся по комнате взад и вперед. Не скрою, все это меня взволновало, на миг даже вспотела спина.

Потом я справился с собой и спросил:

— А как ты ослеп?

— Дал очень большой поток лучей. Стал под отражатель и по ошибке передвинул стрелу слишком далеко. Был здорово утомлен тогда, и мне приходилось все опыты проделывать на себе. Не было денег, чтобы купить мышей.

— Прекрасно, — сказал я. (То, что он говорил, свидетельствовало о правильности моей идеи).— Отлично. А на какое расстояние действуют лучи? Ты не пробовал облучать кого-нибудь с дальней дистанции? Прохожих на улице, например.

Он смущенно улыбнулся.

— Пробовал. Когда еще сам видел... Конечно, очень слабым лучом. Но лучше этого не делать, потому что люди пугаются, естественно... Вообще расстояние до известного предела зависит от мощности установки.

— Я хотел бы попробовать, — сказал я. — Давай испытаем, на какое расстояние действуют лучи, и после этого я тебе скажу, сумею я помочь или нет.

Фридей согласился, правда, очень неохотно. Мы сняли отражатель с потолка и, пользуясь тем, что шланг был достаточно длинен, установили реостат на ближнем к окну конце стола.

(Окончание следует)

ФРИДЕЯ

Научно-фантастический рассказ[1]

С. Гансовский *Рис. Ю. Лычагина*

Я взял отражатель и попытался направить его на кого-нибудь внизу на улице. Конечно, мне было бы легче, если б лучи были видимыми, тогда бы я работал, как с прожектором. Но все равно это была интереснейшая штука — стоять вот так у окна с аппаратом.

Сначала ничего не выходило. Никак не удавалось поймать прохожих лучом, и я уже начал думать, что он не достает с четвертого этажа.

Минуту или две я впустую водил отражателем, прицеливаясь в пожилого господина, который брел с палочкой в руке, распахнув белый летний пиджак. Но я так и не сумел его зацепить, и он благополучно удалился за пределы видимости. Потом я сосредоточил внимание на молодом клерке нервозного вида, который шагал, широко размахивая руками.

И тут оно совершилось.

Он шагал и вдруг остановился, как бы натолкнувшись на стеклянную стену. Остановился с размаху, как если бы его дернули сзади невидимым канатом.

Секунды две или три он стоял неподвижно, потом поднял руки и прижал ладони к глазам. Опустил руки и помотал головой. Потом опять схватился за глаза руками. По его испугу я понял, что луч рассеивается мало. Вот молодой человек протянул руки вперед и вбок и осторожно, как слепой, стал двигаться к стене дома.

Позже я заметил, что это было первым побуждением почти для всех облучаемых. Как только они временно делались слепыми, так сразу старались уйти с открытого пространства и прижаться спиной к чему-нибудь твердому и неподвижному. Как будто они боялись нападения сзади.

Молодой человек сделал еще шаг и вдруг вышел из зоны действия луча. Наверное, он сказал себе: «Что за оказия? Что это со мной?» Он помотал головой, потер глаза. И в этот миг я его снова поймал на луч.

На этот раз он здорово испугался. Раскинул руки и закричал. Наверное, крик прозвучал очень громко. Из окна было видно, как широко он разинул рот.

Какая-то женщина шарахнулась от него в сторону, затем

---

[1] *Окончание. Начало см. в № 1*

остановилась, пригляделась к нему и подошла. И тоже попала в луч. Вероятно, она взвизгнула, так как у нее также открылся рот. В руке у нее была сумка с продуктами, она ее уронила.

Я даже рассмеялся. Смешно было смотреть, как они застыли, схватившись за глаза руками.

К обоим приближался полисмен. Я хотел было направить луч на него, но в этот момент рядом раздалось:

— Ты чему смеешься?

Фридей подошел к окну.

— Ну что, убедился?

— Убедился, — сказал я. — Все в порядке. Я убедился.

Он выключил реостат и поставил отражатель на стол.

— Садись, — сказал я. — Садись на стул.

Я усадил Фридея, сам сел напротив него и раздельно сказал:

— Ну, хорошо. А как мы будем реализовать это наше изобретение?

— Наше? — повторил он. — Я вижу, ты не изменился.

— Да, наше, — сказал я. — В таких обстоятельствах всегда лучше идти напрямик. Это мое правило.

Некоторое время он молчал, потом спросил:

— А что ты предлагаешь?

После этого мы договорились, что аппарат, когда его удастся создать, будет зарегистрирован под именами Бескер — Фридей и так же поступит впоследствии в продажу. Капитал вкладывал я, а Фридей возвращал мне половину этой суммы, по мере того как мы начинали получать от изобретения доходы, которые делились на две равные части. (На самом-то деле у меня в голове уже была несколько другая идея, и я надеялся, что до аппарата для видения в темноте вообще не дойдет.)

Когда мы уже почти все решили, Фридей вдруг поднялся со стула, потом опять сел. Его бледное лицо побелело еще сильнее.

— Черт! Что-то мне нехорошо...

Он стал валиться на пол.

...Телефон-автомат мне удалось найти только в следующем квартале. Вызванный врач сказал, что это обморок в результате крайнего нервного истощения, общей усталости, авитаминоза и всяких таких вещей.

Фридей был приведен в чувство. Я вызвал несколько рабочих и перевез всю лабораторию и самого Фридея к себе в дом. Для него

были отведены две комнаты на втором этаже. Я объяснил Эмилии и детям, что ему нужно создать домашний уют.

Сам я побежал в кабинет и стал связываться с шурином, подполковником, который работает в военном министерстве.

Шурин прилетел через два часа. Я смонтировал установку в зале второго этажа, поместил шурина под лучи. Он быстро все понял, прочувствовал и уселся за телефон. Через четверть часа в дом явилась воинская часть в составе тридцати мальчиков с автоматами. По два солдата стали у передних и задних дверей дома, по одному спрятались в саду напротив каждого окна. Входить и выходить можно было лишь по пропуску, подписанному подполковником и мною.

Еще через двадцать минут прибыл второй отряд и оцепил сад по внешней линии, так что теперь и кошка не могла бы пролезть в дом. Потом приехал генерал, а позже, в течение часа, из Вашингтона прибыло еще около десятка военных.

Я оставил шурина устраивать генералов, а сам пошел к Фридею.

Вы понимаете, идея, которая меня осенила при первом знакомстве с лучами, была куда перспективнее, чем это самое видение в темноте. Фридей по своей наивности и сам не понимал всех последствий для человечества того, на что он натолкнулся. Главное в его лучах заключалось в том, что это было величайшее военное изобретение всех времен.

Представьте себе, что самолет, снабженный таким аппаратом, но более мощным, пролетает над территорией вражеской страны. В нужный момент аппарат включается и... Впрочем, даже не самолет! Спутник, движущийся на огромной высоте. В точно рассчитанный момент лучи начинают воздействовать на лежащую под ним территорию, у каждого в глазах вспыхивает красный свет, и все население данной области слепнет. Разве это не похлестче водородной бомбы?.. Да и, кроме того, здесь были другие возможности. Допустим, вас атакует часть противника. Со своих позиций навстречу врагу вы включаете аппарат, и все атакующие

лишаются зрения... Но лучше всего, конечно, спутник. Ведь подвергнуть облучению можно за один прием целиком западное полушарие...

Я изложил все это Фридею и сказал, что мы передаем наше изобретение военным.

Он сидел на своей постели и, пока я говорил, несколько раз пытался перебить меня, но потом замолчал и стал слушать. Когда я кончил, он вскочил.

— Нет!

— Как нет?

— Так — нет! Что ты воображаешь, болван? Что я, для этого работал всю жизнь? Ни в коем случае! — Он забегал по комнате и, не рассчитав расстояния до стены, врезался в нее лицом со всего размаха. Потом он повернулся и слепо уставился на меня.

— Ни при каких обстоятельствах! Ты понял?

И тут я вспомнил, почему ему пришлось покинуть университет, не окончив последнего курса. Фридей принадлежал к числу этих самых пацифистов, борцов за мир, или как они там. То есть я не хочу сказать, что он являлся членом какой-нибудь организации — до этого не доходило, по-моему. Но когда к нам в город приехал герой корейской войны генерал Мак-Артур, Фридей устроил скандал во время встречи. Кричал Мак-Артуру, что он убийца, и кинул ему в лицо ордена брата.

Если бы все это раньше пришло мне в голову, я, может быть, вел бы себя иначе. Осторожнее...

— Я сию минуту забираю все. Веди меня к аппарату, и я возвращаюсь домой. Пошли!

Наивный человек. Я пожал плечами, подошел к окну и позвал одного из солдат. Тот откликнулся. Тогда я объяснил Фридею, что выбора нет. Армия фактически уже завладела изобретением и не отдаст его никому. Теперь это уже государственный вопрос. Так что наша задача лишь в том, чтобы дороже продать то, что мы придумали.

С этим я его оставил и побежал к членам военной комиссии, которые были готовы выслушать меня.

...Да, надо сказать, что сам я тогда еще и не знал толком принцип действия аппарата, который индуктировал луч. Главный узел был в небольшом металлическом ящике, заваренном стальным швом. Фридей как-то вскользь обмолвился, что важной частью узла является некий искусственный минерал, очень дорогой, который ему пришлось к тому же золотить или серебрить. До поры до времени я не настаивал на объяснениях, так как понимал, что Фридей никуда от меня не уйдет...

Следующие три дня прошли в каком-то угаре. Демонстрация аппарата, переговоры о том, за какую сумму я уступаю его государству, опять опыты и опять переговоры. Фридей в этом не участвовал. Мне показалось, что он как-то одумался. Во всяком случае, он собирался работать над усилением мощности аппарата и даже спрашивал меня, где в доме ввод электрического кабеля.

Кульминационным пунктом этой истории был момент, ко-

гда я в присутствии всей комиссии установил аппарат на крыше дома и ясным солнечным днем направил отражатель на перекресток двух улиц.

Вот это был эффект!

Мы даже не знали, на кого и на что смотреть. Пешеходы останавливались, как по команде, и все сразу схватились за глаза. Большой открытый «шевроле», который ехал со скоростью миль сорок, резко затормозил, рванул в сторону и врезался в угол дома. Потом были какие-то две или три секунды тишины, пока люди старались осознать, что же с ними случилось. И после этого поднялся крик. Пожалуй, примерно так же было в Хиросиме, когда над ней взорвалась атомная бомба.

Этот последний опыт разрешил сомнения, и, наконец, настал вечер, когда заместитель министра финансов в присутствии всей военной комиссии подписал со мной договор. Я становился одним из самых богатых людей в стране. И Фридей, конечно, тоже не оставался в накладе.

Оформление документов заняло несколько часов, и, когда я вернулся к себе на первый этаж, наступила ночь. На улице началась гроза, ударил сильный ливень, и за окнами стояла непроницаемая темнота.

Я только собрался сообщить Эмилии и детям, что все окончилось хорошо, как вдруг в комнате погас свет. Я решил, что это какая-то неисправность с пробками, и стал ждать, пока их заменят. Прошло три минуты, потом пять... Свет не зажигался. Я подошел к окну, отворил его, высунулся под дождь и убедился, что свет погас не только в левом крыле и на первом этаже, но по всему дому.

Весь дом был полон военными. В коридоре кто-то прошел, какой-то генерал раздраженно звал адъютанта. А свет все не зажигался, и поскольку на улице хлестал дождь, во всем доме был полный мрак.

И вдруг я вспомнил: ведь Фридей-то видит в темноте!

Не то чтобы я что-нибудь заподозрил в этот первый момент. Просто подумалось, что он единственный зрячий во всем доме, в то время как все остальные слепы. Я спросил у жены, не знает ли она, где сейчас Фридей, и услышал, что десять минут назад она видела, как он спускался в подвал, где у нас стоит распределительный щит электроэнергии.

Вот тут уже мне стало нехорошо.

Я ощупью нашел дверь и вышел в коридор. Кромешная тьма. Кто-то, сопя, двигался мимо. Чиркнула спичка, и огонек на миг осветил полную физиономию председателя комиссии, генерала... Впрочем, сегодня фамилия этого генерала уже совершенно не важна. Он был очень раздражен и спросил меня, когда будет прекращено безобразие со светом.

Я извинился, обошел его живот и, держась рукой за стену, направился к лестнице. Аппарат был на втором этаже в зале, и хотя там постоянно дежурили автоматчики, я уже начал испытывать острое беспокойство.

Я добрался до лестницы, когда услышал первую автоматную очередь наверху. Этот звук мне прострочил прямо по сердцу. Не разбирая ступенек, я кинулся вверх, упал, вскочил, выставил вперед руки и бросился в темноте к залу.

За окнами ударила молния. На миг все мертво и сине осветилось, и в этом мгновенном свете я увидел, что по коридору идет человек, а у входа в зал лежит неподвижное тело с автоматом в руке.

Я ринулся навстречу идущему, зацепился за что-то, что позже оказалось вторым часовым, упал. Идущий приблизился, я слышал его шаги, метнулся к нему на четвереньках и сумел схватить за ногу.

Он вырвался, и в тот же миг я получил страшный удар ногой в зубы. (Теперь у меня вставные челюсти. И верхняя, и нижняя.) Рот сразу залился кровью, я растянулся животом на полу, закричал. Потом все же вскочил и бросился за Фридеем, потому что это был именно Фридей.

Я не успел сделать и трех шагов, как слева раздалась автоматная очередь, красные точки прочертили темноту и, казалось, целый десяток пуль попал мне туда, где начинается спина. Одним словом, уже выписавшись из госпиталя, я еще полгода не мог садиться.

В доме было около тридцати солдат, столько же в саду и еще вдвое больше вокруг сада. Все эти мальчишки знали, что они здесь охраняют какое-то изобретение огромной важности, и когда ночью погас свет и прозвучали первые выстрелы, все сразу начали палить. Те, что дежурили в саду и за садом, решили, будто кто-то пытается прорваться

из дома, и взяли под обстрел окна и двери. А внутри подумали, что их атакуют, и заняли оборону. Да к этому нужно прибавить еще генералов, у которых тоже были револьверы.

Одним словом, бой бушевал всю ночь. Утром, когда все немного опомнились, оказалось, что у нас больше двух десятков пострадавших, и из них трое — тяжело. Уже получивший первую помощь и перевязанный, я очень надеялся, что Фридей будет найден где-нибудь в саду хоть раненым, хоть убитым.

Но Фридея не было, как не было и металлического ящика с главным узлом аппарата. Вы понимаете, что сделал этот сумасшедший! Вечером он спустился в подвал, в щитовую, и пожарным топором перерубил ввод электрического кабеля в дом. А затем, сделавшись полным хозяином в здании, поднялся в зал, в кромешной темноте оглушил там беззащитных часовых и ушел, унеся с собой главный узел аппарата.

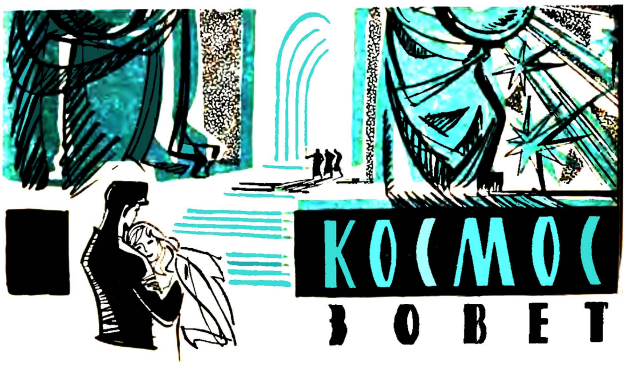
Естественно, его искали. Боже мой, как его искали! Были перекрыты все дороги из города, войска обшарили каждую улицу. Но он как в воду канул.

После этого была создана лаборатория. Под моим руководством. В течение трех лет мы пробовали сделать такой аппарат. Но я слишком мало успел узнать от Фридея — я ведь больше деловой человек, чем ученый. Поскольку он упоминал об искусственном минерале, мы перепробовали их все — вплоть до искусственного булыжника. Но безрезультатно.

Лучи Фридея были. Они существовали, но исчезли, и вместе с ними погибло одно из величайших военных изобретений.

Что было потом?

Работа была прекращена, лаборатория закрыта. Ничего не вышло... Что касается меня, я и сейчас не маленький человек. Когда я с женой появляюсь в концертном зале, по рядам все равно проносится: «Бескер на концерте», и многие привстают в креслах, чтобы поймать мой взгляд и кивнуть. Но это все не то. Если б Фридей не совершил своего дикого поступка, я был бы сейчас недосягаем. Ворочал бы миллиардами, как Рокфеллер. Здорово не повезло, да.



Н. КУЛИКОВ *Рис. Р. АВОТИНА*

Тяжело ступая, Риэл прошел мимо огромных красно-оранжевых статуй, изъеденных временем. Эти статуи изваяли предки Риэла, тысячелетия тому назад прилетевшие на Векеру. С тех пор и стоят они перед зданием Великого Совета, огромные, величественные, даже чуть пугающие. Правая аллегорически изображает Марс, левая — Солнце. Между ними ступени из такого же красного камня, ведущие к огромным черно-золотым воротам.

В воротах Совета стояла Лима. Ее белая туника развевалась на ветру, золотые волосы растрепались по плечам.

— Желаю удачи, — шептали ее губы.

Риэл улыбнулся, теперь задуманное уже не казалось таким трудным.

Войдя в зал Великого Совета, Риэл почувствовал сотни неприязненных взглядов. Его враги во главе с Веоэлом стояли по левую сторону. Главным образом это были старейшины, уже убеленные сединами. Вся молодежь — ее было меньше — стояла у правой стены. Это сторонники Риэла. Год тому назад Риэл впервые вошел в здание Совета. Он был самый молодой старейшина и самый непокорный. Вначале он был один, теперь их почти половина. Сторонники Риэла готовились к тому, чтобы говорить о Космосе...

Под куполом Совета ярко вспыхнул и заиграл причудливыми гранями кристалл. Такие же кристаллы у каждого члена Совета. Загораясь различными цветами, они выражают мнение зала. Большой кристалл при голосовании показывал зеленым цветом согласие, а красным — отказ.

На возвышение вошел Велин. Аппараты, направленные на него в эту минуту, передали его объемное изображение на белый экран. Маленькая фигурка Велиина стала гигантской, длинные рукава золотой туиикк шевелилксь над залом. Велин говорил о положении на плакете.

— Вы собираетесь нарушить извечный запрет, — обрушился он гневно на Риэла и его сторонников. — Я знаю, вы завладели черными звездного корабля наших предков и пытаетесь построить его. Но это вам не удастся. Это говорю я, Велин.

Зал мерно загудел, и большой кристалл зэлил его нежным зеленым светом. В наступившей тишине все ясно услышали голос Риэла:

— Нет, нам удалось построить космический корабль. И мы можем в любой момент полететь на землю наших предков...

Страшный шум поднялся в зале. Кристалл стал багрово-красным, молнии разрядов проносились в нем.

— Конечно, с разрешения Совета, — добавил Риэл.

— Запрещаю! — вскричал Велик.

Кристалл принял зеленый цвет.

— Мы должны лететь в Космос! — вскочил со своего места друг Риэла Алин. — Вы не имеете права нам запрещать.

Кристалл набухал кровью.

— Нарушить Великий запрет? Не позволим! — крикчалк в зале.

— Мы полетим в Космос! — неслось им в ответ.

— Выгнать их вон из Совета!

— Космос! Космос!!!

Кристалл краснел и зеленел, не успевая реагировать на мнение зала. Риэл встал на возвышенке и поднял руку. Все стихло.

— Старейшины! Братья! Много тысяч лет тому назад наши предки прибыли на эту планету. Наша родная планета погибала без кислорода и воды. Надвигался космический холод. Лерс умирал. Тогда великий вождь Тхаериол собрал своих последователей и прилетел сюда. Они разломали свои звездолеты и запретили им улетать с этой планеты.

— Но запретить Космос нельзя. Наша планета лишь пылинка, несущаяся во Вселенной. Только вырвавшись в Космос, человек становится человеком. Космос зовет. Великий запрет наших предков тяжелым бременем лежит на развитии нашей культуры. Нам тяжело без Космоса. Мы больше не можем так жить. Каждый день приносит новые открытия. Но для научных экспериментов нужен Космос — эта идеальная лаборатория. Нужно распахнуть ее двери. Я не говорю о том, что наш долг помочь нашим братьям, оставшимся на Марсе. Вы думаете об этом?

Риэл сошел с возвышения. Его гигантское изображение исчезло с белого полотна. Зал молчал. Кристалл горел синим цветом. Это означало колебание.

На возвышение быстро поднялся Велин. Его фигура вновь распростерлась над залом.

— Риэл много говорил нам о наших предках. Но он забыл передать слова Тхаериола, обращенные к потомкам. Я постараюсь напомнить ему завещание великого вождя.

Он достал крошечную черную коробочку и вставил ее в аппарат, стоявший на возвышении. Изображение Велина исчезло, на экране появилась гигантская фигура седобородого старика в старинном одеянии. Мерный старческий голос зазвучал в зале:

— Потомки! Берегитесь Космоса. Космос — враг всего живого. Он погубил нашу родную планету Лерс. Законы его страшны и непонятны. Лучшие люди планеты будут уходить в Космос и не возвратятся: Космос мстит за то, что его потревожили. Он губит все живое таинственными излучениями и космическим холодом. Космос бесплоден. Человек должен жить на планетах. Мечта овладеть Космосом безумна, потому что нельзя обнять необъятное. Я запрещаю своим потомкам совершать полеты в Космос во имя их же счастья.

Голос умолк. Гигантский старик пропал. Вновь появившаяся фигура Велина, обернувшись лицом к залу, произнесла:

— Я предлагаю запретить полет Риэла и его друзей, а звездолет сломать.

Кристалл несколько раз мигнул зеленым, но потом побагровел.

— Не дадим ломать звездолет! — раздавались выкрики в зале. — Не дадим!

— Сломать!!!

На возвышение вошел один из самых уважаемых старейшин, Крокооль. Зал стих.

— Я предлагаю полет запретить, — раздался голос Кронооля, — но звездолет не трогать. Он нам еще может пригодиться.

— Сломать!!!

Но кристалл уже устойчиво горел зеленым светом одобрения.

После Совета в одной из комнат Риэла окружили его сторонники.

— Что же делать? — спросил Алин.

— Что делать, друзья? Бороться. Сегодня мы не победили, но и не потерпели поражения. Кронооль прекрасно понимает, что мы не можем жить без Космоса. А кто не понимает, того надо убедить. Вот и все.

Взгляд Риэла неожиданно посветлел, он встал навстречу идущей к нему Лиме.

Девушка улыбалась.

«Галактик Шуз» из космоса

Как правило, юные читатели нашего журнала хорошо владеют отверткой, паяльником, молотком. Перегоревшая пробка квартирной электросети пробудила дремавшую в них тягу к технике, с тех пор инструменты не залеживаются. Отвертка и плоскогубцы попадают теперь в тот ящик стола, где хранятся документы, любимые фотографии и похвальные грамоты. Все чаще и чаще эксперименту предшествует расчет. В кармане начинающего изобретателя появляется авторучка — гениальный проект может осенить в любую минуту и так же внезапно исчезнуть, если вовремя не воспользоваться чернилами. История знает такие случаи.

Однажды обладатель авторучки выйдет на улицу. Легкий ветер коснется его лица, запах листвы покажется особенно свежим. Он посмотрит на небо, в глаза бросится туча — ни дать ни взять марсианский корабль, рвущийся из-за горизонта. Авторучка будто сама по себе выпорхнет из кармана, и в блокноте появится первая запись:

«Марсианский корабль медленно выплыл из-за лесов и застыл высоко над городом...»

Мы не станем объяснять, как рассказ пишется дальше. Об этом можно судить, прочитав рассказ еще одного нашего молодого дебютанта Александра Силецкого. Итак...

Фантастический рассказ-шутка

Мистер Геймл, мой давнишний приятель, был человек очень практичный. Он знал всему цену и потому во всех, даже мало-мальски выгодных торговых сделках всегда преуспевал, чувствуя себя среди сложных и темных коммерческих махинаций как рыба в воде. Главное, как он говорил, — это реклама товара. Без нее нельзя и шагу ступить на торговом поприще: тебя вмиг забьют, затрут, утянут у тебя всех покупателей, и останешься ты ни с чем.

Однажды, когда мистер Геймл сидел у меня за ужином, мы от нечего делать включили приемник. Вначале слышна была музыка, потом какой-то знаменитый проповедник читал лекцию: «Как сумел Христос подняться на небо и что говорит об этом наука?» И вдруг все смолкло, а через несколько секунд в эфир ворвался взволнованный голос диктора: «Внимание! Мы вынуждены прервать нашу передачу, чтобы объявить сенсационную новость. Как установили обсерватории Штатов, пять минут назад в штате Луизиана приземлился космический корабль неземного происхождения! Повторяю...»

— Что? — изумленно пробормотал Геймл. — Пришельцы из космоса?!

— Выходит, что так, — пожал я плечами, стараясь казаться спокойным, хотя в душе у меня черти хоровод водили. Сам не понимаю, почему буйное ликование сразу наполнило меня и чуть было не перелилось через край.

— Мистер Геймл изволит удивляться? — не без ехидства заметил я, вспомнив, что он порой даже демонстративно старался показывать свое равнодушно-безучастное отношение ко всему, даже к необыкновенному.

— А, не в этом дело! — отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, Геймл. — Неужели ты не поражен?! Пришельцы из космоса, марсиане и тому подобные чудища из фантастической литературы. Все это казалось таким странным и невозможным, и вдруг, пожалуйста, все мечты сбываются наяву. Потрясающе! Невероятная сенсация! Толпа любопытных людей! Эх, если бы подобные происшествия были возможны в торговом деле! Послушай, мы завтра же поедем к месту посадки корабля. Я хочу его видеть собственными глазами.

Я не спорил с ним.

Рано утром на следующий день мы уже сидели в салоне самолета, совершавшего перелет от нашего города к гостю из космоса. Желающих увидеть космический корабль было так много, что местным властям пришлось открыть временную авиационную линию, протянувшуюся к месту, которое отныне должно было стать знаменитым.

Всю дорогу мистер Геймл ерзал на своем сиденье и то и дело заглядывал в иллюминатор, надеясь увидеть звездолет. И все же первым его увидел не он. Когда мой друг, только что закончив очередное пятиминутное созерцание земли, откинулся на спинку кресла, кто-то вдруг истошно завопил: «Вот он!»

Все тотчас прильнули к иллюминаторам. Действительно, посреди поля лежал большой цилиндрический предмет, ярко блестевший своей обшивкой в солнечных лучах. Это и был звездолет. Ни крыльев, ни даже намеков на двигатели не было заметно на его гладкой поверхности.

— Не понимаю, как он летал? Чертовщина какая-то, — почему-то возмущался один из пассажиров.

— Нет, не скажите, — говорил другой. — То-то и оно, что неземной: сразу видно — чистая работа.

Самолет тряхнуло, и он, накренившись на левое крыло, пошел на посадку.

Уже на земле от одного местного жителя, бывшего свидетелем всего происшедшего, мы в подробностях узнали, как проходил спуск космического корабля. Дело было вот как.

Солнце уже садилось, и вокруг разлились голубоватые сумерки. Все, казалось, предвещало спокойный тихий вечер, как вдруг какой-то одинокий петух, вылезший со двора на дорогу, надрывно заголосил. И столько было в его крике смятения и страха, что всем невольно сделалось не по себе. А между тем петух все кричал и кричал, словно в предсмертной тоске, предчувствуя свою скорую гибель. Рассказывают, что он действительно сгорел при посадке звездолета. Волнение петуха передалось людям, они останавливались и подолгу смотрели в небо, точно там должно было произойти нечто необычайное. И это необычайное произошло.

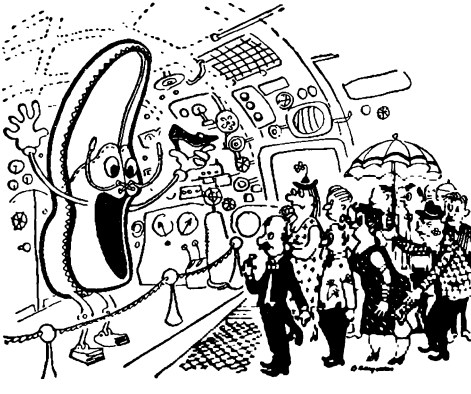
Внезапно раздался гром (среди ясного неба), над землей

пронесся мощный порыв ветра, а затем из-за горизонта показался огненный шар. Он летел медленно и наполнял воздух страшным ревом. Постепенно шар стал спускаться и спускался до тех пор, пока не упал на поле. Тогда шум стих и свечение прекратилось.

Сначала люди боялись подойти к нему, а когда, наконец, осмелели и подошли, то увидели, что никакой это не шар, а длинный цилиндр. Вдоль всего его борта была черными буквами выведена загадочная надпись. Вначале цилиндр лежал спокойно, но потом на боках его начали вспыхивать разноцветные огни, и откуда-то сверху потянулся к небу столб черного дыма, какой идет обычно в ясную погоду из печной трубы. Люди сочли это за сигналы неведомых пришельцев. Так цилиндр пролежал всю ночь, а народ тем временем прибывал. За все это время из звездолета никто не выходил. Видимо, пришельцы ожидали прибытия местных властей, чтобы начать переговоры прямо с ними.

Мистер Геймл и я втиснулись в толпу, плотным кольцом окружившую звездолет, и с большим трудом и большими потерями (все пуговицы и оторванный рукав моего пиджака) все-таки сумели протиснуться к неведомому космическому кораблю. Он был грандиозен, этот корабль, по своим размерам и невольно поражал идеально гладкой зеркальной поверхностью, в которой четко отражалась вся окрестность. Кто-то уже успел пустить слух, что зеркальная обшивка — это экраны, при помощи которых экипаж обозревает все происходящее вокруг корабля. Возможно, это была и неправда, но люди верили. Люди всегда, когда их нервы напряжены до предела и когда они ожидают с минуты на минуту чего-то необычайного, верят даже самым нелепым слухам.

Так стояли мы довольно долго. Внезапно раздался мелодич-



ный звон, и, к великому нашему изумлению, в корпусе звездолета возле нас раскрылась дверца. Мы даже не успели сообразить, в чем дело. Толпа загудела (отрадно видеть столь любознательных людей) и, влекомая жаждой знаний, а может быть, и еще кое-чем, ринулась в этот проход, увлекая нас за собой.

Мы оказались в длинном коридоре, который затем переходил в большую залу с многочисленными экранами и приборами. Точно посредине зала от одной стены к другой тянулся толстый канат, перешагнуть который люди, однако, не решались — мало ли что! Постепенно народу становилось все больше и больше, все стояли затаив дыхание, ожидая появления хозяев корабля. В том, что они появятся, теперь никто уже не сомневался: ведь недаром же землян впустили в звездолет. Оставалось только запастись терпением и ждать.

Время шло. Кругом было тихо. И вдруг раздался скрип, и между двумя массивными шкафами с аппаратурой раскрылась дверца. Вот сейчас случится то, о чем мечтали все люди, свершится великое, и перед взорами изумленных землян предстанут хозяева корабля!.. Вот сейчас... И незабываемое свершилось!

На мгновение в двери показалась чья-то фигура, в затем на отгороженную часть зала величественно явился ОН, посланец иного мира. Он был совершенно неземной, какой-то свежий и удивительно прекрасный. Он весь благоухал и сверкал космической добротой и так мило улыбался людям, что те не могли не восторгаться им. Блестящий, аккуратный, он остановился на середине зала, сделал непостижимый, поистине божественный жест тонкими, неземными руками, как бы взывая к тишине, еще радостней улыбнулся и вдруг, неведомо откуда выхватив очаровательную дамскую туфельку, тоненьким приятным голоском на чистейшем английском языке объявил:

— Леди и джентльмены! Покупайте обувь компании «Галактик Шуз»! Прочно, дешево, удобно!..

...Это был форменный скандал. Общественность возмущалась, ученые роптали, а знаменитый проповедник, выступая по радио, как-то сказал даже: «Если Христос вознесся на небо так же, как и эти великие мистификаторы, то ни о какой праведной вере в мире сем не может быть и речи».

Вообще шум был изрядный. А компания «Галактик Шуз» ликовала: была реклама, была сенсация, и — а это главное — была прибыль, и притом немалая. Что же касается появления «неземного звездолета», то дело насчет этого великого обмана тысяч людей было кое-как замято. Но долго люди еще роптали, поминая недобрым словом эту компанию, и тем не менее шли и покупали ботинки именно ее производства. Так уж устроен человек...

Мистер Геймл был совсем потрясен.

— Гениально! — восхищался он. — Просто потрясающе! Я преклоняюсь перед их фантазией. А весь этот скандал ерунда. Он ничего не стоит. Важнее всего сенсация Каждый создает ее, как может И потом никогда не надо забывать: в жизни все хорошо, но главное — это реклама!

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

Фантастический рассказ-шутка

***В. МАЛОВ**, член литобъединения „ЮТа"*

Когда Эрл, получив двойку по алгебре, уже отходил от доски, в голову ему пришла грандиозная мысль. Уран, сосед по парте, был несказанно удивлен, увидев Эрла не огорченным и подавленным, как можно было ожидать, а совершенно спокойным и лишь немного задумчивым.

— Можно подумать, что по ошибке тебе поставили тройку, — сказал Уран с присущим ему чувством юмора.

И в этот момент к доске вызвали его самого. Задачу, которую не смог решить Эрл, Уран решил за десять минут и получил пятерку.

— Это моя первая пятерка по алгебре за весь год, — радостно сообщил он Эрлу, вернувшись на место. — Представляю, как обрадуются дома! Семейная радость!

— Ты знаешь, что такое «машина времени»? — спросил Эрл, задумчиво глядя куда-то в сторону.

— «Машина времени»? Это такая штука, которую придумал Уэллс ровно двести лет назад, — ответил Уран. — Но почему ты вспомнил о ней?

— Она мне поможет, — тихо сказал Эрл. — Я не должен больше получать двоек... Конец четверти...

Уран бросил на него красноречивый взгляд, но Эрл, поглощенный своими мыслями, его не заметил.

На следующий день Эрл принес в школу небольшую пластмассовую коробку; на передней ее панели рядом с тремя ручками управления блестела шкала какого-то прибора.

— Это то, о чем я говорил вчера, — сказал Эрл, не дожидаясь вопроса.

— «Машина времени»? — скептически произнес Уран. — Три конденсатора, два сопротивления, испорченный амперметр и красивый пластмассовый ящик!

— Ты шутишь, а между тем недалек от истины, — сказал Эрл, положив коробку на стол. — Ты недалек от истины потому, что моя «машина времени» и в самом деле устроена очень просто. Я удивляюсь, почему ее до сих пор никто не построил. Вчера, стоя у доски, я придумал кое-что...

— И поэтому, наверное, и получил двойку? — лукаво заметил Уран.

— Может быть, — ответил Эрл, делая вид, что не замечает иронии. — Проведем опыт. Прочитай число на доске.

— Двадцать первое апреля две тысячи девяносто пятого года, — послушно прочитал Уран.

Эрл повернул одну из ручек управления:

— Смотри!

Надпись на доске сменилась другой.

— Двадцатое апреля две тысячи девяносто пятого года, — торжествующе сказал Эрл. — Мы переехали во вчерашний день!

Он повернул ручку в другую сторону — надпись сменилась прежней. Уран не находил от удивления слов; Эрл осторожно спрятал «машину времени» в ящик стола.

— Теперь представь, что меня снова вызывают к доске...

— И ты снова получаешь двойку? — неожиданно обрел дар речи Уран.

— В тот самый момент, когда меня вызывают, — невозмутимо продолжал Эрл, — я поворачиваю рычажок и отодвигаю время назад. Кстати, моя машина отличается от уэллсовской тем, что по времени буду путешествовать не я один, а все население земного шара, только никто этого даже не заметит. И ты тоже ничего бы не заметил, если бы я не посвятил тебя в свою тайну. Так вот, я отодвигаю время на пятнадцать минут, и тогда... тогда спросить меня должны только через пятнадцать минут. Когда же и эти пятнадцать минут проходят, я снова поворачиваю рычажок...

— И тебя никогда не спросят! — воскликнул Уран. — А как же ты тогда исправишь свою двойку?

— Потом как-нибудь, — отмахнулся Эрл. — Когда-нибудь я все выучу, подготовлюсь к уроку как следует, и вот тогда... посмотрим.

Урок начался. Когда до конца его оставалось минут двадцать пять, Эрла вызвали к доске.

Эрл повернул рычажок; учительница в то же мгновение оказалась в другом конце класса, где была ровно пятнадцать минут назад, с доски исчезло условие задачи и минутная стрелка больших электрических часов над доской отодвинулась на четверть часа назад. Четверть часа Эрл и Уран не сводили с нее глаз.

Когда стрелка вернулась в свое первоначальное положение, учительница снова попросила Эрла выйти к доске, но «машина времени» снова разрушила ее планы.

— Послушай-ка, — вдруг спохватился Уран. — Урок-то ведь так никогда не кончится.

— Кончится, — сказал Эрл и повернул рычажок в другую сторону. — Как это я сразу не догадался?!

Зазвенел звонок; урок кончился.

— Нужно было сразу переезжать в перемену.

— Или даже в каникулы, — подхватил Уран.

Эрл подошел к учительскому столу, через плечо учительницы заглянул в раскрытый классный журнал и нашел свое имя...

Лицо его перекосилось; он подозвал Урана и показал на журнал.

— Да ведь у тебя была только одна двойка, — удивился Уран.

— А сейчас их две, — ответил Эрл, — и последняя выставлена за сегодняшнее число.

Ужасная догадка поразила его; он бросился к своему столу и отодвинул время на полчаса назад.

— Эрл, пройди, пожалуйста, к доске, — повторила учительница в третий раз.

Эрл молча встал и направился к доске. Ознакомившись с условием задачи, он немного подумал и сказал:

— Сегодня я не могу отвечать. Я не приготовил урока.

И тогда учительница поставила против его имени вторую двойку.

Эрл невозмутимо вернулся на свое место.

— Это ничего, — сказал он, снова взявшись за «машину времени». — Сейчас я вернусь в позавчерашний день. Как это я сразу не догадался! Позавчера у меня не было ни одной двойки...

— Позавчера у тебя не было ни одной двойки? — переспросил, соображая что-то, Уран. — Значит, и у меня не было моей пятерки! Ведь я отвечал после тебя. Нет, пусть все остается как есть!

— Но мои двойки, — начал Эрл, потихоньку придвигая «машину времени» поближе к себе.

— А моя пятерка? Нет, я не позволю! Нужно было учить уроки.

Эрл взялся за ручку управления.

— Нет! — вскричал Уран и со всего размаха опустил кулак на «машину времени».

РАССКАЗ

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Рис. Ю. ПАВЛОВА

Окошко интравизора замигало. Нильс Кюара решительным движением выключил его и встал к рупору.

— Говорит Главный Технический Центр Космического Десанта. У рупора главный технический руководитель Центра Кюара. Технической ракете «Тау-эпсилон» к вылету в десять ноль-ноль приготовиться! Импульсный ракетоплан «Бета» с орбиты гипотетической планеты. Посадка в десять. Главный Астрономический Центр Космического Десанта на передачу. Включаю Аварийный Центр.

В рупоре загудел голос руководителя Аварийного Центра Максима Вильхо:

— Говорит Аварийный Центр. У рупора руководитель Центра Вильхо. С ракетодрома «Бета-сигма» снялась ракета. Роботы вернули ее. С космодрома «Ро-эпсилон» стартовала учебная астроплоскость с детьми. Вернуть не удалось. Вслед за ней легкая импульсная ракета с лейтенантом Космического Десанта Марией Ильянинген. Лейтенант Ильянинген догоняет астроплоскость. Обе конструкции вышли за орбиту гипотетической планеты. Встреча возможна в созвездии Стрельца. Аварийный Центр предполагает, что при встрече или астроплоскость, или ракета сгорит. Центр передачу заканчивает.

Еще одна авария! Кюара упал в кресло.

Лейтенант Ильянинген вела ракету вслед астроплоскости. Догоняя, ракета резко повысила скорость. Что такое? Гигантский метеорит тащил обе конструкции за собой. Они стали спутниками «планеты»!!!

Пальцы Марии рванули штурвал на себя. Ценой своей жизни остановить плоскость! Вперед!

Ракета обгоняла астроплоскость. Вдруг в репродукторе послышался металлический голос, неисправимо коверкающий земную речь:

— Чьеловэк Зьамлии... Чьеловэк Зьамлии...

Что-то блеснуло перед метеоритом. Раздался тихий взрыв. «Планета» взорвалась. Астроплоскость остановилась. Голос продолжал:

— Чьеловэк Зьамлии, останновись...

Руки не слушались Марии. На экране появилась ракета веретенообразной формы. Из ее носа вырвался луч. Импульсная ракета остановилась. Марию бросило вперед. Ракета на экране подошла к плоскости и воткнулась в дюзу... В люке что-то заскрипело. Мария повернула голову. В проходе стоял человек. Мария спросила:

— Это... вы? — и удивилась. Человек не похож на человека. Он втрое выше нормального роста, но на речь «человек» ответил:

— Даа, яа... Ктоо... тыы?..

Металлический голос, растягивавший слова, удивил ее. Все же она отрапортовала:

— Лейтенант Космического Десанта Ильяниген.

Человек сделал шаг вперед.

— Коосмический... Дэсаннт... Лэйтенаннт... — И вдруг улыбнулся. Улыбнулся по-человечески. — Кх... Зьамлее?

— Да.

Земля встречала гостей с гипотетической планеты Фаро, спасших детей.

Кюара глядел на фотографию этих людей и думал: «Сколько таких миров во всем Мире?..»

Каков возраст самых младших наших корреспондентов? Вот ответ.

Автор помещенного здесь рассказа узнал тайну алфавита всего три года назад. Одолев азбуку, парнишка сразу взялся за корифеев научно-фантастического жанра. Результат — рассказ «Космический десант», который подоспел как раз к началу нашего конкурса (см. следующую страницу).

Вот выдержка из письма нашего юного корреспондента:

«...О десантниках я прочитал в научно-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Возвращение». Написал рассказы «Закон жизни», «Планета Желтых смерчей», «Ижез», «Цефенда № 33»... В рассказах «Цефенда № 33», «Планета Желтых смерчей» и «Космический десант» говорится о героизме Марии Ильянинген и смелости Нильса Кюары. В рассказе «Ижез» говорится о том, как на планете Катулла открыли жизнь.

В плане моей работы на 1964 год стоят рассказы о десантниках «Морена», «Жизнь, смерть и опять жизнь Вилько Пионена», «Кто же пойдет вперед!». А теперь до свидания.

Ученик 3-го класса школы № 77
Евгений Филенко»

г. Пермь

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Фантастическая новелла

Вл. МАЛОВ, ученик 11-го класса
школы № 705, Москва

Такие драматически напряженные, такие знаменательные мгновения, когда поворот событий, от которого зависит не только настоящее, но и будущее, совершается в один день, в один час или даже в одну минуту, — редки в жизни человека и редки в ходе истории.

Стефан Цвейг, Звездные часы человечества

Ее не видно в темноте, но она где-то здесь, рядом, эта прогремевшая книга «Об обращениях небесных сфер», только протяни руку... Рука нащупала ее; осторожно погладила переплет, перевернула несколько страниц.

Велик Коперник! Крошечную песчинку Землю он поставил на свое место, и центром вселенной стало Солнце.

Темно. Джордано отложил книгу, встал с кровати, прошелся несколько раз по келье, подошел к амбразуре окна.

Как много звезд на небе! Какие они красивые и яркие! Но вчера их было ничуть не меньше; таким же был рисунок созвездий и блеск отдельных звезд, и все же знакомое с детства итальянское небо сегодня уже не такое, каким оно было вчера, что-то появилось в нем неуловимо новое.

Келья совсем крошечная; крошечно, под стать ей, и единственное окно; чтобы охватить взглядом весь небосвод, Джордано пришлось опереться руками о карниз и далеко высунуть голову.

Еще не скоро погаснут звезды. До рассвета еще столько времени, столько дум! Разве можно спать в эту ночь — ведь такой еще не было в жизни!

Мысли путаются, восторг мешается с каким-то смутным недовольством.

Очень трудно понять самого себя, но все рельефней становятся мысли, все яснее вырисовывается что-то главное.

Разве можно сказать, что небо неподвижно? Разве не наполнено оно движением — движение, правда, незаметно глазу, но оно есть, его угадываешь каким-то новым чувством? Только не каждому дано это чувство.

Велик Коперник, но и он сказал далеко не все. Его вселенная — это Солнце, планеты Солнца и множество неподвижных звезд. Но разве неподвижны звезды? Да и Солнце, может ли оно быть центром вселенной: ведь звезды — такие же солнца, только удаленные друг от друга на невероятные расстояния? И все они находятся в движении, вечном и непрерывном. У вселенной нет центра, а Земля — только крошечная песчинка, затерявшаяся во мраке и безмолвии.

Кружится голова. Не каждого осеняют такие мысли, но к нему, Джордано Бруно, они пришли. Они пришли вот в эту необыкновенную ночь, завладели всем его существом, и теперь он от них уже никогда не откажется.

Как много звезд на небе! И каждая — такое же Солнце. И вокруг каждого Солнца вращаются крошечные планеты — они населены разумными существами, людьми.

Сколько глаз устремлено сейчас в небо. Но только Джордано Бруно, пока что только он один на всей Земле знает о звездах правду. Ведь в эту необыкновенную ночь звезды сами рассказали ему о себе...

По экрану слева направо пошли разноцветные полосы. Человек, сидевший ближе всех к экрану, вскочил с места и бросился к приборной панели.

Полосы участились и совсем закрыли изображение. Тогда в зале вспыхнул свет. Из темноты вынырнули четыре кресла перед экраном, стали видны стрелки индикаторов на приборной панели, и сразу потускнели разноцветные огоньки.

— Жалко! — громко сказал кто-то из четверых.

— Что жалко? — спросил другой.

— Проектор выхватывает из истории только самые значительные события. Поворотные вехи истории. И никогда не знаешь, что он покажет через минуту.

— Конечно! — отозвался человек у приборной доски. — Это не машина времени, на которой можно совершить путешествие в любой определенный год и самому стать непосредственным участником событий. Никто еще не изобрел машину времени.

Ему было жарко, он закатал рукава рубашки и расстегнул две пуговицы у воротника. Он волновался, и у него слегка вздрагивали руки. Он вытирал платком лоб.

— Кто следующий?! — бормотал он. — Не знаю! Я строил Проектор Прошлого пятнадцать лет, но так и не изучил его характер. Хорошо уже то, что он вообще существует. Частный вид машины времени!

В последних его словах было скрыто очень много: и легкая ирония, вызванная несовершенством первого Проектора Прошлого, и удовлетворение хорошо потрудившегося человека, и сознание того, что труд не пропал даром.

Прыгающие полосы были заметны даже на свету. Человек присматривался к ним, близоруко щуря глаза.

— Кто следующий?! — спрашиваете вы. — Как будто я это знаю! Может, это будет Наполеон и битва при Ватерлоо, может, Генрих IV и осада Парижа, может, кардинал Ришелье...

Свет погас. Новое изображение появилось на экране.

Черный едкий дым уже закрыл все вокруг, встал стеной между Джордано Бруно и толпой на площади. Только изредка, в просветах, мелькают чьи-то лица — на одних застыло выражение испуга и сострадания, на других — откровенное любопытство, на третьих...

(Продолжение см. на стр. 62)

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

(Окончание)

Полна народу римская площадь Цветов. Дымится костер посреди площади; он уничтожит еретика, упорствующего в своем убеждении. Дым уже скрыл от взглядов его фигуру, скоро полвятся первые языки пламени.

Мгновениями можно измерить остаток жизни, но в сердце нет места страху. Люди должны знать Истину — один человек не может хранить ее для себя, она становится достоянием всех.

Всю свою жизнь посвятил Джордано служению Истине. Эти первые языки огня призваны уничтожить ее, но сжечь — не значит опровергнуть.

На экране прыгали всплески пламени; иногда ветер относил их в сторону, приоткрывая лицо человека, сгоравшего на площади Цветов.

Огонь бился о границы экрана, ему уже не хватало места, и он готов был рвануться в зал...

И снова по экрану пошли полосы. Изображение пропало, зал осветился. Воцарилась долгая тишина. Люди, словно только что вернувшиеся с площади Цветов, словно сами стоявшие у костра, молчали.

Потом человек у приборной доски сказал:

— Все!

Он еще раз вытер лоб, бросил взгляд на успокаивающиеся стрелки и добавил:

— Считайте, что первый репортаж из прошлого удался. Отдельные недостатки Проектора, в частности невозможность выбора и воспроизведение на экране только поворотных этапов истории, значения не имеют — это первый опыт. Но историю скоро будут изучать при помощи Проектора Прошлого.

Полосы на экране, сначала еще заметные, стали бледнеть и исчезать.

— Попробуем еще раз! — вдруг сказал человек. — Я не знаю, кто будет следующим!

Безнадёга

Фантастическая пародия

Звездолет гулко взревел двигателями, сильно накренился, дернулся в последний раз и уткнулся носом в мокрую почву.

Они были на неведомой планете.

— Ай-ай-ай, — вздохнул командир Гы, — не тем концом сели. Но ничего: все живы, все здоровы. Это главное. — И он ликующе пропел: — Мы долетели, долетели, мы молодцы — удачно сели, и мир о нас заговорит.

Вошел звездный лоцман и доложил:

— Карамба, капитан, взлететь мы не сможем. Нос корабля смотрит в землю, а не в небо. Я развожу руками: мыслей нет.

— Позови штурмана и обоих пилотов, — приказал Гы.

Вошли еще трое.

— Айва зеленая, — хныкнул штурман Пак, — мы крепко засели, капитан.

— Пилоты, что скажете вы? — нахмурился командир.

— Бледная поганка заслонила белый гриб, — туманно ответил за обоих первый пилот. — Безнадёга.

— Ясно, — подумав, сказал Гы. — Нужно выйти из корабля. Оценим обстановку.

Они вышли.

Вокруг был удивительный мир. Залитый ослепительным солнечным светом, он искрился, был полон оглушительного шума и казался неправдоподобно огромным. Со всех сторон высились громадные зеленые деревья. Они начинались где-то далеко внизу и тянулись куда-то далеко вверх, подпирая небо. На фоне их коричневых стволов, каждый из которых не обойти, пожалуй, и за час, виднелись какие-то непонятные кубы, разноцветные параллелепипеды с дырами в гранях и совершенно необъяснимые порождения неведомой планеты, невиданно большие, оглушительно шумящие, изрыгающие из себя ветры ураганной силы и время от времени подносящие к дырам в большом шаре в самой их верхней части то какие-то странно, дурно пахнущие предметы, зеленые, длинные и мокрые, то непонятные твердые тела, блестящие, прозрачные и обладающие формой, не встречающейся ни в одном другом уголке вселенной. Внутри них переливалась прозрачная жидкость или нечто такое, что пенилось и шумело. Обстановка была крайне поразительна.

«Что все это означает?» — вертелся у всех на языке один и тот же вопрос.

— Посмотрите, — вдруг догадался штурман Пак, — наш звездолет засел как раз на таком блестящем теле. У него вверху дырка, и звездолет заткнул ее. Что же делать?

— Бледная поганка.. — начал было первый пилот, но умолк.

— Хвала Великому Тороиду! — воскликнул капитан Гы. — Ликуйте все. Я знаю, как быть.

Мы важнее, и наши жизни дороже, чем любая планета вселенной. Стало быть, жалеть планету нечего. А потому я приказываю: взорвать ее и этим расчистить пространство перед носом нашего звездолета. Это единственный выход. За дело, братцы!

Работа закипела. Нужно было создать защитное и уничтожающее поля, проложить взрывные каналы, задраить все люки и, наконец, рассчитать все возможные варианты различных степеней свободы злополучного носа звездолета.

Весь экипаж разошелся по планете. В ракете дежурить у приборов остался только штурман Пак.

Через сутки все было кончено. Усталый, но довольный, экипаж возвращался к ракете. Внезапно они остановились.

— Карамба, капитан, — прошептал потрясенный звездный лоцман. — Я вижу, но этого не может быть.

— Бледная поганка поломалась пополам, — шмыгнул носом первый пилот. — Мы спасены, капитан.

— И планета тоже, — сурово добавил Гы. — Квадрат на синее небо!

Прямо перед ними, в ста шагах от их ракеты, стоял еще один, точно такой же звездолет. На его обшивке, полинявшей от времени, виднелись точно такие же царапины, вмятины и дыры. Даже кормовая дверь, распахнувшись настежь, висела на одной ржавой петле! Но что самое поразительное, звездолет мог взлететь! Нос его, драгоценный сизый нос, смотрел точно в небо, а не в землю!

— Эй, братцы! — завопил штурман Пак и, скатившись по трапу вниз, подбежал к космонавтам. — Айва зеленая, ах-ах, лебеда, — всхлипнул он от умиления. — Я видел все. Я вам расскажу. Это невероятно. Но послушайте. Я сидел у окна и скучал. Вдруг, гляжу, в стволе соседнего дерева что-то блеснуло. Потом появился синий кристалл. Он быстро рос. Я испугался и хотел уже было пальнуть по нему из всех наших пушек. Ведь мало ли что. Но пока я хотел, он превратился в ракету, поставленную на попа. Нашу ракету, братцы!

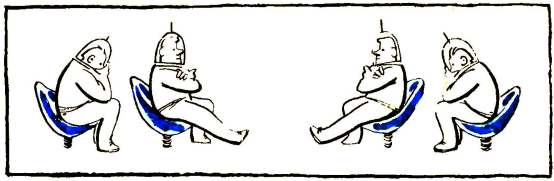
— Карамба, капитан, — просиял звездный лоцман. — То-то я вам говорил час назад, что у меня в левом ухе все что-то стреляет. К добру это было, к счастью!

— Ясно, — сказал, подумав, Гы. — Все ясно. Планета хочет, чтоб мы улетели. Она боится нас. Это она построила звездолет. Ведь больше некому. Как ты думаешь, верный Пак?

— Она, ясное дело, она, — испуганно пробормотал штурман.

— Но все же мне не верится, что-то тут не так, — почесал за ухом капитан Гы. — А вдруг не она?

— Конечно, не она, — подтвердил штурман Пак.



— То-то и оно. Надо пойти и посмотреть.

Они пошли.

Да, звездолет был точно таким. Даже слишком точно таким. Это-то и смущало. Они поднимались по трапу, и он знакомо скрипел, совсем как в родной ракете. Они вошли в коридор, и на стенах заколыхались старые паутины, совсем как в родной ракете. Сомнений быть не могло — это был их звездолет!

— Спасены! — прослезился Гы, и все прослезились тоже.

Они подошли к пультовой и остановились. На двери висела табличка: «Посторонним вход воспрещен». Такого объявления у них в ракете никогда не было... «Как же так?» — подумали все и разом распахнули дверь.

— Эй, кто там? — сказал, не оборачиваясь, из кресла командир Гы. — Идите вон — через пять минут стартуем.

— То есть как? А мы? — спросил командир Гы, стоя в дверях.

— А кто вы такие? — экипаж встал из кресел.

— Мы — экипаж этого звездолета, — ответил штурман Пак. — А вы?

— Мы... тоже.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Все это было очень странно. Даже больше чем странно.

— У, бублик без дырки! — взорвался капитан Гы. — Чертова планета! Выходит, она создала нам звездолет да и нас к нему во втором числе в придачу?! Гвоздем по воде!..

— Ладно, — сказал, наконец, Гы П. — Нам надо лететь.

— И нам надо лететь, — сказал Гы I. — Всем надо лететь.

— Так полетим вместе! — воскликнул звездный лоцман.

— Айва зеленая, — вздохнул штурман Пак, — не хватит места.

— Хвала Великому Тороиду, — сказал уныло Гы I. — Ликуйте все. Я знаю, как быть. Нужно всем сесть и разом подумать... Что-нибудь да выдумаем...

Они думали ровно пять дней. Мыслей не было.

— Может, сделаем так, — предложил первый пилот, — пусть они летят, а мы взорвем планету и полетим за ними, а?

— У меня жена, — ответил Пак I. — Ты хочешь, чтобы у нее стало два мужа?

— Ничего не выйдет, — вздохнул звездный лоцман П. — Карамба. Для полей энергии нет. Батареи сели. Капитан велел все ночи жечь фонари, чтобы светлее думать было, вот батареи и сели.

— Нет, капитан дурак, и наш и ваш, — шептал Пак I Паку П. — А вдвоем они такую глупость сморозят, что и лететь не захочется.

— Бледная поганка заслонила белый гриб, — глубокомысленно цедил первый пилот. И устало добавлял: — Безнадёга!..

Александр **СИЛЕЦКИЙ**,
ученик 11-го класса 5-й школы Москвы
Рис. **М. ШЕСТОПАЛА**

ИДЕМ БУРИ

РАССКАЗ

Николай ДАВЫДОВ, ученик школы № 160, г. Баку

Роман Крымов. «Архив, мемуары, дневники».

Папка моего брата. В институте он заварил ее в пакет, в который женщины кладут сметану. Он зарыл ее у нас в саду, чтобы потом откопать — «академиком в двадцать пять лет». Но отрыл ее я...

Он немножко дурачок, потому что зарыл ее в саду. Но в папке он оставил записку, и за это я люблю его еще больше: «Владька, если что случится, продолжай, как я, по шесть книжек в год».

Когда пришла телеграмма, я ушел из общежития. В сквере я читал под фонарем его записку и не плакал: он с пяти лет не разрешал мне плакать... В папке осталась чистая книжка «его» формата. Он прислал мне шубу, когда был на конгрессе в Бельгии, белую нейлоновую — «единственную в своем роде», но теперь оставил мне книжку, и за это я люблю его еще больше. На первой страничке он написал мне «правила жизни». Когда было трудно, когда их группе было трудно, он жил по этим правилам. Поэтому он оставил мне эту папку, и за это я люблю его еще больше.

— «На две партии разбившись, забавлялись обезьяны...» Чушь какая. «Часть восьмая их в квадрате в роще весело резвилась...»

— Ром, ну, говорю, не получается! «Криком радостным двенадцать...» Ромка, ну иди же!

Роман бросает авторучку и идет ко мне.

— Вот ведь паразит, а! Пустая твоя башка. Задачи-то мне, что ли, задали?

Он ругается с удовольствием и не зло.

— Садись рядом!

Сам садится за стол и размахивает руками. Он говорит спокойно, когда объясняет, и, когда злится, тоже говорит спокойно. Задачу он объяснил в две минуты.

— Не злись, Ром, а?
— Да ну тебя. Сидишь, как баран, над одной задачей.
Он посмотрел на меня и вдруг засмеялся. Мы вместе смеялись.
— О, скотина же ты: ерундовой задачи не понимаешь.
Он толкнул меня кулаком в грудь и пошел писать дипломную работу.
— Ром, а для чего задача в стихах?
Он снова подошел ко мне, сел на стол.
— Я бы вообще всю школьную программу сделал в стихах. Так лучше запоминается.
«Жил когда-то троглодит первобытным строем. Взял он меч, взял он щит и войну устроил...» Легко? Ты вот стихи пишешь. Когда в десятом будешь, напиши в стихах контрольные цифры народного хозяйства. Потомки оценят.
И он ушел, декламируя на ходу число «пи»: «Дарю я вам и всем потомкам на память фразу эту!..»
Диплом он защитил.
Я помню, тогда ему звонили, поздравляли, хвалили. В институте сказали: «Блестящe!» Но он ждал ее звонка. Не было звонка. Я знаю, в кармане выходного костюма у него было два билета в театр. Партер. Ряд восьмой, места 13—14. В восемь тридцать начало... Было без пяти восемь. Тогда Ромка оделся и через пятнадцать минут вернулся с тортом.
Его никто не понимал. Я знаю, в тот вечер ему было плохо, но он, двадцатилетний физик-атомщик, который имел полное право не смеяться в тот вечер, смеялся. Чтобы все смеялись, ему нужно было смеяться, и он пил чай с тортом и рассказывал институтские анекдоты.
— Поймали мы муху: хотели посмотреть, что будет, если она попадет в разряд. Мишка упек ее в трубку, мы дали высокое напряжение. Муха зашипела и притянулась к положительному электроду. «Крымов, — спрашивает Григорий Ильич, — как объяснить явление?» Ну, я что, молчу... «Никто не знает? Объясняю! Муха — элемент вредный и потому отрицательный. А что делают отрицательный и положительный полюса? Всем ясно?..»
...Мама украдкой уголком фартука вытирала слезы. Роман даже не вздрогнул, когда позвонила ОНА. Я не знаю, о чем они говорили, потому что Ромка закрыл дверь.
Вообще мой брат — личность странная. В девятом, когда до экзаменов оставалось два месяца, он писал записки. Одну я не передал, а он так и не узнал. Вот и сейчас она лежит в папке.

Милая, далекая,
стройная и робкая.
Кто там рядом-около
ходит тайной тропкою...

Как-то я написал о ней ему в «центр». В ответ он прислал две карточки. На одной он держал кулак, а на другой — в шапочке и халате стоит у каких-то приборов, похожих на осциллографы. Совсем профессор.
«Владька! — писал он. — Меня за нее рук. ругал... Эх, тебя бы сюда. Ты всегда реле любил... Здесь такие ребята!..»
...Когда до экзаменов оставалось дней двадцать и все друзья начали уже повторять, он садился заниматься. В доме наступали мир и согласие. Только бабушка ругалась на кухне: «Сел, ирод!» В душе и она была рада: счетчик крутил меньше. Роман не включал паяльник. Это была пора железного режима. Он работал как вол — с двух до семи и с семи до одиннадцати. Ночью он шатался по улицам. Он очень любил дождь, мелкий, моросящий, когда человек промокает насквозь, сам того не замечая.
— Первое условие плодотворной работы, — говорил Ромка, — это отдых. Отдых дает вдохновенье. Вдохновенье — мать ученья!
Отдыхать он умел. Но если было плохое настроение, он вставал и уходил.
— Для меня хуже некуда, если заниматься с плохим настроением.
Когда все спали, он возвращался, разом сбрасывал с себя одежду и лез в кровать.

Когда он опаздывал, я всегда ложился на его кровать. Тогда он натыкался на меня, смеялся и шел заниматься. Он сам просил меня об этом, зная, что иначе не сможет сесть.

— У Шивы было шесть рук, у меня их две. Значит, мне надо заниматься в три раза больше. Не давай мне спать!

Я долго не спал — слушал, как он пел. Он всегда тихонечко пел, когда занимался.

Море ловит стрелы молний
и в своей пучине гасит.
То большое напряженье
создается в атмосфере...

Сочинял он на ходу. Распевал, декламировал, а потом вдруг смолкал и, опомнившись, досочинял:

И уходит в заземленье, именуемое морем.

— Теплоемкостью называется... А что, Владька, не спишь? Не спишь ведь! Он садился мне на грудь и тормошил.

— Высоко в горы взошел инструктор и сел на камень, свернув веревку в тяжелый узел... Внизу, в ущелье, во тьме и брызгах отряд туристов наверх стремился, гремя костями... Ложимся, Владька?

— Я давно лежу.

— Ну, не остри, — и он лез под одеяло.

...Уже поздно. Я один на улице. Приятно вот так идти под мелким, моросящим дождем. Я бы поступил в литературный. Черт, даже не знаю, что делать. Еще с былинных времен людей кормили дилеммами. «Направо пойдешь — коня потеряешь. Налево пойдешь — голову потеряешь». Ясно. Конь — это Пегас, литературный институт, а голова — ядерная физика. Хоть Пегас — хорошо, но физиком лучше. Идет направо — песнь заводит, налево — сказки говорит... Нет, пойду на физику. Я-дер-ну-ю! Точка — и ша....

Как жутко, когда в доме светятся всего несколько окон. А капли скатываются по лицу, задерживаются в уголках рта, собираются на подбородке. Я ловлю их языком. Они соленые. Это потому, что я плачу. Ты не дописал, Ромка!.. Разве я не имею права плакать теперь, сейчас. Когда пришла телеграмма, я не плакал. Мама плакала, а я нет: ты не любил, когда я плачу. С пяти лет ты мне не разрешал. Извини меня, пожалуйста, Ромочка, а? Ты сказал бы, что я пишу ерунду в книжке «твоего» формата... Ну ладно, я уже не плачу. Вот и кляксу сделал — размазал: Ромка-а-а!

Я стою под фонарем. Беретом, чтобы не замочило, закрываю две карточки. Одну твою, Ромка, в черной рамке (я ее из журнала вырезал; честно говоря, ты на ней плохо вышел), а другую — мою — я ее случайно из кармана вытащил. Я знаю, ты бы сказал что-нибудь вроде «на этих двух портретах лица братьев». Рома, а вот твоя книжка с «правилами» на первой странице. Когда взорвалась установка, ты их все вспомнил?! Наверное, и меня вспомнил и маму...

Далеко-далеко, за тридевять земель, где не ступала нога «простого» человека, раскинулся научный городок. Светлые здания из стекла и бетона. Здесь живут замечательные люди — ядерные физики. Они, как и все, сидят по вечерам у телевизоров, пишут стихи, когда грустно и когда луна на небе. Но в отличие от всех они творят чудеса, которые сегодня нам, может быть, не суждено узнать. Они сидят у осциллографов, пишут книги под псевдонимами в своем маленьком городке будущего. В нем нет ни улиц, ни скверов, а есть небольшая площадь с памятником Р. Крымову — «академику в двадцать пять лет». Это мой брат. Уезжая, он оставил мне книжку размером 8×10 с правилами на первой страничке. Я вынул ее из папки и возьму с собой. Я в ней не буду ничего писать. И у меня будет свой формат... У меня тоже есть папка. В институте я заварил обе в пакет, в какой женщины берут сметану.

Уезжая, я зарыл его в саду.

ДЖЕК И КИБЕР

В. РИЧ *Рис. Ю. ЛЫЧАГИНА*

Будучи смышленым парнем, Джек решил прожить как можно дольше. Поэтому прежде всего он занялся выяснением вопроса о том, что именно вредно отражается на здоровье.

Постепенно Джек выяснил:
Еда портит желудок.
Питье портит сердце.
Любовь портит нервы.
Ходить вредно для ног.
Лежать вредно для боков.
И так далее.

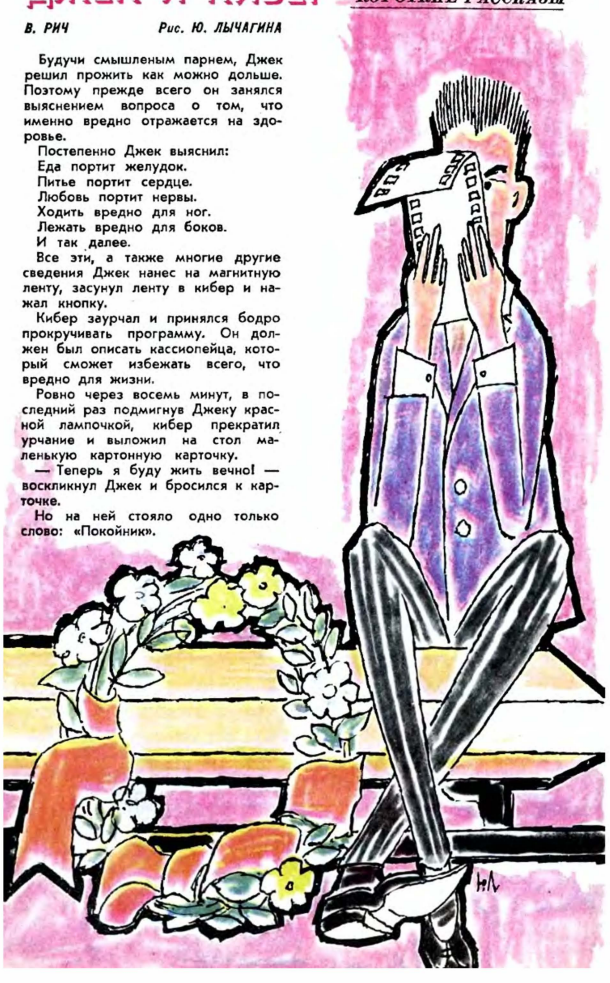
Все эти, а также многие другие сведения Джек нанес на магнитную ленту, засунул ленту в кибер и нажал кнопку.

Кибер заурчал и принялся бодро прокручивать программу. Он должен был описать кассиопейца, который сможет избежать всего, что вредно для жизни.

Ровно через восемь минут, в последний раз подмигнув Джеку красной лампочкой, кибер прекратил урчание и выложил на стол маленькую картонную карточку.

— Теперь я буду жить вечно! — воскликнул Джек и бросился к карточке.

Но на ней стояло одно только слово: «Покойник».



РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

— Не согласен! — тихо, но твердо сказал бледный от волнения Джон.— На периферию? Ни за что!

— Помилуйте! — возмутился председатель комиссии. — Какая же это периферия — всего двенадцать на десять в шестнадцатой степени парсеков от границ Метагалактики! Стыдно-с, молодой человек. Так-то решили вы отблагодарить общество за двести лет учебы в институте!

Джон, тупо уставившись на гравиомагнитный башмак председателя, уныло пробубнил:

— Сперва создайте условия...

— Условия? — не без ехидства спросил один из членов комиссии, постучав по столу миниатюрным электронным быстродействующим счетно-решающим самопрограммирующим устройством на полупроводниках. — Может, вам атмосфера не нравится?

— Не нравится... Там на пятнадцать соток меньше аргона, — неуверенно пробормотал Джон. — И потом спектр...

— Не подходит? — с язвительной ласковостью спросил тот самый член комиссии с миниатюрным электронным на полупроводниках.

— Не подходит, — вздохнул Джон. — Понимаете, сам бы рад, но линия C_{14} расплывчатая...

Наступило гнетущее молчание, нарушаемое лишь тоненьким позвякиванием протонов о быстрые нейтроны в этом, как его, электронном.

Наконец председатель задумчиво произнес:

— Ну что ж, тогда пошлем вас на планету Кси в созвездие Пси. Оттуда пришла заявка из артели, промышляющей ловлей комет.

— Кси? Пси? — встрепенулся Джон. — Артель, в которую распределена?..

— У вас старые сведения! — жестко отрезал председатель. — Ровно три микросекунды назад Мэри взошла на борт корабля, который стартовал в направлении той самой заметагалактической туманности, куда мы хотели направить и вас, но куда теперь вы никогда не попадете.

— Попаду! — воскликнул Джон.— Даешь периферию!

Островитяне

Фантастический рассказ

Борис ЗУБКОВ, Евгений МУСЛИН

Но ни одна планета
Не ждет тебя, как эта —
Планета дорогая, по имени Земля...
(Из очень старинной песни)

Лилово-багровый летающий диск качнулся в воздухе и взял курс на маленький островок, ярким пятном зеленевший в океане. Через несколько секунд диск уже лежал на обуглившейся от страшного жара траве. Глухо чавкнула треугольная крышка люка, и на песок выскочил человек в пустотном скафандре. Затем появились еще двое. Они сбросили тяжелые магнитные ботинки и, разминая уставшие от долгого сидения ноги, стали снимать скафандры. Пришельцы щурились от солнца, а нежный морской бриз и ароматы лесных цветов опьяняли их, привыкших к стерильной газовой смеси.

Первый из пришельцев (его называли просто Биохимик) взглянул на часы:

— Ого, уже полдень! Наши на Луне давно пообедали.

Он прыгнул в люк и вскоре появился опять, держа в каждой руке по три пакета из оранжевой пластмассовой пленки.

— Закусим в последний раз синтетической пищей и... долой консервы! Переходим на свежую земную еду!

Наевшись, они легли у самой воды в тени невысокой магнолиевой пальмы.

— Разве это авария? — сказал Биохимик. — Нет, ребята, это удача! Первый раз за последние пять лет мы никуда не спешим. Да это же редчайший случай, который надо хватать двумя руками! Гиви, кричи «ура!».

— Маленькое ура, — лениво пробурчал черноволосый Гиви. — А в чем дело?

— Экзамены далеко позади, на Луну лететь только через две недели. Мы остаемся здесь! Остап просто обязан немного пожить на лоне природы. Дышать кислородно-гелиевой смесью, играть в невесомое домино и спать в скафандре он еще успеет, когда полетит к Нептуну. Да и все мы отдохнем. Когда наши однокурсники ходили в походы, дышали лесной свежестью и спали под звездами, мы занимались космолингвистикой и селенографией. Довольно! Поживем робинзонами!

— Я лично буду просто лежать на траве и глядеть в небо, — сказал Остап.

Решение приняли единогласно. Главное — забыть на время обо всем остальном мире и никому не сообщать о своем местонахождении! С этим также все согласились, поэтому Остап схватил карманный радиопередатчик и забросил его в море. Спать легли на траве, натянув скафандры и положив под голову пучки пальмовых листьев.

...Мутный рассвет был неприветлив. Шуршащая сетка дождя приглушила все звуки, стерла все краски. Холодные водяные струйки просочились в расстегнутые скафандры. И все же, следуя вековым традициям робинзонов, решили осмотреть остров. Вперед!

Пустые желудки недовольно урчали, когда разведчики молча тронулись в путь. Они шли вдоль берега по плотному, укатанному волнами песку. За каждым поворотом их ждали все те же скалы, все тот же песок, все те же сочившиеся сыростью пальмы. Нескончаемый дождь хлестал прямо по телу сквозь промокшие до последней нитки рубашки. Дорогу в глубь суши преграждали необычайно плотные заросли. Листья, огромные и шершавые, как уши слонов, били по лицу. В ногах путались колючие кустарники, «бесстыжее дерево» сбрасывало на робинзонов лохмотья скользкой коры.

Средняя часть острова дыбилась неприступной горой, и прямые стволы саговых пальм выделялись на фоне вечернего неба, как былинки какого-то гигантского букета. К сожалению, Универсальный Определитель Растений остался в летающем диске, и все буйство зелени казалось ботаническим садом, из которого порыв ветра унес этикетки и дощечки с названиями. Кроме того, Остап смутно припоминал, что Универсальный Определитель, содержавший уйму новейших данных о лишайниках Венеры, земной флоры вообще не касался.

Гиви, пытаясь прорваться сквозь чащу колючек, исцарапался и порвал брюки. Насупившись, он смотрел на лохмотья, свисавшие с его бедер. Его утешало то, что в летающем диске имелся огромный флакон Универсального клея.

— Может... рыбку половим? — робко предложил Биохимик.

Вместе с Остапом они зашли в воду по пояс, пытаясь руками ухватить юрких рыбешек, резвившихся у самого берега. Через полтора часа, выбивая зубами «ззз... ззз...», они вылезли на берег, поймав лишь что-то маленькое и скользкое. Это оказался ремешок от часов Остапа. Сами часы и компас остались на дне лагуны.

— Поесть бы хоть синтепищи, — мечтательно вздохнул Гиви и решительно направился к роще магнолиевых пальм, за которой скрывался летающий диск. Но случилось непоправимое: летающий диск исчез! Ночные волны слизнули корабль.

— Голые люди на голой земле! — простонал Остап.

Лишь вечером Гиви отыскал под камнями несколько ракушек. Преодолевая отвращение, друзья проглотили скользких моллюсков. Потом залезли в свои отсыревшие скафандры и забылись тяжелым сном.

Дождь шел еще два долгих дня. Океан шумел противно и назойливо. Новые робинзоны питались ракушками, которые почти не утоляли голода. Биохимик, припомнив приключения Магеллана, предложил сварить Остаповы кожаные перчатки и пилотский шлем. Увы, искусственная кожа не давала питательного навара.

На третий день появились полчища москитов. Космонавты то и дело бросались к воде сполоснуть кровоточащие лица. У Гиви заныл зуб. Он все время трогал его языком и тяжело вздыхал. К сожалению, чу-

додейственный Универсальный Обезболиватель уплыл вместе с летающим диском.

— Дрянной остров, — ворчал Остап. — Помню, на прошлой практике попали мы в переделку на Марсе. Связь прервалась, пыльные смерчи засыпали корабль. И то ничего, сидели себе в кают-компании, резались в шахматы. А второй пилот, так тот за это время вызубрил словарь древнегреческого языка. От альфы до омеги все слова знал.

— Что и говорить, — подхватил Биохимик, уже почти привычно стуча зубами. — На Меркурии, когда закипают свинцовые озера, и то лучше. Тепло по крайней мере.

Хотелось пить. Но ни реки, ни озера не нашли, а запасти воду во время дождя никто не догадался.

— Морскую воду пить нельзя, заболеешь нефритом, — ни к кому не обращаясь, сказал Биохимик. — Соли магния и кальция забьют мальпигиевы клубочки, служащие фильтрами нашим почкам...

— Это нам и без биохимии ясно, — зло огрызнулся Гиви. — Ты бы лучше сказал, можно ли есть эту штуку.

И он показал на светящегося червяка, ползущего по траве.

— М-м-да, — задумчиво проговорил Остап. — Хоть бы нас какие-нибудь туземцы в плен захватили. Все же накормили бы...

И с этими словами он полез в свой скафандр.

Багровая Луна, соблазнительная, как помидор в сметане, медленно поднималась из океана.

Проснувшись, Остап не смог понять, где он находится. Все трое лежали на дне глубокого каменного колодца. Остап начал стаскивать с себя шлем, но резьба, заржавевшая от ночной сырости, не поддавалась. Скафандры, рассчитанные на лунную сушь, боялись влаги. Заслышав возню, проснулись и остальные. Похожие на марсиан в своих космических доспехах, они могли объясняться лишь знаками да угадывать слова по движению губ. Как они здесь очутились? Никто не знал. Загадочный колодец был слишком глубок, и выбраться отсюда самостоятельно было явно невозможно.

Как старинные похоронные дроги, медлительно тянулись часы.

Лишь в полдень, когда тропическое солнце превратило колодец в раскаленное пекло, наверху послышался шорох. Из-за края колодца на мгновение показалась бронзовая голова, украшенная перьями, и тотчас исчезла. Все вскочили и замахали руками, но голова больше не появлялась.

Задумали выбить ступени в отвесной стене, но скала была тверда, ак... скала. Вдобавок оказалось, что на дне колодца приютилось гнез- змей, похожих на грязные веревки, обмазанные вазелином.

Наступила ночь, и в каменном мешке стало прохладней. Биохимик, е время вертевший головой, вдруг обнаружил, что заклинившаяся езьба как будто поддается. Видно, шлем остывал быстрее скафандра, в резьбе появился зазор. Гиви двумя руками обхватил шлем Биохи- ика, а Остап, схватив его за ноги, вывинтил из скафандра, как болт з гайки.

— Эй, кто там! Помогите! — громко закричал Биохимик. — На по- ощь!

Наверху тотчас багровым светом вспыхнул шипящий факел. Испу- анный мальчишеский голос спросил:

— Кто вы?

— Студенты с лунной учебной базы! — крикнул Биохимик. — По- ерпели аварию!

На дно колодца упал конец веревочной лестницы. Еще ничего не онимая, космонавты поднялись наверх и очутились в гурьбе смущен- ых, но жарко спорящих мальчишек.

— Извините нас! — сказал долговязый парнишка, разукрашенный од индейца. — Это все Пашка. Прибежал ночью в лагерь, кричит, что арсиан на берегу нашел. Прилетели на Землю в одних скафандрах, ез всякого корабля. Ну, мы и перенесли вас сюда, так сказать, на сякий случай. Тем более что рано утром за нами должен прилететь аш классный руководитель Сергей Иванович...

Пашка, веснушчатый толстяк с деревянным луком в руках и боль- ой серьгой в ухе, смущенно переминался с ноги на ногу.

...Как приятно было лежать на мягких креслах вертолета и дремать од ровный гул моторов! Откуда-то издалека доносились слова чителя:

— ...На острове жили двадцать пять семиклассников. Добились раз- ешения провести тут каникулы. Ни одной банки консервов не тронули: самодельные удочки, луки и стрелы. Хотели жить, как жили когда- о туземцы. Конечно, здесь это нетрудно: рыба кишмя кишит, дичь евать некуда. Ну, а на Луне, как вы думаете, они бы выдержали?

— Обязательно выдержат. И на Луне и где угодно! — ответил, уже асыпая, Остап. — Только пусть почаще возвращаются на Землю... На Землю!

НАПАДЕНИЕ

Анатолий ДНЕПРОВ

Сержант Митин с покрасневшим от напряжения лицом копался в миноискателе. Он переставлял лампы и тестером проверял сопротивления и емкости. Пальцы его рук касались мест, где провода в разноцветной изоляции были припаяны к радиодеталям. Его помощник радист Кирилин снял со спины портативную радиостанцию и тоже смотрел внутрь раскрытого корпуса прибора. Шагах в десяти четыре сапера полулежали на густой траве и курили.

— Все в полном порядке. Смотри. Я провожу рукой над петлей, и индикаторная стрелка отклоняется.

— Дай наушники, — сказал радист.

Сержант передал ему телефон. Кирилин надел наушники и начал водить рукой над петлей миноискателя.

— Трещит. Да как здорово, — сказал он.

— Значит, схема в порядке, — заключил сержант и рукой вытер потный лоб.

Подошел солдат и присел на корточки над прибором.

— Тэн что будем делать? — спросил он.

— Нужно начинать все сначала. Прибор работает нормально. Мы просто плохо искали.

Солдат кивнул и отошел к своим товарищам. В этот момент раздался оглушительный взрыв. Все упали на землю, закрыв головы руками.

Слева, вдоль опушки соснового бора, стояли срубы недостроенных домов, без крыш. Между двумя срубами колыхался столб голубоватого дыма. Над образовавшейся в земле воронкой повисло облако пыли. Испуганные птицы стремительно улетали в глубь леса.

— Проклятье! Вот еще одна, — прошептал сержант.

— Еще одна. Это уже пятая, — подтвердил Кирилин. — Я сейчас доложу в штаб.

Он подошел к портативной рации и тихим, настойчивым голосом заговорил:

— Кама. Кама, я — Фиалка, я — Фиалка. Мне срочно нужен хозяин...

— Хорошо, что не взорвался дом, — сказал один солдат.

— Это может случиться в любую минуту. Мины натыканы здесь как попало.

С ТОГО СВЕТА

Рис. А. ЧЕРНОМОРДИКА

— Удивительно! Это место было тщательно проверено. Сразу же после войны.

Сержант Митин достал из сумки карту и разложил ее на траве. Карта была старой. Красным карандашом на ней был заштрихован участок и на нем написано: «Чисто». В углу этим же карандашом была поставлена дата: «Август, 1945 г.».

— Вот так чисто... — иронически сказал сапер и сплюнул. — Хотел бы я знать, кто здесь работал в августе сорок пятого...

Митин поднял на солдата глаза и сказал:

— Ты болтаешь чепуху. Конечно, ребята здесь были и работали. Местность была прочесана. Но они так же, как и мы, ничего не могли обнаружить.

— Плохо искали, — сказал сапер.

— Товарищ майор, докладывает Кирилин. Опять взрыв. Обнаружить пока ничего не удалось, — взволнованно говорил в телефон радист. — Схема миноискателя работает нормально. Решили прочесать местность снова. За время вчерашнего и сегодняшнего поисков обнаружили несколько старых снарядных гильз и части разбитого артиллерийского орудия. И больше ничего...

Затем он достал из планшетки лист бумаги и стал писать.

Солнце поднялось высоко. На небе не было ни облачка. Саперы один за другим расстегнули воротнички из гимнастерках. Густой сосновый бор, ряд недостроенных деревянных изб, вспаханная полоса земли перед ними — все это создавало впечатление мира и покоя. И тем не менее земля, на которой все это было, вдруг окила и заговорила суровым языком взрывов спустя двадцать лет после окончания войны.

— Майор сказал, что это могут быть мины в деревянном или пластмассовом корпусе, — сказал Кирилин сержанту. — Нужно искать очень тщательно...

— Все равно непонятно. Мина есть мина, в каком бы корпусе она ни была. Для того чтобы она взорвалась, необходимо на нее либо наступить, либо наехать. А эти взрываются сами по себе. Черт его знает, какие это мины, и почему они вдруг решили именно сейчас напомнить о себе. Почему они молчали столько лет? Здесь прошли уже

сотни людей. Сразу после войны по этим местам проехали танки, автомашины, бронетранспортеры. Смотри, для строительства поселка грузовики возили сюда лес, — сержант встал и широким жестом указал на проселочную дорогу. — Здесь нет ни одного квадратного метра земли, по которому бы не ездили или не ходили. И вот, пожалуйста. Ни с того ни с сего земля заговорила. Почему?

Все молчали, обводя тревожными глазами поля вокруг.

— Почему, я вас спрашиваю? Дело не в корпусе. Дело сложнее...

— А как взорвалась первая? — спросил солдат.

— Очень странно, — ответил сержант. — Неделю тому назад на строительстве школы работало человек десять колхозников. Это вон там, с правого конца поселка. Внезапно пошел проливной дождь, и люди спрятались под навес, где хранится строительный материал и инструменты. Только они успели туда перебежать, как внутри, заметьте, в н у т р и корпуса школы произошел взрыв. Почему он не произошел раньше? Если это обычная мина, то она взорвалась бы тогда, когда там шла работа. А то она взорвалась ни с того ни с сего...

— Замедленного действия... — неуверенно сказал один сапер.

— Мины замедленного действия имеют металлический взрывной механизм. Я не могу поверить, чтобы саперы, которые здесь работали раньше, их не нашли. Этого быть не может.

Сержант энергично ткнул пальцем в топографическую карту, на которой было написано: «Чисто»...

— Давайте искать еще, — наконец сказал он и стал натягивать ремни корпуса миноискателя на спину. — Нужно торопиться. Строительство поселка и так задержалось на неделю. Колхозники волнуются...

Группа во главе с сержантом стала медленно спускаться вниз, к опушке леса, к тому месту, где только что произошел взрыв. Радист свернул станцию и пошел за ними.

В этот день перед заходом солнца взорвалась еще одна мина, совсем в другом месте, прямо в открытом поле. На месте взрыва не удалось найти ни одного металлического осколка.

В штаб саперного батальона вошел полковник Романов, высокий, стройный, совершенно седой, в пенсне. Все встали из-за столов. Полковник подошел к каждому и поздоровался за руку. Он остановился возле майора Кириченко и спросил:

— Как дела на участке сержанта Митина?

— Плохо, Николай Васильевич. Ребята прочесали местность пять раз. Обнаружить ничего не удалось. А взрывы продолжаются.

— Есть ли какая-нибудь система в расположении мест, где происходят взрывы?

— Трудно сказать... — сказал майор и развернул карту. Синими кружками на ней были отмечены места, где произошли взрывы. Кружки беспорядочно сгрудились у того места, где строился новый поселок.

— Странно, — произнес полковник, легонько постукивая пальцем по столу. — Очень странно...

— Вы смотрели архивные материалы относительно военных действий в этом районе? — спросил полковник.

— Конечно, Николай Васильевич. — Майор открыл стол и извлек из него папку. — Вот справка.

«В период с третьего июля по пятое августа 1944 года на этом участке фронта было отмечено пять небольших групп немецких войск, которые именовались «подразделениями Шредера». Они не входили в состав никаких из известных нам соединений и, по-видимому, были вполне самостоятельными. До настоящего момента не удалось установить, какую задачу выполняли эти войска».

Далее следовал перечень пунктов, где располагались войска Шредера.

* * *

После работы майор Кириченко зашел поговорить с Крымовым, местным старожилом, который жил в этих местах при немцах.

Старик Крымов осторожно поставил блюдечко с чаем на стол и протянул руку майору.

— Добрый вечер, — сказал Кириченко.

— Добрый вечер, товарищ майор. Садитесь пить чай.

— Спасибо, отец. Мне сказали, что вы что-то знаете о немцах, которые были здесь в последние месяцы войны. Расскажите, пожалуйста, все, что вам известно.

Старик уселся за стол и, отпивая из блюдечка чай мелкими глотками, начал рассказывать хрипловатым голосом:

— Я, как вы, наверное, знаете, работал лесником... Под моей ответственностью был весь лесной массив от Карева до Бутузова и от Шилова до нас. В общем большие лесные богатства. Началась война, и я перебрался жить в лесную сторожку, недалеко от Зеленого озера. Это как раз там, где сейчас строится новый поселок. Вот там я и жил. Место было спокойное, и казалось, войны никакой не было. Как-то миновало это кровавое дело наши места. Только перед самым концом войны по проселочной дороге прошли обозы, и после прямо в лес пришли фашисты. Их было немного, человек сорок. Приехали они на трех грузовиках с брезентовыми навесами. Высадились, построили палатки и стали жить. Не торопясь, как будто на отдых приехали. Поставили на полянке большую печку, вроде полевой кухни, и все время на ней в большом котле что-то варили. Я говорю «что-то», потому что поодаль была и обыкновенная кухня, и на ней они варили себе еду. А на этой что-то другое.

— Что же? — допытывался майор.

— Вот этого я не знаю. Только то, что они варили, после выливали

в деревянное корыто и замешивали с песком и глиной. И из этой смеси они лепили глыбы, вроде как буханки хлеба, и складывали их пирамидкой на солнышке. Эти штуки высыхали и становились твердыми, как камень...

— А ты откуда знаешь? — спросил майор.

— Я их собственными руками трогал. Как-то ночью, из любопытства.

— Что же фашисты сделали с этими глыбами?

— Вот этого я не знаю. Перед самым отступлением они выгнали меня из сторожки в поселок. Когда они ушли, я вернулся к Заячьему озеру. А там уже никаких следов не осталось. И корыто исчезло. И камни. Наверное, все это они увезли с собой.

* * *

Саперы с любопытством смотрели на молодого штатского человека в очках, который, неловко переминаясь с ноги на ногу, осматривался вокруг. Рядом с ним стоял майор Кириченко.

— Значит, так, — сказал штатский. — Место, где у вас наибольшая мучность взрывов, нужно обильно посыпать окислителем, тем, который я привез с собой.

Он повернулся и быстро зашагал к грузовику.

— Кто это? — спросил сержант Митин.

— Ученый. Профессор химии Кедров, — ответил майор и пошел за приезжим.

Ученый с трудом влез в грузовик и достал большой бумажный пакет с каким-то порошком.

— Да вы не беспокойтесь. Солдаты все сделают. Вы только говорите, что нужно делать.

— Этот порошок нужно рассыпать по земле.

— Где?

— Ну, где угодно... Вам виднее. Там, где чаще всего взрывались эти ваши мины.

Майор достал карту и внимательно посмотрел на расположение синих кружков.

— Хорошо. Берите, товарищи, пакет, и будем реактив рассыпать вот там.

Он указал на небольшой, поросший травой холмик посреди вспаханного поля.

— А как рассыпать? — спросил сержант.

— Равномерно. Знаете, так, как будто бы вы солите кусок хлеба, — сказал Кедров.

Все засмеялись и пошли к холмику.

— Мне все же непонятно, почему эти химические мины не взорвались раньше? — спросил Кедрова майор.

— На основании того, что сообщили, мне кажется, дело здесь простое. Конечно, относительно простое. Мины, о которых идет речь, являются своеобразными химическими минами замедленного действия.

Майор вопросительно смотрел на Кедрова.

— Наверное, фашисты для изготовления этих глиняных глыб применяли химические вещества, которые сами по себе не являются взрывчатыми. Но с течением времени они постепенно меняют свой состав и превращаются во взрывчатку огромной силы. Химии известно большое количество веществ, которые со временем сами по себе или в присутствии катализаторов меняют свой состав и свои свойства. В твердом состоянии реакция внутренней перестройки идет очень медленно, годами и даже десятилетиями. Мы исследуем такие химические реакции в нашем институте.

— А почему они взрываются сами по себе именно сейчас?

— Когда химическое превращение исходного материала произойдет достаточно полно, взрыв может наступить просто в результате окислительного действия кислорода воздуха или каких-нибудь органических веществ, всегда находящихся в земле.

— Товарищ майор, указанный взми участок земли мы засолили, — докладывал сержант Митин.

Майор улыбнулся и посмотрел на Кедрова.

— Что теперь?

— Теперь его нужно залить водой. Залить и быстро удирать. Лучше всего это можно было бы сделать при помощи пожарного шланга.

Майор повернулся в сторону, где стоял грузовик, и махнул рукой. Грузовик двинулся к ним, волоча за собой прицеп с помпой и с большим баком воды. Сержант Митин взял в руки ствол пожарного шланга.

— Реакция может наступить мгновенно, — предупреждал Кедров. — Это опасно. Окислитель очень энергичный.

— Участок поливать с положения лежа, — приказал майор.

Когда заработала помпа и из ствола ударила мощная струя воды, все легли на землю. Слегка приподняв голову, сержант покачивал струей воды так, чтобы взлитым оказался весь участок. Все замерли. Слышался шум автомобильного мотора, приводившего в действие насос, и шипение воды. Затем помпа зачихала и поток воды прекратился.

— Все. Вода кончилась, — сказал сержант.

Замолк и автомобильный мотор. Все напряженно ждали, что будет дальше.

— Окислитель должен раствориться и проникнуть в глубь земли. Может оказаться, что мины зарыты глубоко, и воды не хватит, чтобы до них добраться, и тогда...

Но Кедров не успел закончить фразу. В этот момент раздался оглушительный взрыв, за ним второй, после — третий. Затем наступил короткий промежуток, после которого последовали один за другим еще два взрыва.

— Кажется, на сегодня хватит, — сказал майор через несколько минут и поднялся с земли. — Я вас поздравляю и благодарю от лица службы, — сказал он, пожимая руку смущенному Кедрову.

ГРИБЫ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Б. ЗУБКОВ, Е. МУСЛИН Рис. Р. АВОТИНА

Он сел на обломок скалы, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями.

Да, он прилетел вовремя. В самый раз: тогда двухнедельный день только начинался, еле брезжил лунный рассвет. С тех пор, все одиннадцать дней, он не терял ни секунды. Действовал целеустремленно, как механический автомат с неменяющейся программой. Ему не в чем упрекнуть себя...

Он выпрямил натруженные ноги и потянулся. За тонкой оболочкой скафандра притаилась пустота, первозданное Ничто, ледяной космический вакуум. Чуть слышно потрескивало в наушниках, воздух, шурша, как осенние листья, струился по трубкам регенератора. Тук-тук, тук-тук — стрекотали кузнечики. Это счетчики Гейгера вторили космическим ливням. Красное солнышко — совсем не красное, а нестерпимо ярко-голубое — висело над многоярусным валом, отгородившим кратер Коперника от моря Дождей. Искать приходилось именно здесь, внутри огромного круга девяноста с лишним километров в поперечнике.

Человек в пластиковом скафандре поднялся, привычным движением поправил защитный свинцово-цинковый зонтик, пронзенный серебристым стержнем антенны, и зашагал вперед. Он двигался не торопясь, осторожно переставляя ноги в тяжелых ботинках, время от времени касаясь чутким трезубцем-искателем холмиков мелких камней. Но каждый раз разочарованно поджимал губы и шел дальше. На первый взгляд он двигался бессистемно, все время забирая налево. Но если бы проследить его путь сверху, с птичьего полета, можно было бы убедиться, что сверкающая в солнечных лучах точка упорно полает против часовой стрелки, описывает круг за кругом разворачивающуюся спираль.

Так прошло еще несколько дол-

гих часов. Внутри скафандра зазвенел колокольчик. В который раз вспомнилось: «Пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед». Он оглянулся вокруг и, увидев плоский камень, примостился на нем, опустив ноги в расщелину. Горячее какао ласково щекотало горло.

Он продолжал размышлять. Несмотря на тревожное нетерпение, он ни на йоту не отступил от программы. Этим можно гордиться: малейшее отступление от скрупулезно разработанного учеными плана грозит его поиску неудачей. Он припомнил все детали прошедших дней: едва ракета огненным шлейфом коснулась Луны и легкий толчок возвестил о прилунении, он послал радиограмму на Землю и согласно инструкции лег отдыхать. Через шесть часов поднялся, облачился в скафандр, собрал необходимое снаряжение, включил стерилизаторы. Лишь после того, как синие язычки пламени тщательно облизали скафандр, открыл люк и выпрыгнул на серую ноздреватую и жесткую пену. На небосводе переливался извилистый Млечный Путь. Чуть в стороне висел огромный земной диск, похожий на блюдо из зеленоватого фарфора.

При тусклом свете Земли он собрал гелиостанцию с длинным изогнутым зеркалом и воткнул в пену металлический шест для антенны...

Обед окончен. Пора приниматься за поиски. Как в детстве, когда он мечтал о кладах. В теплые лунные ночи мальчишки часто убегали за город на озера. Там бродили среди развалин, копаясь возле старых замшелых плит. То же самое и теперь. Только вместо цветка папоротника у него в руке трезубец искателя, а вместо старого ялика, пахнущего дубовой корой и гликой, стоит под скалой ракета из дымчато-желтого титана. Нет ни потайного фонаря с оплывшей свечой, ни узловатой веревки, пропахшей озерной тиной, ни ржавого заступа, похищенного у соседа на огороде. Есть рентгеновский спектрометр для анализа горных пород, газовый хроматограф, певучие счетчики радиоактивных частиц...

Он встал, отряхнул со скафандра серебристую пыль и зашагал по воображаемой спирали, вдоль незримой силовой линии, расчертившей пространство.

Сколько раз хотелось поддаться соблазну, броситься в сторону от рассчитанного пути, чтобы попытать счастья! Сердце билось сильнее, дыхание учащалось, на лбу выступали капельки пота. Но за полмиллиона километров, там, на Земле, тревожно вздрагивали самописцы, фосфоресцирующие змейки на безмолвно-зеленоватых экранах щетинились тревожными пиками. Словно через черные бездны пространства ему передавалось беспокойство людей, следивших за осциллографами. И он брал себя в руки, кляня за мальчишество, и с размеренностью метронома продолжал путь...

Яростно голубевший солнечный диск подползал к горизонту, но все еще пылал прежним жаром. Ноздреватые камни, налитые огненным зноем, шелестели.

Он взобрался на пологую скалу, замеившуюся паутиной иссиня-черных трещин, огляделся вокруг и увидел... Ошибки быть не могло, пурпурный сверкающий круг, как яркое пламя, алел на фоне бесцветных лунных камней. Он смотрел и смотрел, наслаждаясь сочными переливами красок, что радужными чешуйками облепили мертвенно-серую пену. И вместе с ним глядели земляне. Пять миллиардов людей, прильнувших к жемчужно-светлым экранам. Он слышал их голоса, чувствовал их дыхание, видел, как малиновый лазерный луч, вырываясь из опалового яйца иконоскопа, укрепленного на его голове, уходит к Земле, чтобы разбиться на миллиарды осколков, зажечь на каждом телевизионном экране алый пылающий мак...

Он подбежал к пятну и опустился на колени. Сантиметр за сантиметром ощупывая почву, нашел, наконец, что искал: маленькое углубление, крошечную оспинку в каменном кружеве. Достал ломик и стал долбить твердую пену. Ага, вот и капсюльки — стальные цилиндрики с решетчатым дном. Никелированной ложечкой аккуратно наскреб из углубления горсточку серых крупинок. У него дрожали руки. Он открыл ранец и вынул микроскоп в прозрачном пластиковом мешочке. Поставил на уступ, загородил камнем от прямых лучей

солица, повернул зеркальце, чтобы установить нужное освещение. Руки двигались уже спокойно, уверенно. Вот они положили в крохотную золотую ступку, не больше наперстка, серую каменную крупинку и растерли ее в тончайшую пудру. Белой молнией вспыхнула и погасла платиновая петелька, прожженная очищающим электрическим током. Хрустальные покровные стеклышки прижаты зажимами к предметному столику. Как янтарь сверкает, переливается капелька кедрового масла на линзе конденсора. Медленно-медленно ползет тубус.

Что-то мало воздуха. Не заело ли клапан? Нет, все в порядке. На предметном стеклышке показалось крохотное темное пятно. Теперь осторожнее! Он уточнил фокус микрометрическим винтом. Показались иголочки, обломки каменных снежинок. Мертвая кристаллографическая структура. Все! Все! И для этого он прилетел сюда?! Двенадцать дней шагал по однообразному бездорожью, где каждый шаг непредсказуемо опасен. Тысячи раз погружал в каменистые россыпи трезубец искателя. От обиды хотелось плакать. Опустив голову, он присел на хрустящий ковер обсидиановых обломков. Статуя Печали, облаченная в космический скафандр...

Быть может, еще не все потеряно? Он вскочил и принялся растирать еще одну крупинку. Настроил микроскоп... Опять показались иголки, кристаллики... Ничего!.. Нет, что-то есть... Вот здесь, на краешке кристаллика. Он снова прильнул к микроскопу. Струной натянулся розовый лазерный луч, спешащий к Земле с доброй вестью. Крохотные кристаллики опутывала тончайшая желтоватая паутинка. Вот он — долгожданный мицелий, ветвящаяся по лунному субстрату коричневая сеточка микроскопических грибов.

Десятки раз биологи забрасывали стальные пробирки со спорами на Луну. Но ни один штамм микробов, ни одна бактерия так и не прижилась здесь, не выдержала метеоритных ливней, космических лучей, яростной смены жары и холода. Они с нежностью глядел на слабенькие ростки, сумевшие без скафандра и кислорода, без всякой помощи впервые укрепиться на инопланетном плацдарме. Название этой анаэробной разновидности грибов, входящей в класс фикомицетов, скоро будет у всех на устах. Он видел, как от мицелия уже поднимаются плодоносящие гифы, на их концах появляются шарики спорангий, набитые спорами, которые дадут жизнь следующему поколению, а то, в свою очередь, следующему, и жизнь, как пожар, охватывает когда-то мертвое небесное тело...

Чувствуя страшную усталость, медленно побрел к ракете. Но тревожная мысль заставила его остановиться. Солнце стояло совсем низко, почти касаясь пилообразной стены цирка. Еще несколько часов, и ночной мрак зальет кратер. А он улетит, так и не зная, прочна ли победа. Только одна проба оказалась удачной. Только одна...

Снова поставлен на камень микроскоп, расколота новая каменная крупинка. Но... желанной сетки мицелия нет. Еще пробу, еще... Опять неудача. Бессильный, стоял он в наступающем мраке. Погасло зеркальце микроскопа. Иней посеребрил линзы.

Он ощупью пробирался к ракете, освещая свой путь электрическим фонариком. Искорка жизни вспыхнула лишь один раз. И кто знает, сколько нужно труда и упорства, чтобы раздуть ее в неугасимое пламя.

Он шел по стынущей каменной пене, унося в кармане скафандра драгоценный росток, желтенькую паутинку, которая бросила вызов космосу.

НИЗШИЙ БАЛЛ

Владимир **МАЛОВ**

«Электронная обучающе-экзаменационная машина предназначена для ведения учебного процесса без помощи учителя... Чтобы ответить на вопрос, предложенный машиной, ученик должен нажать пять клавиш. На каждой клавише написана часть ответа. На каждую клавишу с правильным элементом ответа приходится по две клавиши с неправильными элементами. Таким образом, ответ строится так: сначала учащийся выбирает нужные клавиши, затем нажимает их в определенной последовательности... Правильно выбранная последовательность соответствует правильно построенному и логически обоснованному четкому ответу...»
Из инструкции по пользованию ЭОЭМ типа ВВ965М (2096 год)

В коридоре было пусто. Эрл оглянулся, осторожно толкнул дверь и, перешагнув порог, оказался в пустом классе. Уран вошел вслед за Эрлом.

Первое, что они увидели, — это странную машину, блестевшую своими никелированными боками на том самом месте, где еще утром была учительская кафедра. На передней панели машины вытянулись длинные ряды белых клавиш, а к боковой была прикреплена табличка: «Экспериментальная фабрика «Ученье—свет». Электронная обучающе-экзаменационная машина типа ВВ965М. Произведено в 2096 году».

— Здорово! — сказал Уран. — А еще утром на этом самом месте стояла наша учительница...

— На этом самом месте стоял стол, на котором лежал тот самый классный журнал, в который сегодня утром учительница влепила мне ту самую двойку, — уточнил Эрл.

— А завтра учительницы уже не будет, — продолжал Уран.

— Завтра нас будет учить эта вот штука, — заключил Эрл, похлопывая машину по никелированным бокам. — Ты достал инструкцию?

Уран полез в карман за инструкцией. Немного полистав ее, он нашел на передней панели машины большую кнопку с надписью «экзамен» и нажал.

— Это я делаю вручную, — сказал Уран. — А завтра машину включат на автоматическую работу.

— Задаст она нам завтра! — вздохнул Эрл. — Так, значит, нужно нажать пять клавиш?

Он нажал наугад пять клавиш и поднял голову. На световом табло в убывающей последовательности замелькали цифры: пять, четыре, три, два, один, ноль, минус единица. На отрицательной единице веренца цифр остановилась. Уран широко раскрыл глаза.

— Вот это да! — воскликнул он. — Отрицательный кол!

Он заглянул в инструкцию и прочитал вслух:

— «В тех исключительно редких случаях, когда учащийся совсем не знает предмета, не знаком даже с его основами и никогда предметом не занимался, машина ставит отметки ниже двойки, вплоть до отрицательных...»

Уран внимательно взглянул на Эрла.

— Какой вопрос задала тебе машина?

— Я не смотрел, — растерянно пробормотал Эрл. — Просто нажал наугад первые попавшиеся кнопки...

Он прочитал вопрос, появив-

шийся на специальном табло, и глубоко задумался.

— Смелее! — подбодрил его Уран. — Машине задана программа по самому последнему материалу. Его объяснили только сегодня утром, и ты еще должен помнить...

Поколебавшись, Эрл нажал первую клавишу. Немного подумав, он нажал вторую. К третьей он протянул руку, моментально отдернул ее, нерешительно посмотрел на Урана и нажал соседнюю. Потом, пожав плечами и глубоко вздохнув, он нажал четвертую и сразу же пятую.

Табло показало минус два.

— Ответ по существу! — заметил Уран. — Вот что значит подумать.

Лицо Эрла вытянулось, он мрачно взглянул на машину и отрешенно сказал:

— Учительница не ставила мне отрицательных отметок. Никогда! А как я буду учиться дальше?!

С минуту Эрл молчал. В его голове мигом пронеслись воспоминания о построенной им когда-то машине времени и о связанном с ней приключении, о микроприемниках и микропередатчиках, предназначенных для квалифицированной подсказки. Это было при учительнице...

Потом Эрл поднял голову и пересчитал все клавиши.

— Сто пятьдесят... Знаешь ли ты, что за штука теория вероятности?

— Слышал, — сказал Уран. — А проходить ее мы будем только через три года, в девятом классе.

— А знаешь ли ты что-нибудь о теории соединений?

— Ее проходят в восьмом.

— Я тоже об этих вещах знаю немного, — задумчиво сказал Эрл.

— Но кажется... Нет, надо подумать.

Утром машина проверила домашнее задание, объяснила новый материал и приступила к опросу. Эрл отвечал последним, и в этот раз его ответ оказался твердым и положительным: немного погудев и пощелкав чем-то внутри себя, машина остановилась на положительной двойке.

— Растешь на глазах, — одобрительно заметил Уран, когда Эрл вернулся к своему столу. — Наверное, занимался всю ночь?

Не отвечая, Эрл достал из ящика стола толстую книгу.

— «Краткое изложение полной теории вероятности в шести томах, — прочитал вслух Уран. — Том первый».

— Положим, меня вызывают отвечать, — сказал Эрл, — из трех клавиш я выбираю одну. Какова вероятность того, что я ошибусь?

— Две трети, — немного подумав, ответил Уран.

— А если я отвечаю на два вопроса подряд?

— Две трети надо возвести в квадрат.

— Вероятность равна четырем девятым, — подсчитал Эрл. — Иными словами, вероятность того, что я ошибусь, отвечая два раза подряд, меньше одной второй. Соответственно, больше одной второй вероятность того, что один из двух моих ответов будет правильным. А двойка, прикрытая тройкой, уже не двойка!

— Верно! — подхватил Уран. — Как здорово! Значит, можно не учить урокн!

— Это не все. Всего надо нажать пять клавиш. И в определенном порядке. Сколькими способами можно нажать эти пять клавиш?

Уран пожал плечами.

— Число способов, очевидно, равно числу перестановок из пяти, — сказал Эрл, вытаскивая из стола вторую книгу. — А число перестановок из пяти равно, как известно, произведению целого ряда чисел, из которых большее — пять, а меньшее — единица. Значит, пять надо умножить на четыре, потом на три, на два и на единицу. Ответ — сто двадцать.

— Пять клавиш можно нажать ста двадцатью различными способами?! — воскликнул Уран.

— Да, — сказал Эрл, — и только один из этих способов будет самым верным. Это ответ на пятерку с плюсом. Но, кроме пятерок, можно ведь получать четверки, тройки и тройки с минусами. Значит, более или менее правильных ответов больше, чем один.

Это упрощает дело. Вот почему, друг мой, надо серьезно взяться за теорию вероятности... Ведь чтобы хорошо учиться, теорию соединений надо связать с теорией вероятности. И кое-что я сделал...

— Дети, — говорил директор, стоя перед классом. — Педагогический совет школы давно тревожит успеваемость вашего товарища Эрла. Эрл уровнем своих знаний приводит нас всех в ужас. Он не знает о свойствах медианы, проведенной в равнобедренном треугольнике, он не знает, зачем в предложении нужно существительное... За два месяца работы ЭОЭМ Эрл только один раз получил тройку. Педагогический совет школы, учитывая уровень знаний ученика Эрла, решил...

Зазвенел звонок. На секунду директор остановился. В коридоре автоматически включились динамики школьного радио.

— Школьник на пороге математического открытия, — сказал металлический голос диктора. — Недавно в Институт высших математических проблем имени Теоремы Пифагора пришел школьник Эрл. Он продемонстрировал ученым свои расчеты, представляющие собой новую попытку связать воедино теорию соединений и теорию вероятности. Полное решение проблемы положит, очевидно, начало новой научной дисциплине. Юный феномен, обратившийся к ученым с просьбой проверить, правилен ли ход его расчетов, казалось, был очень удивлен, когда узнал, что над решением проблемы пока безуспешно работают ученые многих стран мира.

— Эрл! — громко воскликнул директор. — Эрл!..

— Эврика!!! — донеслось с последнего стола. — Я нашел!!!

— Школьник Эрл заявил, что проблема соединения двух теорий в одну занимает его на протяжении вот уже двух месяцев, — сказал диктор.

Эрл вскочил со своего места, победным взглядом обвел класс, схватил со стола несколько толстых тетрадей, вдоль и поперек испещренных записями, и бросился к машине.

— Спроси, спроси что-нибудь! — кричал он, изо всех сил колотя по машинным панелям. — Я нашел!

Машина испуганно замигала разноцветными индикаторами и задала простейший вопрос.

— Молодец! — кричал Эрл, перекрывая своим голосом металлический голос диктора. — Сейчас отвечу...

Вдруг он остановился и перечитал вопрос. Не заглядывая в свои записи, он потянулся было к клавишам, но сдержался. Нахмурился, заглянул в тетрадь и только тогда неуверенно нажал первую клавишу. Прежде чем нажать вторую, Эрл еще долго что-то искал в тетради. Над третьей он думал около пяти минут и все больше хмурился. Четвертую Эрл нажал сразу. И, махнув рукой, — пятую. На табло вспыхнула пятерка. Пятерка сменилась четверкой, а четверка — тройкой. Тройка держалась чуть дольше других цифр, но потом она тоже исчезла, и цифры замелькали теперь уже с лихорадочной быстротой. На отрицательной восьмерке в машине что-то оглушительно затрещало, зажглись ярко-красные аварийные огни, а табло вспыхнуло неестественным зеленовато-голубым светом. Вдоль и поперек его расчертили сигнальные надписи «чрезмерная перегрузка». Потом аварийное устройство, наконец, сработало, и машина выключилась.

Эрл дрожащей рукой вытер лоб.

— Так и есть, — прошептал он. — Я опять ошибся. Я знал, как ответить на этот вопрос даже без своих расчетов.

Он заглянул в одну из своих тетрадей и поднял с пола карандаш...

— Полное решение проблемы имеет и огромное практическое значение, — в наступившей тишине говорил диктор. — Уже сейчас трудно перечислить все отрасли науки и техники, в которых положения новой научной дисциплины найдут самое широкое применение. Юный феномен, подошедший ближе всех к решению проблемы...

Карандаш Эрла быстро-быстро забегал по тетрадным листам.

ПРОСТО ХЛЕБ

Фантастический рассказ

Борис ЗУБКОВ, Евгений МУСЛИН *Рис. О. ДОБРОЛЮБОВОЙ*

Дерево для мотыги упало с неба. Буря взъерошила хворост на крыше бревенчатой хижины, погнала всплять воду в речке, так что мутная от паводка вода встала между берегов запрудой и вырвала с корнем молодой ясень, росший на высоком, подточенном водой и ветром берегу. Ясень, держа между обнаженными корнями ком земли, упал к ногам человека, когда тот искал, из чего смастерить рукоять для мотыги. Самих-то железных мотыжных налопатников у него имелось предостаточно. На колышках, вбитых в трещины бревенчатой стены его жилища, висели самые разные мотыжные лезвия: узкие и широкие, раздвоенные, как рыбий хвост, вытянутые наподобие птичьего клюва, с тремя и четырьмя зубцами и такие затейливые, что напоминали лист орешника после того, как облюбует его жук-листогрыз. Каждая мотыга имела свое мужское имя. На деревянных колышках висел Разрезатель Корней, Высекатель Искр, Землеруб и Тяжелый Удар.

Сняв с ясеня серую кору и обнажив радостно свежую желтоватую древесину, человек мастерил надежную рукоять, а тем временем весенняя земля поспела и ждала. Человек знал, что на много дней пути вокруг, а быть может, и на всей земле он один готовится к трудной и сложной работе. Видимо, потому он так долго перебирал мотыжные лезвия, пока не выбрал самое тяжелое и широкое, прозванное Делатель Мозолей. Ни один мужчина из его рода не решился бы приступить к земле с такой тяжелой и широкой мотыгой. Кроме того, он укрепил железо под прямым углом к рукояти, а это тоже многое значило: если лезвие узкое и легкое да еще пристроенное под острым углом к древку, то удар не потребует много силы, зато и землю только исковыряет, а не измотыжит как следует.

А когда изладил землеруб, человек вышел на поляну и бросил мотыгу круто вверх, так что она завертелась, засвистела, превратилась в мерцающий диск. Диск летел под облака, падал вниз, тут встречала его широкая ладонь, да так ловко, что диск разом превращался обратно в мотыгу и влипал самым концом рукояти в приготовленные для встречи пальцы. Вверх-вниз летал мерцающий диск, а человек, забыв про одиночество, громко смеялся, его тешила нехитрая забава, он называл ее Праздником Мотыги.

Потом наступил праздник Первого Удара, была упрямо упругая земля и камни. Главное, камни. Они высекали искры. Запах земли смешивался с запахом гари. Стальное лезвие быстро изузубривалось, и человек сокрушенно качал головой. Железо ковал и острил он сам, никто не помогал ему, и каждая искра, уносящая кусочек металла, больно колола в самое сердце.

Вечером, сидя у костра, он долго рассматривал израненное лезвие. Размышлял. И наконец, надумал закруглить края стальной пластины, чтобы при ударе о камень скользила она вбок и не наносила раны сама себе. Довольный своим открытием, человек уснул.

Ночью к потухшему костру подходил медведь, нюхал теплую золу и обиженно ворчал, когда угли, разгоревшись от его дыхания, красными пчелами жалили в нос. Медведь надулся от обиды и укатил мохнатым шаром восвояси.

Человек спал тревожно, но крепко, тем особым сном, каким спят долго не отдыхавшие люди, быстро и скомканно переживая во сне прошедшие заботы. Он улетал прочь от бревенчатого домика в совсем иной мир. Тяжело ворочался, подминая упругие ветки, служившие ему постелью.

Но поутру забыл о ночном беспокойстве. Нахмурился, увидев медвежьи следы, и заулыбался, вспомнив, что сегодня в руках у него побывают тяжелые горсти семян. Знал, что припорошенные тонкой серой пыльцой, желтые зерна ждут не дождутся, когда из темной кладовой их пустят на волю и в рост.

Он сеял из лукошка-севницы двумя руками сразу. Отправлял влево от себя щедрую горсть и одновременно — вправо. Так тоже умел не всякий, издавна привыкли сеять одной правой.

Сеял и зорко смотрел, куда падают крайние зерна. Примечал, чтобы, когда пойдет обратно, засеянные полосы ложились точно край в край. Наблюдал за россыпью зерен и в который раз жалел, что совсем одинок. Вот бы сейчас пришелся к делу шустрый паренек, сын. Он бы шагал поодаль и отмечал границы засеянного, втыкая в землю маленькие пучочки прошлогодней соломы. А так, как ни следи, поднимется хлеб где с проплешинами, где с низкорослой гущиной.

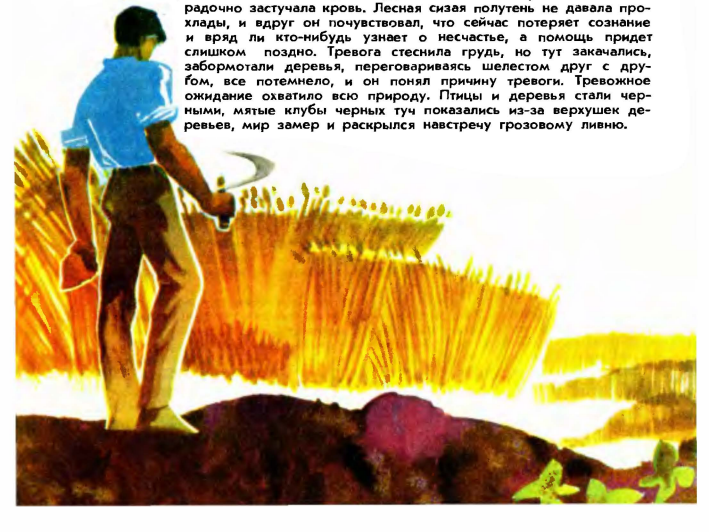
Но никто ему не помогал, и он старался не думать о своем одиночестве. Когда ни о чем не думаешь, руки работают ловчее.

Через день быстро, словно наспех, прошумел последний дождь. Разумеется, человек не знал, что дождь последний, что потащится за ним вереница сухих, пропыленных дней.

Вскоре окончательно застыло и укрепилось знойное, бездождное лето. Солнце с бессмысленной яростью вонзалось в землю, так, что соки земли кипели и испарялись. Воздух пожелтел и звенел от знойной сухости, а из реки, затопляя прибрежные кусты, поднимался белый пар.

Человек шел к реке и загребал руками этот пар, словно хотел захватить его огромной охапкой и разбросать по полю мелкими каплями, как недавно разбрасывал желтые зерна. Но пар ускользал, не оставляя на растопыренных пальцах ни малейшего влажного пятнышка.

Изнывая от жажды, земля потрескалась, и былинки, из последних сил сохранявшие зеленую свежесть, стояли возле трещин, как на краю пропасти. Пытаясь спасти умирающую ниву, человек решил привести к ней речную воду, прорыть глубокую канаву. Несколько дней исступленно крошил берег реки в том месте, где он ближе всего подходил к полю, но потом опомнился, сообразив, что здесь нужна не пара, а сотни и тысячи рук, вооруженных кирками и заступами. Опомнился и сбежал в лес; испугался, показалось ему, что забыл он, как чувствуют кожей освежающее прикосновение ветра, почудилось, что зной стоял всегда и будет стоять вечно. Тревожно и лихорадочно застучала кровь. Лесная сизая полутень не давала прохлады, и вдруг он почувствовал, что сейчас потеряет сознание и вряд ли кто-нибудь узнает о несчастье, а помощь придет слишком поздно. Тревога стеснила грудь, но тут закачались, забормотали деревья, переговариваясь шелестом друг с другом, все потемнело, и он понял причину тревоги. Тревожное ожидание охватило всю природу. Птицы и деревья стали черными, мятые клубы черных туч показались из-за верхушек деревьев, мир замер и раскрылся навстречу грозовому ливню.



Упали первые крупные капли. Он выбежал навстречу дождю, торопясь встретить его рядом со своей нивой. Бросил наземь выгоревшую до голубоватой белизны рубаху, подставил под сизо-серые струйки загорелые плечи, широкие ладони, жадно раскрытый рот. Но ливень обманул, жестоко обманул. Редкий перестук капель так и не слился в сплошной рокот настоящего дождя. Тучи лениво обошли сторонкой клочок земли, на который возлагалось столько надежд. Человека обуяло негодование, и он двумя кулаками погрозил небу и солнцу.

Лишь к концу лета разрешилось небо по-весеннему теплыми дождями, и колос налился. Пришла пора жатвы.

Бревенчатый домик построен тесно, для одного жителя, поэтому изогнутый жатвенный нож с мелкими зазубринами по внутреннему краю, что называли в старину серпом, заткнут был под самую крышу, чтобы в тесноте не напороться на него и не обрезаться. Конечно, находись кто-либо рядом, он, вероятно, устыдился бы жать серпом: все же испокон веков то было женское орудие. Но никто бок о бок с ним не стоял и всяких замечаний под руку не говорил.

Жал дотемна. Серп в свете луны сам как лунный полумесяц, а колосья и в темноте хранили золотистый солнечный отблеск. И когда отсекал от земли колосья, сверкал в одной руке лунный серп, в другой — пригоршня солнца. Смуглый человек — бронзовый полубог.

Летнее время тоже не потерял даром. За Ольховым озером нашел камень-жерновик, обтесал два маленьких жернова для ручной мельницы: нижний камень — лог, что лежит прочно на земле, и верхний камень — ходун, что вертится под рукой, ходит ходуном.

Жалко было зерна обращать в мелево — так они были красивы, хоть вставляй в оправу каждое зернышко. Хорошо перед этим просеял зерно, не было теперь в нем ни бараньего горошка, ни семян опьяняющего плевела.

Муку пересыпал в мучницу — кадку. Мука получилась отличная, по муке он особый знаток. Опустишь в нее руку — холодит, но не очень, внутреннее тепло все же ощущаешь, словно дотрагиваешься до живого тела. На зубах не хрустит, а стиснешь в горсти — сожмется в комок и тут же рассыпается, тоже словно живая.

Взял в руки первую лепешку, свежую, душистую, понюхал, преломил и... Со стороны реки раздался рокочущий гул. Из-за излучины крутого берега показался плывущий по воздуху новенький одноместный аэробус.

Человек вздохнул, положил лепешку в тонкий и прозрачный пластмассовый мешочек и шагнул за порог хижины.

Тем временем аэробус, тихо шелестя затихающим двигателем, опустился на землю. Человек откинул прозрачно-хрустальный колпак в носовой части машины и выключил автопилот.

Так кончился летний отпуск главного химика Института Синтетического Хлеба.

КОНКУРЕНТ

(ПОЧТИ ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ)

В. КАЩЕНКО

Давайте познакомимся — попугай Вася. Мне в следующем году сто девяносто один год исполнится.

Только под старость я зажил прилично. Ну, да все по порядку, как было.

В семье нас четверо: хозяйка, Марья Иванна, очень ученый человек, носит очки и на разных языках разговаривает; два ее племянника — Федя и Володя, и, конечно, я.

Федя уже совсем большой, все свободное время изобретает «Внутривизор» — такой прибор, чтобы посмотреть в человека и сразу понять, плохой он или хороший. Володя только в школу начал ходить, но как выучит уроки, тут же помогает старшему брату изобретать. Я ж за всем наблюдаю и всякие советы даю. Если потеряют клещи там или отвертку, тут же подскажу, где лежат.

И все было хорошо, но вот однажды пришел Федя домой, положил на пол тяжеленный сверток, отдышался и говорит:

— Володя, получили мы с тобой задание: сделать такого робота, чтобы он сам мог объяснить, как действует АТС.

Володя сначала выпалил:

— Здорово! — а потом несколько замялся и спросил: — Федь, что такое робот, я знаю. А кто это... АТС?

— Э-э, товарищ изобретатель, — улыбнулся Федя. — Пора бы знать. Это Автоматическая Телефонная Станция. От нее, как корни от дерева, во все стороны провода протянуты, к каждому аппарату. Она и телефоны между собой соединяет и нужный номер находит. Понял?

С этого все и началось. Несколько дней ребята только и делали, что паяли и стучали. У меня даже голова разболелась. Потом что-то соединили, что-то загорелось, повалил дым. Я чуть не задохнулся. Только успел крикнуть: «Карррaул!» — как потерял сознание.

Пришел в себя уже на кухне — Марья Иванна вылечила, и долго я жил потом в запертой клетке среди кастрюль. Ребята в комнатах с этим роботом возятся, Марья Иванна на службе... А мне одному такая скука, даже заикаться стал!

Как-то посмотрела на меня хозяйка и говорит ребятам:

— Не дело это, чтобы Вася один на кухне жил. Видите, какие у него глаза стали печальные. Он ведь вас, ребята, любит, скучает без вас!

Федя посмотрел на меня и даже смутился:

— Извини нас, Вася, было срочное задание! Сейчас я тебя обратно перенесу, в комнату. Робот уже готов!

Еду я на старое место, а сам незаметно перышки расправляю — все же не хочется в таком небрежном виде показываться этому... роботу.

Клетку, как и раньше, поставили у окна. Все нормально. А робот оказался просто каким-то чучелом из железа. Зря я прихорашивался. Чучело так противно, не мигая, уставилось на меня своим единственным глазом, что я не удержался и выпалил:

— Дурррак!

А чучело ответило:

— Сам такой!

Ну, знаете, на трех языках разговариваю — и чтобы какое-то ведро на курьих ножках так со мной обходилось! Очень я обиделся и решил с ним больше не общаться. Кончились с этого времени для меня золо-

тые денечки! Кто бы к нам ни пришел, все сразу к чучелу — восхищаются:

— Робот-то ведь разговаривает, и как!

Голос у него, между прочим, мерзкий, скрипучий... Просто удивительно, как может им нравиться. Федю все поздравляют. На меня никакого внимания! Раньше бывало: и «попочка», и «Васенька», и чего-нибудь мне вкусненького...

Дальше — совсем плохо. Однажды слышу, как Марья Иванна говорит на кухне Володе:

— Отнеси Васе яблоко. Это последнее, не забудьте завтра купить.

А Володя вошел в комнату, засмотрелся, как Федя подключает к чучелу телефон... и откусил от МОЕГО яблока! Поймите меня — я не жадный. Но даже когда мы с одним артистом по дворам ходили, крутили ручку музыкального ящика и мне за остроумие монеты бросали, я никогда себе ничего не присваивал. Все товарищу отдавал! Видно, здорово Володя увлекся, если так.

Стал я тут очень пристально наблюдать, что будет дальше. Федя подключил телефон к роботу разложил на полу листки с цифрами 1 2 3 4 5 6 7 8 9 0 и говорит Володе:

— Ты спрашивал, как АТС номера телефона ищет. Вот, смотри на эту модель.

Володя посмотрел на «модель» и, по лицу вижу, ничего не понял.

Тогда Федя его спрашивает:

— Как, по-твоему, сколько телефонов в нашем городе?

Володя помычал:

— М-м-м... Ну, много...

— В том-то и дело, что много! А как позвонить дяде Пете?

Володя, пожав плечами, твердо отвечает:

— Очень просто! Нужно, конечно, знать номер и набрать его диском.

— Верно! — говорит Федя.—Номер телефона дяди Пети: Д 4-65-91. Садись к аппарату и набирай! Только вообрази, что робот сейчас находится не у нас в комнате, а на АТС...

Володя повернул диск — буква Д. Как только он отпустил палец, диск закрутился обратно. Робот сделал пять шагов и замер у цифры «пять».

— Видишь! — торжественно сказал Федя. — Вот так и там! Когда диск вертится обратно, он посылает сигналы! От этих сигналов на АТС шагают ШАГОВЫЕ ИСКАТЕЛИ. ОДИН СИГНАЛ — ОДИН ШАГ!

— Здорово! — сказал Володя и снова укусил МОЕ яблоко! — Ну, а дальше как?

— А ты крути! — ответил Федя, поставив робота на старое место.

Володька повернул диск за цифру два. И снова, пока диск крутился обратно, чучело — тьфу, робот!.. Тьфу, уже шаговый искатель! — сделало два шага.

— Понял? — спрашивает Федя.

— Что понял? — чуть не подавился Володька.

— Дай сюда яблоко! — недовольно сказал Федя.

Молодец! Пора мне отдать. Только я так подумал, как и ОН поднес МОЕ яблоко ко рту.

— Теперь вообрази, — заговорил Федя, — что таких искателей — ну, конечно, не совсем таких — на АТС много, и все шагают по очереди: первый сделал свои пять шагов и замер, включив следующий. Повернул ты еще раз диск — уже двигается второй искатель. Тот отшагал свои четыре шага и включил третий. Короче говоря, если ты набираешь номер Д 4-65-91, то Д — ищет один искатель,

4 — второй,

6 — третий и так далее.

— Понятно, — сказал Володя, — диск значит командир, а его войско шагает там на АТС и повторяет все, как попугай!

Тут только они про меня вспомнили и уставились друг на друга. А от яблока уже один лишь огрызок! Нехорошо! Если и дальше так пойдет?!. Всю ночь я не спал — все думал, думал, наконец, кажется, изобрел! Значит, шагами искателя управляет диск телефона?..

Утром, когда все ушли, я потихоньку вылез из клетки, свалил трубку и повернул когтем диск. Искатель заскрипел и шагнул. Ух, как страшно! Я чуть было не удрал обратно...

Но взял себя в руки. Война так война! И давай крутить: шагай из дома! Шагай из дома! Шагай из дома!

Тут слышу, кто-то в передней ключ в замок вставляет... Я быстренько в клетку — юрк!

А «чучело» как раз замерло у самой двери. Слышу, ребята пришли... Распахивается дверь — и хлоп по чучелу!.. Оно кувырк! От обиды зазвенело!.. Ребята так и застыли с открытыми ртами. Вечером только и разговоров: «Как это робот сам чуть было из квартиры не убежал?..»

Конечно, его починили и снова гостям с его помощью объясняли работу АТС. Все сидят, на него любуются, а он важно, уже Фединым голосом, рассуждает:

— Как же искатели найдут номер 4-65-91? Очень просто! Представьте себе, что первый из них разгуливает среди десяти бумажек, по 100 рублей каждая. Этот богач по команде диска выберет четвертую.

Следующий искатель «победнее». Для него эта четвертая сотня разменена на бумажки по 10 рублей. Он по команде диска остановится у шестой.

Перед очередным искателем шестой десяток лежит уже отдельными рублями. Он, конечно, выберет по приказу пятый рубль.

Два последних искателя совсем уже «бедняки». Первый из них шагает среди гривенников, ну, а у второго работа просто копеечная. И как найдется нужная копейка, включится телефон дяди Пети. Пожалуйста, разговаривайте, если номер свободен...

А на меня за целый вечер даже никто и не взглянул. Скучно. Хочешь не хочешь — войну надо продолжать.

Вылез я утром из клетки, покрутил диск. Робот только поскрипел чуть-чуть, но ни с места, и вдруг резко говорит:

— Дети, телефон не игрушка!!!

У меня на нервной почве даже несколько перышек выпало. Только я раскрыл клюв, чтобы высказать все, что я о нем думаю, как пришли ребята и увезли его в какой-то «кружок юных техников»... И больше я с ним не встречался.

А у нас долго потом размышляли: «Как же это робот сам шагал?» Только Марья Иванна, по-моему, догадалась — принесла мне вкусненького и сказала:

— Ты, Вася, немыслимого ума птица.

Вот и все.

Бесценный подарок

Александр ХЛЕБНИКОВ

По сигналу общего вызова все собрались в кают-компании.

— Поздравляю с окончанием намеченных исследований на планете, которую ее обитатели называют Земля, — начал командир. — Теперь нам осталось только посетить ее соседку по системе и — домой!.. Должен отметить умение, с которым вы работали. Вы сумели провести исследования так, что земляне совсем не заметили нашего присутствия. Удалось скрыть от них даже место посадки звездолета. Таким образом, мы точно выполнили приказ Центра, не желавшего, чтобы из-за нашего пребывания на чужой планете произошел хотя бы малейший сдвиг в ходе исторического развития. Пусть все идет по своим законам. Земляне уже изобрели лук и стрелы, научились обрабатывать железо. Но до того момента, когда они построят первый космический корабль, у них еще путь во много тысячелетий. — На мгновение командир остановился.

— Однако мне не хотелось бы, чтобы мы улетели, не оставив жителям Земли какого-нибудь маленького памятного подарка. Досадно думать, что посещение планеты, сходной с нашей по биосфере, пройдет совсем бесследно. Жду ваших предложений.

Первым встал астрофизик:

— На обратной стороне спутника планеты мы можем соорудить какое-нибудь приметное сооружение и замуровать под ним информацию о теории пространства и времени, об использовании гравитации, о путях достижения личного бессмертия.

Командир задумался.

— Неплохо, — сказал он потом. — Когда люди выйдут в космос, первый объект вне планеты, который они достигнут, будет, несомненно, ее спутник. Информация, предложенная тобой, окажется им полезной. Но не будет ли ею задето их достоинство? Ведь это примерно то же, что ученику подсказывать ответ на задачу, которую он еще не начал решать.

Командир обвел всех взглядом.

— И еще одно возражение. До поры, пока люди не вырвутся в космос, наш дар будет лежать мертвым капиталом, не принося никакой пользы.

— А разве возможно иное? — удивился бортинженер. — Что еще можно предложить обитателям планеты, стоящим в данный момент на одном из первоначальных этапов развития?.. С ними у нас не может быть общего языка... По крайней мере до тех пор, пока они по развитию не станут на несколько порядков выше.

— Понятия добра и зла доступны всем разумным существам, — возразил биолог. — Я предлагаю уничтожить на Земле все болезнетворные для них вирусы и бациллы. В будущем люди догадаются, кому они обязаны таким подарком.

— И вряд ли похвалят нас за него, — улыбнулся командир. — Такой подарок очень опасен. Благодаря ему изнеженный организм людей, не закаленный в жестокой борьбе за жизнь, всегда будет на волосок от уничтожения. Представьте, что на Землю залетит метеорит с какими-нибудь стойкими вирусами или даже комок пыли — и конец роду людскому?

— Лучше сделаем так, — сказал энергетик. — Растопим все льды на Земле. Пусть здесь всегда будет хороший климат.

— Вряд ли стоит это делать, — ответил командир. — Придет день, когда люди справятся с этой задачей сами. Но не это главный мотив, из-за которого я отклоняю проект. Вы увлеклись и забыли приказ Центра — не влиять на ход исторического развития...

Кибернетик, самый молодой член экипажа, молчал.

— Ну, а что скажешь ты? — обратился командир к нему.

— Пока ничего. Чтобы предложить что-то, мне нужны более конкретные данные.

— Они простые, — сказал командир. — Дар людям должен быть полезен для них, относительно вечен, неисчерпаем, годен для цивилизации, начиная с низшей и кончая самой высокой формацией, понятен им даже теперь, приятен...

— Достаточно, — засмеялся кибернетик, — надеюсь, что малый электронный мозг справится с такой задачей.

С разрешения командира кибернетик ушел в рубку к ЭМу, сказав на пороге:

— Ответ принесу к обеду!

— Самоуверенный парень, — пробурчал астрофизик вслед.

Астрофизик по старинке не доверял молодежи.

В час обеда собрались снова. Кибернетика не было. Он появился только ко второму блюду.

— Решая задачу, ЭМ перегрелся, пришлось чинить, — объяснил он свое опоздание.

— Какой результат? — спросил командир.

— Отличный! — Кибернетик показал квадрат, разделенный на черно-белые клетки, со стоящими на них крошечными фигурками.

— ЭМ назвал это шахматами, — заявил кибернетик и, видя всеобщее недоумение, пояснил: — Чтобы создать правила пользования ими, ЭМу пришлось до конца использовать всю свою мощность.

— Неужели шахматы отвечают всем условиям? — спросил командир недоверчиво.

— Вполне! — уверенно ответил кибернетик. — Давайте я покажу, как ими пользоваться.

Командир и кибернетик сели за доску. Заинтригованные члены экипажа, забыв про обед, столпились возле...

* * *

Штурман опомнился первым.

— Что мы делаем? — воскликнул он. — Мы прозевали момент отлета! Теперь придется долго ждать благоприятного соотношения планет в пространстве.

— Не горячись, — рассеянно сказал командир. — Как люди называют планету, на которую нам надо завернуть?

— Марс...

— Марс подождет! — твердо сказал командир.

Он вновь склонился над доской. Взгляд командира был задумчив и озабочен.

— А что, если я начну так: e2 — e4?..

Четыре цвета

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

(Рассказ печатается с сокращениями.)

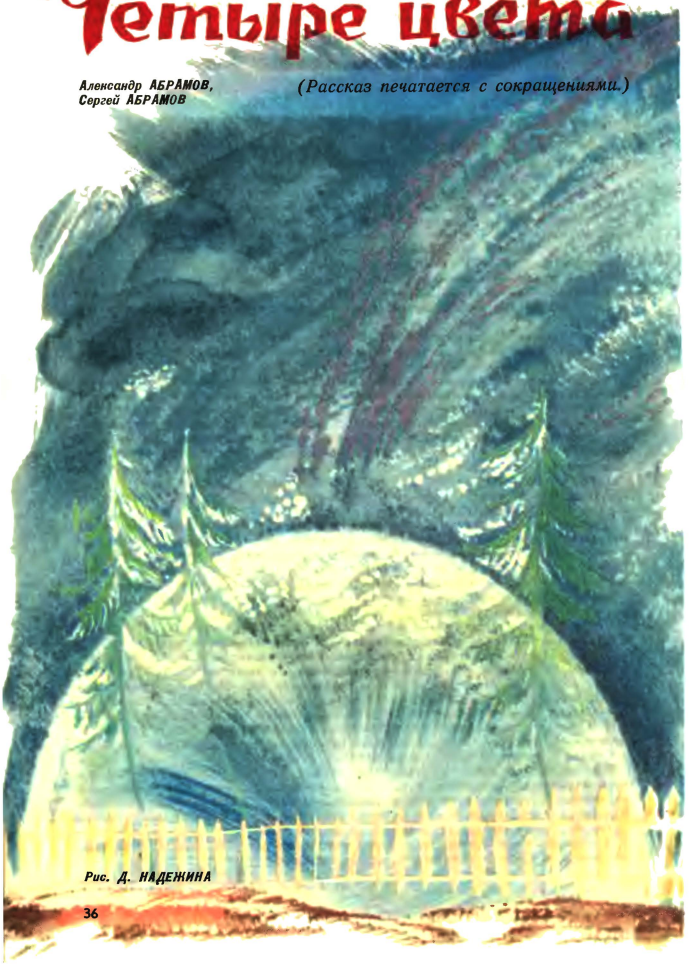


Рис. Д. НАДЕЖИНА

БЕЛЫЙ

1

В конце июня во второй половине дня — точное время до десятых секунд включительно вы найдете в июньских комплектах газет — все астрономические станции Советского Союза зарегистрировали появление в земной атмосфере небольшого космического тела — метеорита, прочертившего в своем падении гигантскую светящуюся линию, особенно хорошо наблюдавшуюся на фоне низкой облачности в центральном районе европейской части СССР. Падение метеорита, весьма незначительного по своему объему, произошло в непосредственной близости от Москвы, в шести километрах от Киевского шоссе, в дачном поселке Марьясино, на территории одного из местных садовых участков. При падении метеорита наблюдались интересные атмосферные явления, причины которых пока еще не ясны. Самый метеорит, равно как и место его падения, был обнаружен и обследован специальной комиссией Академии наук СССР. Данные наблюдений в настоящее время тщательно изучаются.

2

Котов зябко поежился: на дворе июнь, а спиртовой столбик в термометре еле-еле дотянулся к тринадцати.

Закутавшись в старенький дачный плащ, в котором он так и сидел на веранде, он снова, в какой уже раз, оглядел шахматную доску с расставленными на ней фигурами. Нелепая партия! Как мог человек, игравший белыми, не начинающий, а опытнейший турнирный боец, довести ее до такой катастрофы? Ведь иначе положение белых и назвать было нельзя. А они все-таки на что-то надеялись. На что? На вечный шах? Котов еще раз подсчитал варианты и развел руками: даже Петросян или Таль не спасли бы партию белых. А все-таки что-то было в этой партии, какая-то загадка, какой-то намек. Какой?

«Не по зубам орешек, товарищ следователь, — подумал вслух Котов и машинально повертел в руках белую пешку. — Проигрывают белые. В любом варианте. И нечего голову ломать: все ясно — и дело и партия». Он со злостью швырнул пешку в коробку с шахматами и встал. А все-таки темнота. Не мог Логунов проиграть Андрею, да еще так проиграть. Не мог!

Он решительно шагнул к лесенке, ведущей в сад, и обомлел. Беспросветно серое небо вдруг рассекла надвое огненно-белая полоса — тоненький луч прожектора, искривленный в воздухе неведомой прихотью оптики. А самый воздух вдруг наполнился оглушительным, яростным свистом, мгновенно сдавившим барабанные перепонки, и мимо остолбеневшего Котова пронесся раскаленный сфероид — точь-в-точь шаровая молния величиною в бильярдный шар. Пронесся и упал в клумбу возле сарая со всякой всячиной, разметав добрую тонну земли. Котов невольно присел, ожидая взрыва. Но все было тихо. А яркая полоса, расколовшая небо, расплывалась и таяла в облачном свинце над пиками елок.

И в двадцати шагах от Котова там, где скрылся в земле раскаленный шар, вздымалось и нарастало белое зарево.

«Пожар!» — мелькнула мысль.

Но то был совсем не пожар. Ничто не горело, нигде не прорывались желтые языки пламени, не потрескивала высохшая древесина, не клубился дым. Деревья не пожухли и не почернели, сарайчик стоял целехонький, только в полуметре от него на месте развороченной клумбы с гвоздиками зиял трехметровый кратер с земляным валом вокруг. А над кратером растекалось в воздухе что-то прозрачно сверкающее, как подсвеченный изнутри фонтан. Чем больше смотрел на него Котов, тем больше изменялся он у него на глазах. То свертывался ослепляюще белыми лепестками, как кувшинка в ночном тумане, то раздувался в воздухе огнедышащим шаром. Чаще всего шар сплющивался снизу, образуя ровный купол-полусферу, пламенеющую внутри.

Котов шагнул по дорожке к этому странному пламени и вскоре остановился: навстречу ему дохнуло жаром. «Ближе не подойти, — подумал он, — изжаришься».

Он услышал скрип калитки и обернулся. По дорожке к дому спешил его сосед Родионов, полковник в отставке. Неожиданное событие, нарушившее ленивое спокойствие вечера, застало его на улице.

— Повезло тебе! Гость из космоса!

— Незваный гость. Чуть сарай не спалил.

— Зато согрел. По-сочински парит.

— В самом деле тепло, — удивился Котов и сбросил на перила плащ.

А за оградой уже шумела увеличивающаяся толпа, пока что не решавшаяся просочиться в калитку.

— Здорово, старик, — возник перед Котовым Славка Шадрин, археолог-неофит, коротавший первый свой отпуск на даче у родителей. — Не обошли тебя мировые катаклизмы.

Потом в калитку боком протиснулся худощавый брюнет лет сорока, рано поседевший и оттого выглядевший едва ли моложе Родионова. Котов знал его: Микульский, нейрофизиолог из голубой дачи напротив. Работал где-то в университетских клиниках и сюда наезжал случайно и редко. Соседи по улице называли его крупным специалистом, что, возможно, и соответствовало действительности: не так уж много у нас сорокалетних профессоров.

— Что скажете? — спросил Котов, пожимая сухощавую руку Микульского.

— А что говорить? — перебил Славка. — Подумаешь, событие: обыкновенный метеорит.

— Едва ли обыкновенный, — заметил Микульский. — Свечение неклассического типа. Одна только спектрограмма может многое рассказать, когда он остынет.

Сквозь толпу на улице прорвался в сад еще один гость: толстяк, председатель садового кооператива, уже успевший позвонить в Москву. Войдя, он тотчас же замкнул на замок калитку и подопел к дому почему-то на цыпочках.

— Едут, — сказал он, отдышавшись. — Уже полчаса, как выехали. Скоро будут.

— Кто? — спросил Славка.

— Из комиссии по метеоритам, — толстяк воззрился на белое пламя.

— Клад, — сказал Славка, деловито нахмурившись и подмигивая

Микульскому. — Из чистого золота шарик.

— Да ну? — удивился толстяк. — Самородок?

— Кто знает? — принял эстафету Микульский. — А вдруг из урана? Тогда все мы и они, — он кивнул на толпу за оградой, — находимся в непосредственной опасности. При расщеплении ядер урана выделяется большое количество радиоактивного вещества. Пока еще неизвестен характер излучения.

Толстяк, даже не дослушав, уже пятился к калитке и тотчас же исчез за оградой.

— Граждане, — голос его дрожал, — скопляться не советую. Может быть радиация. Никто не знает.

Толпу у забора словно ветром сдунуло, а Славка даже отступил к веранде. От неожиданности Родионов и Котов переглянулись.

— Вы пошутили, конечно, Феликс Юрьевич? — осторожно спросил последний.

— Да как вам сказать, — сдержанно ответил Микульский. — Хотел пошутить. Но, честно говоря, не уверен. Может быть, это чисто оптическая иллюзия, а возможно, эта световая пульсация сопровождает какое-то проникающее излучение. Счетчиков ведь у нас нет — не проверишь.

3

Ждать не пришлось. У калитки затормозила голубая «Волга», и в сад ворвался кряжистый, густоусый старик. Он потоптался у калитки и, обернувшись к машине, не закричал — взмолился:

— Скорее, Коля! Ничего подобного мы с вами еще не видели. Рентгенометр быстро!

Из машины, согнувшись, вылез долговязый Коля с черным пластмассовым ящиком на груди. Оба, не здороваясь и не глядя на стоявших у дома, бросились к яме. Несколько секунд они стояли молча, не подходя слишком близко к огню или свету, потом Коля начал производить измерения.

— Ну как? — спросил усач.

— Порядок, — сказал Коля.

— А точнее?

— Радиации нет. Стрелка на нуле.

— Бэта- и гамма-излучение проверил?

— Что я, маленький? — обиделся Коля.

— Ну, хорошо-хорошо, — заторопился усач. — Сделаешь спектрограмму, а сюда кинокамеру... Температуру проверил? Сколько?

— Тридцать два!

— ТЭЦ, а не камешек, — сострил Славка.

Тут усач словно впервые разглядел собеседников.

— Простите, — сказал он, — забыл представиться. Профессор Лазарев из комиссии по метеоритам. А это лаборант, — он кивнул в сторону Коли. — С кем имею честь?

Стоявшие у дома назвали себя. Услышав фамилию Микульского, Лазарев поморгал глазами, что-то вспоминая.

— Микульский... Микульский, — повторил он. — Физико-химические основы подсознательной памяти?

Микульский засмеялся.

— Угадали.

— Очень уж много неясного, — сказал профессор. — Странный метеорит. Да и метеорит ли это? Кто-нибудь наблюдал за его падением?

— Я наблюдал, — ответил Котов и стал рассказывать.

Лазарев слушал, не перебивая, иногда помечал что-то в маленькой записной книжке.

— Это и странно, — он поднял голову от записей. — Метеорит может достигнуть поверхности земли только при малых скоростях

падения, порядка пятнадцати-двадцати километров в секунду. Но в этом случае он должен быть лишь чуть теплым, а этот... — он замолчал, машинально перелистывая записную книжку.

— Как вы его заметили? — спросил Микульский.

— При входе в атмосферу.

— Данные радиолокации?

— Обычное радиоэхо. Ионизированный след с высоты ста с лишним километров.

— А спектр?

— Довольно необычный.

— Линии ионизированного кальция?

— Их нет.

— А какие звуковые эффекты наблюдались при падении?

— Свист, и только. Оглушительный свист. И тишина. Ни грома, ни взрыва. Только свет.

— Н-да... — задумчиво протянул профессор. — Нужен еще один глаз.

— Чей? — спросил подошедший Коля.

— Придется ехать за академиком.

ЖЕЛТЫЙ

1

После того как профессор уехал, компания разделилась. Славка с Микульским пошли смотреть метеорит, а Котов и Родионов поднялись на веранду. Последний тотчас же обратил внимание на партию, оставленную Котовым все в той же позиции на доске.

— Сам с собой играешь? — засмеялся Родионов. — Ну и нагородил.

— Не моя партия, — сказал Котов.

— Вижу. Сапожник белыми играл.

— Умер этот сапожник. А он, между прочим, кандидат в мастера.

Родионов посмотрел на доску, потом на Котова.

— А играл с кем? С Ботвинником?

— С мальчишкой играл, с племянником. И не играл, а учил. Ферзя вперед давал. А партия эта не просто партия, а вещественное доказательство.

— Чему?

— Тому, что племянник находился в одной комнате с дядей, когда у того начался сердечный приступ, не помог ему, не вызвал врача, а ушел с пачкой дядиных кредиток из письменного стола.

— Так что же здесь думать? — удивился Родионов.

— А ты видишь партию? Старший Логунов играл белыми — это доказано. А мог так играть кандидат в мастера?

— Не мог. Впрочем... если конем е на g4?

— Ну, шах. А дальше?

— Еще шах.

— Прикидывал. Ерунда получается. Никчемная серия шахов, король черных на g1 и — привет, как говорится.

— Жаль, — вздохнул Родионов. — Красивая комбинация, если бы слева подкрепить. Да нечем.

Мысль Котова упрямо возвращалась к злосчастной позиции белых. Что-то в ней смущало его, раздражало, заставляло снова и снова перебирать возможные варианты. Что-то знакомое было в этой позиции, где-то он уже видел ее. Где?

— Все та же позиция? — подмигнул Родионов. — Вечный шах ищешь?

— Ищу.

Котов спустился в сад и побрел по дорожке к сараю, но вдруг остановился в изумлении.

Свет менял окраску.

Снизу словно поднимался желтый туман, заполняя серебристую полусферу. Он как бы клубился внутри, образуя странное вихревое движение. Купол становился матово-желтым, а в глубине его вспыхивали золотистые огоньки, как бенгальские искорки.

«Никак прохладнее стало? — подумал Котов. — Не парит, подойти можно». Он осторожно подошел ближе — стало ничуть не жарче. Шагнул на вздыбленный край ямы и протянул руку — не обожгло. Только нагретый воздух пахнул в лицо и в глазах замелькали танцующие огни. Он нагнулся над ямой, и свет ударил ему прямо в лицо.

Он зашатался, но выпрямиться уже не смог.

«Сейчас упаду», — подсказала мысль.

2

Но он не упал.

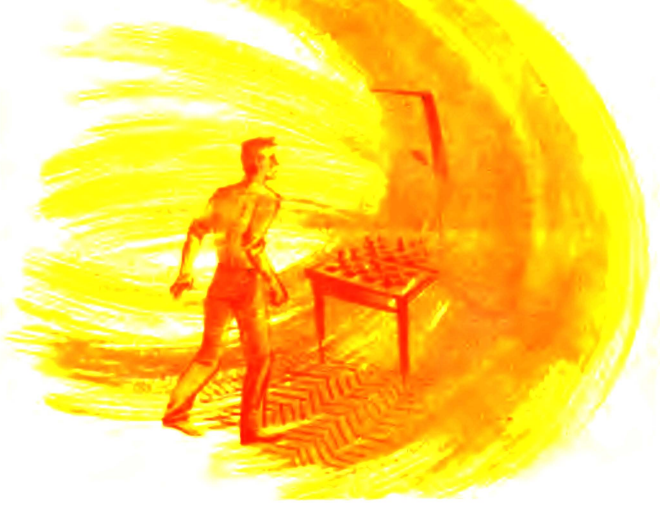
Желтый вихрь все еще кружился перед глазами, расплываясь в нагретом воздухе. Земля странно скрипнула под ногами. Котов удивленно взглянул вниз и увидал... паркет. Комнатный паркет, натертый до блеска. Он даже заметил выбоину в паркетной дощечке: сюда он как-то уронил со стола тяжелое пресс-папье.

«Так ведь это же было в Москве», — испуганно вспомнил он и оглянулся, рассчитывая увидеть знакомую картину сада. Но его окружало другое: обеденный стол, покрытый литовской скатертью, телевизор в углу, стеллажи с книгами и большое, в человеческий рост, зеркало у стены. Непонятно, почему он вдруг очутился в своей московской квартире. И так все ясно виделось. Сон? Может быть, он задремал, сидя на ступеньках веранды. Но ведь он прямо прошел в сад к желтеющему зареву над кратером у сарая. Он вспомнил, как удивился, что купол изменял цвет, пожелтел, как заклубились в нем золотые вихри, как протянутая рука его ничего не встретила и не ощутила: ни жара, ни пламени. Потом он заглянул вниз и... очутился у себя дома в Москве.

Нет, он все помнил, ни на одно мгновение не терял сознания, чудо произошло мгновенно, естественно и прозаично, как смена кадров в кинематографе.

Он огляделся вокруг и вздрогнул. Не от страха — от изумления. К зеркалу был придвинут телевизорный столик, а телевизор вопреки законам тяготения стоял или, вернее, висел в воздухе на прежнем месте. На столике же стояла доска с шахматами. При этом половина ее находилась в комнате, а другая половина продолжалась в зеркале. Именно, продолжалась, а не отражалась. Зеркало, как простое стекло, разрезало партию: белые вели игру из комнаты, черные — из зазеркалья. А вместе они занимали знакомые клетки в знакомой позиции, которую он только что показывал Родионову на дачной веранде.

(Окончание следует)



Четыре цвета

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Рис. Д. НАДЕЖИНА

(Окончание. Начало см. в № 7)

Котов подошел ближе и склонился над этой «двойной» доской.

— Так не бывает, — сказал он тихо.

— Бывает, — раздалось в ответ.

Он поднял голову, испуганно вглядываясь в собственное отражение. Отражение не повторило его движения. Оно просто смотрело на него и улыбалось, явно забавляясь его испугом.

— А интересная у белых позиция, — усмехнулся человек в зеркале.

Котов скривился.

— Издеваешься? Что же интересного в разгроме?

— Ты же знаешь, что у белых не эта позиция, — подчеркнуло отражение в зеркале, — знаешь, только забыл.

— Что-то забыл, — согласился Котов, — но что?

— А ты вспомни.

Котов задумался. Как это было? Телефонный звонок бросил оперативную группу на тихую московскую улочку в районе Чистых прудов. Здесь, в старом доме, в большой и, как принято говорить, густонаселенной квартире примерно в десять часов вечера умер от инфаркта изобретатель Николай Логунов. Группу вызвал старшина милиции, у которого возникло подозрение, что инфаркт был рассчитанно обусловлен и сопровождался кражей крупной суммы денег из письменного стола пострадавшего. Деньги были найдены у его племянника, проживавшего в том же доме. Андрей часто заходил по вечерам к старику посидеть за шахматами, но ни разу не выигрывал.

И в этот вечер он был у дяди. Котов вспомнил торопливый говорок соседки:

«— Я подошла к двери: ждала подругу. А он позвонил.

— Значит, вы открыли ему дверь?

— Конечно. Он прошел к дяде, а я задержалась...

— Почему?

— Искала шарфик у вешалки. А у Логунова дверь рядом».

Соседка, конечно, врет. Никакого шарфика она не искала. Просто подслушивала. Племянник просил денег: не хватало двухсот рублей на квартирный пай.

«— А Логунов?

— Засмеялся. Предложил сыграть. Сначала, мол, партию, а потом о деле».

На допросе Андрей утверждал, что дядя все-таки дал ему деньги и он тотчас же ушел, никого в коридоре не встретил.

— Значит, все улики против него, — размышляя, сказал Котов.— Остался у дяди. Сыграли партию. Может быть, даже не одну. Ссора. У старика — приступ, а племянник преспокойно уходит с деньгами.

— Значит, ты не веришь в виновность племянника?

— Не верю, — решительно произнес Котов.

— Ну что ж, — миролюбиво откликнулось отражение. — Проверим. Как мы уже понимаем, ключ

памяти

к тайне в шахматной партии. Узнаешь позицию? Ты, конечно, шахуешь?

— Вечного шаха нет. Я проверил.

— Зачем тебе вечный? Начни с коня, g4. Так?

— Допустим.

— Дальше серия шахов: пешкой h, пешкой g, слоном d, ладьей h, и король черных в панике отступает на последнюю для него линию.

Котов поморщился: сколько раз он прикидывал этот бессмысленный вариант на доске.

— А потом? — устало проговорил он. — Потом король белых добровольно ложится на доску. Чистое туше, как говорят на ковре.

Человек в зеркале встал. Это был тот же Котов, только вывернутый справа налево и почему-то сугубо серьезный, как на торжественных заседаниях.

— Что вы нашли возле тела? — вдруг спросил он.

— Опрокинутую коробку с шахматами.

— И все? — усмехнулось отражение.

— Пожалуй, нет, — вдруг вспомнил Котов. — Ладья и три пешки лежали по другую сторону тела. Левый фланг! — закричал он. — Все ясно. Падая, он сбросил их с доски.

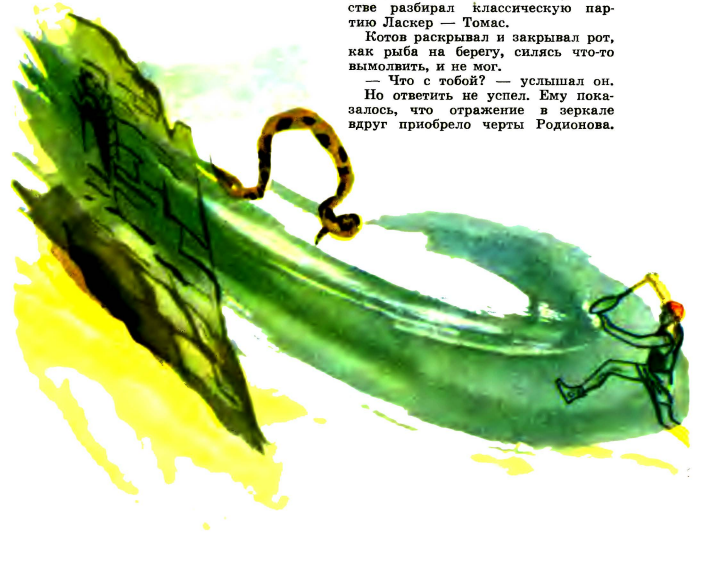
Последние слова он произнес как стихи. Все в нем пело.

— Ну вот и вспомнил, — спокойно констатировал зазеркальный его собеседник. — И сообразил. Конечно, ладья а и три пешки abc стояли на своих местах. Он не играл с племянником. Он в одиночестве разбирал классическую партию Ласкер — Томас.

Котов раскрывал и закрывал рот, как рыба на берегу, силясь что-то вымолвить, и не мог.

— Что с тобой? — услышал он.

Но ответить не успел. Ему показалось, что отражение в зеркале вдруг приобрело черты Родионова.



ЗЕЛЕНЫЙ

1

С того момента, как Котов спустился в сад, и до того, когда его отсутствие заметили на веранде, прошло не более пяти минут. Родионов первый увидел его у светящегося купола и сначала даже подумал, что он вопреки законам равновесия не стоит, а висит над ямой с метеоритом. Он подхватил его под руки и тут только заметил, что Котов как бы очнулся, а до того стоял не шелохнувшись и с закрытыми глазами.

— Столбняк или обморок? — пошутил он, когда они вдвоем со Славкой привели Котова на веранду.

— Ни то, ни другое, — сказал Котов. — Сон. Очень странный и очень результативный сон. Но почему наяву? И почему именно во сне я вспомнил забытое? — он обращался к Микульскому.

Тот ответил не сразу. Видимо, ответ был неясен ему самому.

— Трудно сказать. Может быть, это результат излучения видимого или невидимого. Мгновенное напряжение памяти, как в опытах с электротоком. То, что хранилось в кладовой подсознательного, переключалось в область сознания. Нечто вроде химической реакции, в которой роль катализатора сыграло неведомое нам излучение. Впрочем, все это только догадки.

— А цвет? — спросил Котов.

— Какой цвет? — не понял Микульский.

— Был белый, стал желтый.

— А теперь зеленый, — сказал Славка.

Желтая хрустальная чаша над кратером действительно зеленела. Золотистый газ, клубившийся внутри нее, стекал все ниже и ниже, уступая место то мигающим, то сливающимся зеленым огням светофоров. Этот зеленый костер разрастался все шире и шире, заполняя всю трехметровую полусферу над кратером.

Неожиданно Славка молча одним прыжком перемахнул перила веранды.

Родионов обеспокоенно взглянул на Микульского.

— А это не опасно, Феликс Юрьевич?

Микульский молча пожал плечами: смешно, мол, его об этом спрашивать, когда явление непонятно даже специалистам.

А Слава уже застыл в котовской позе над кратером.

2

Он не потерял сознание, как и Котов. Сначала даже не заметил никаких существенных перемен ни в своих ощущениях, ни в окружающей его обстановке. Даже горячий ветер, пахнувший ему в лицо, показался жаром из кратера.

Но, вглядевшись, он не увидел ни развороченной ямы с метеоритом, ни бушевавшего над ней зеленого костра. Сбоку тянулась аккуратная глубокая канава-раскоп, уходившая сквозь слой песка в твердый глинистый грунт. Осыпающийся песок струйками стекал по стенкам раскопа на дно. Впереди подымались остатки разрушенной ветрами и временем крепостной стены, косо обрывавшейся у раскопа.

«Сплю, — весело подумал Славка, — что-то будет?!»

Он сразу вспомнил, где он и что именно его окружает. Сон воспроизводил прошлогоднюю летнюю практику в песках Каракумов. Но почему он один? Где же археологи? Очевидно, ушли к становищу, забрав свой нехитрый инструмент, — рабочий день экспедиции, должно быть, уже закончен. Славка еще раз оглядел осточертевшие ему развалины древнего парфянского города, поправил на голове тюбетейку и подкинул ракеткой теннисный мяч.

Так вот почему он остался. Славка был теннисистом, и не каким-нибудь приготовишкой-любителем, а славой института — без пяти минут мастером спорта. Ракетку для тренировки и теннисные мячи он взял с собой в экспедицию, хотя и знал, что партнеров у него там не будет. Но тренироваться можно и без партнеров: была бы стенка. И стенка нашлась — кусок каменной крепостной бойницы, куда он с терпением Сизифа приходил на закате после рабочего дня.

Он подбросил в воздух мяч и послал его в стенку, отбил, достал ракеткой и снова отбил, каждый

раз увеличивая силу удара. Последний удар был особенно силен — он даже чуть-чуть своротил наверху древнюю парфянскую кладку. Трещина меж камнями расширилась, обнаружив уже не желтый, а бурый темный провал, в котором что-то зашевелилось.

Мяч, отскочивший от стенки, упал к ногам Славки, но тот даже не взглянул на него. Из трещины с пронзительным шипением высунулась треугольная голова черно-желтой змеи.

Змея, шурша по песку, подползла ближе. Славка почувствовал, как по спине под ковбойкой потекла липкая струйка пота. Ну, держись, старик. Сейчас прыгнет. Ноги его сами собой привычно согнулись в коленках, ракетка застыла, как взведенный курок.

Черной молнией — в прыжке желтые пятна уже не различались — метнулась вперед гюрза, и в то же мгновение, не опоздав даже на сотую долю секунды, Славка выбросил руку навстречу. Удар был сильнее, чем подача на корте, но рука теннисиста не дрогнула: отброшенная ракеткой змея перевернулась в воздухе и шлепнулась на песок.

Страх и оцепенение исчезли. Струйка пота на спине высохла. Славка ощущал себя если не гладиатором, то по крайней мере победителем Уимблдонского турнира.

Гюрза снова черной лентой мелькнула в воздухе. Славка встретил ее резаным ударом снизу закрытой ракеткой. Точь-в-точь, как знаменитый удар Черткова, лишивший Славку чемпионской короны. На этот раз Шадрин ревагировал еще быстрее. Бросок. Удар. И снова, встретив решетчатую преграду, беспомощно изогнулось в воздухе черно-желтое тело змеи. Все. Гюрза выдохлась. Неподвижным жгутом лежала она на земле, и только подергивающийся кончик хвоста говорил о том, что она еще жива.

Славка чуть-чуть расслабился. Он знал, своим «шестым чувством» знал, что это еще не конец. Знал и не волновался. Минутный отдых. Вдох. Выдох. А змея тем временем сокращает мускулы, снова готовясь к прыжку. Он снова ждал, как ждет на курке палец. Мгновение — и знакомую черную молнию снова встречает молниеносный удар. На этот раз не сеткой, а ручкой ракетки. Славка промахнулся. Но именно этот невольный промах и положил конец гейму. Змея тяжело шлепнулась у ног Славки и больше не шевелилась: удар размозжил ей голову.

— Слава, — услышал он, и чья-то рука обняла его за плечи.

Он открыл глаза и узнал Микульского.

3

За Микульским в зеленом сумраке белели испуганные лица Родионова и Котова.

— Сколько я спал, Феликс Юрьевич? — спросил Славка. Он уже пришел в себя.

— Минуты три.

Славка молча усмехнулся и пошел к веранде. Он шел такой задумчивый и сосредоточенный, что Котов поинтересовался:

— Сон видел? Вроде меня?

— Нет, не вроде, — сказал Славка, — мой по сравнению с твоим — это подвиг бригадира Жерара. Понял?

Котов не понял. Да и никто не понял, пока Славка не рассказал все по порядку. Аплодисментов не

было. Все молчали, ожидая, что скажет Микульский. Только он мог дать какое-то объяснение феномену. А он сказал:

— Не ждите от меня откровений, друзья. Я уже говорил об опытах усиления памяти. Может быть, мы имеем дело с каким-то подобным явлением. Что-то обостряет, усиливает механизм воспроизведения когда-то запечатленного в памяти. Словом, разные виды памяти.

— Не понимаю, — сказал Котов.

— Выражаясь популярно, что-то спрятано глубоко в копилке памяти, что-то лежит на поверхности. Что-то вы хотите вспомнить, что-то стремитесь забыть. Излучение как бы отбирает сильнейшее, независимо от того, где оно скрыто — в сознании или в подсознании. Мне, например, кажется, что излучение отсортировало у вас все, что вы знали о деле Логунова. Это вылилось в довольно странную форму, навеянную детской книжкой о стране-зазеркалье. А у Славы — другой вид памяти: память действия, когда-то им совершенного...

— Ошиблись, Феликс Юрьевич, — грустно перебил Славка, — в том-то и дело, что не совершенного. — Он оглядел недоумевающие лица собеседников. — Я ничего не соврал, только в действительности все было иначе.

— А именно?

— Все было. И стена, и змея, и ракетка. Только матча не было. Ни бросков, ни ударов. Перемахнул через раскоп — и ходу к лагерю. Обманула память.

— Нет, не обманула, — сказал Микульский. — Она воспроизвела все именно так, как вам бы хотелось. Могли вы остаться? Могли. Могли отразить нападение? Могли. Подсознательно вы жалели об этом, может быть, даже мечтали...

— Какая же это память? Выдумка.

— Память о выдумке. Память страстно желаемого, но уже невозможного. Придуманное, воображаемое где-то отложилось в подсознании, а сейчас всплыло. Другой вид памяти. Другой цвет.

— Совсем другой, — сказал Родинов. — Купол синеет.

СИНИЙ

Зеленое облако над кратером, в глубине которого горел невидимый с веранды метеорит, действительно меняло окраску. Зеленый хрусталь синел сверху вниз, и прозрачная синева эта словно стекала пылающим газом к земляному барьеру.

— Третий цвет памяти, — высказал общую мысль Шадрин.

— Четвертый, — поправил Микульский. — Белый забыли.

— Белый ничего не принес, кроме жары. Желтый вызвал действительное, зеленый — воображаемое. Интересно, что извлечет из памяти синий.

— Стоит попробовать, — сказал Родионов. — Или, быть может, вы хотите? — обернулся он к сидевшему рядом Микульскому.

Тот не ответил, молча вглядываясь в синий, струящийся, как на вывесках, газ, почему-то не растекающийся в темноте ночи.

— Нет, — проговорил он наконец, — не желаю. И вам не советую. Кто знает, какие изменения вызывает излучение в мозговых клетках? Обратимые или необратимые? Нормальные или патологические? Ваши предшественники здоровеконьки, и я не хочу их пугать. Но стоит ли рисковать вам? Новый цвет — новый вид излучения.

Родионов уже встал и шагнул к лесенке в сад.

— Мало ли приходилось рисковать в жизни, если риск стóящий, — сказал он, не оборачиваясь.

Его не останавливали. Он сделал то же, что и Шадрин, найдя отпечатки следов на рыхлой земле. Он даже присел поудобней, положив руки на согнутые колени и сунув голову в необжигающий синий газ. Но газ уже таял, сливаясь с окружающей темнотой.

— Опоздал, — грустно сказал Родионов.

Синий, светящийся изнутри купол над ямой с метеоритом действительно погас или растаял во тьме. Ни одной искорки света не пробивалось из кратера. Сад был наполнен прочной ночной темнотой, в которой таяли и сливались даже тени деревьев.

Торопясь и толкая друг друга, все бросились к яме.

— Не упадите, — предупредил Котов, чиркая спичкой.

Слабый огонек осветил черную яму и блеснувший в глубине кусочек металла. Холодный порыв ветра тотчас же погасил спичку.

— Может, за фонариком сбегать? — спросил Шадрин.

— Зачем?

— Посмотрим. Пощупаем. Вдруг еще не остыл.

— Не надо, — сказал Котов. — До приезда комиссии ничего трогать не будем.

— А что найдет теперь эта комиссия — кусок железа?

— Не знаю, — отозвался из темноты Микульский, — он опять думал вслух. — Может быть, что-то покажет химический анализ? Должны же быть какие-то элементы, вызывающие излучение. Может быть, даже удастся объяснить его цветовую гамму? А может быть, оно просто создавало низкочастотное магнитное поле? Любопытно бы во время ступора приблизить магнит к голове испытуемого. Ослабла бы галлюцинация или бы совсем исчезла?

— Пошли, Феликс Юрьевич, — вздохнул Родионов. — Нет у нас никаких данных. Уснула рыбка.

Секундное молчание, и потом тихий смешок Микульского.

— Золотая рыбка. Кое-что и нам принесла. Павел Михайлович блестяще решил тяжелую следственную задачу, Слава больше уже не струсит в минуту опасности, ну, а вам просто не повезло — опоздали. Так что есть данные, Федор Кузьмич. Интереснейшие свидетельства о воздействии излучения на память плюс мой личный опыт.

— Какой? — удивился Котов. — Вы же не заинтересовались ни желтым, ни зеленым, ни синим.

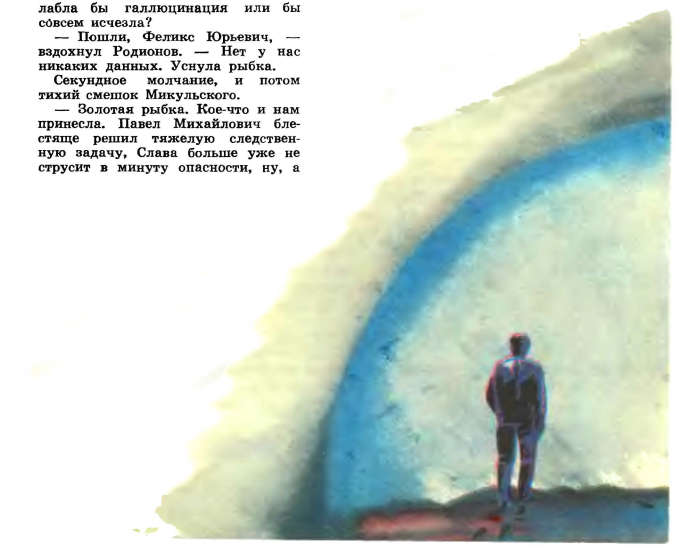
— А белый? Я все-таки заглянул в эту яму.

— И что? — Славка, шагнув вперед, чуть не скатился вниз.

— Так, пустяки. Тоже воспоминание. Только совсем-совсем недавнее. И никак не скорректированное. Для рассказа неинтересно, — сказал Микульский и, попрощавшись, пошел к калитке.

Все уже разошлись, а Котов все еще стоял в темноте, вспоминая случившееся. Два удивительных случая, два маленьких чуда. И где-то внизу в глубине трехметрового кратера лежал посланец из космоса — невидимый сейчас кусочек неизвестного вещества, таящий в себе, может быть, великие тайны.

Разгадает ли их наука?



«Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, похожих на маленьких розовых безруких комариков, больших шестируких зеленых марсиан, возвышающихся над толпой на 20 футов, марсиан четырехглазых и совсем безглазых, но со щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах разного оттенка анилиново-красного, вишневого и бурого цветов...»

(Э. Гамильтон. «Невероятный мир»)

ВЫ, ВОЗМОЖНО, ПОМНИТЕ ЭТОТ ШУТЛИВЫЙ РАССКАЗ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЭДМОНДА ГАМИЛЬТОНА, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В ПЕРВОМ НОМЕРЕ «ЮТа» ЗА 1956 ГОД. ЕГО ГЕРОЙ, ПРИЛЕТЕВ НА МАРС, ОБНАРУЖИЛ ТАМ СРАЗУ ВСЕ «ТИПЫ» МАРСИАН, КАКИЕ ТОЛЬКО БЫЛИ ПРИДУМАНЫ НА ЗЕМЛЕ ПИСАТЕЛЯМИ-ФАНТАСТАМИ.

И КОГДА СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ УЧАСТНИКОВ «ФАКУЛЬТЕТА «ЗАВТРА», ЗАГЛЯДЫВАЮЩИХ В БУДУЩЕЕ, ГОТОВЯЩИХСЯ К КОСМИЧЕСКИМ ПОЛЕТАМ, УСТРАИВАЛАСЬ ЭТА ПЕРВАЯ В МИРЕ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ, КОРРЕСПОНДЕНТУ «ЮТа» ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВСПОМНИЛСЯ РАССКАЗ «НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР».

В огромном зале волновались привычные ко всему корреспонденты, волновались школьники и студенты, маститые ученые. Даже космонавты. И это понятно. Шутка ли, впервые на научную конференцию должны были прийти марсиане — герои произведений лучших писателей-фантастов. А так как люди уже научились изменять течение пространства и времени, то на встречу пришли сразу четыре писателя, жившие в разное время, — и Герберт Уэллс, и Алексей Толстой, и Александр Богданов, и Рей Дуглас Брэдбери!..

И вот край неба за высотными зданиями прочертила зловещая зеленая полоса, послышался глухой удар, и не успел утихнуть занявшийся было

пожар, как к месту пресс-конференции понеслись, извергая из суставов клубы зеленого дыма, огромные треножники из блестящего металла с длинными гибкими щупальцами, похожие на взбесившиеся складные стулья. С торжествующим ревом: «Элу... элу...», приветственно размахивая генераторами тепловых лучей, они построились в ряд на бульваре, их длинные ноги сложились, и боевые башни сели на землю. Со звоном откинулись крышки, и из них с трудом вылезли круглые туши марсиан, каждый величиной с медведя. Разглядев встречающих, просияли их огромные прнстальные глаза над треугольным ртом с выступающей верхней и клинообразной нижней губой. Известнейшие писатели-фантасты во главе с несколько смущенным Г. Уэллсом, когда-то так испортившим марсианам репутацию своим романом «Война миров», подхватили их под щупальца и проводили в антигравитационные боксы, а чтобы марсиане Уэллса чувствовали себя совсем как дома, подарили им свои лучшие книги с растроганными автографами.

А среди деревьев уже вырастали огромные песчаные корабли, где под разноцветными вымпелами стояли марсиане в масках с серебряными лицами, с голубыми звездами вместо глаз, с лепными ушами из золота и рубиновыми губами.

И, плавно рассекая воздух, мерцая бесчисленными зелеными бриллиантами, сверкая фасеточными рубиновыми глазами, подошла машина, похожая на желто-зеленого богомола. Шесть ее ног ступали с легкостью мороснцего дождя, а с седла машины глазами цвета расплавленного золота смотрел марсианин. Он был словно призрачная призма, которая ловит и излучает свет далеких миров. Марсианин соскользнул на землю. Рей Дуглас Брэдбери взволнованно протянул руку герою одного из лучших своих рассказов — «Ночная встреча». Но руки не соприкоснулись — они растворились, точно сквозь туман прошли одна сквозь другую.

— Черт побери! — изумленно воскликнул писатель.

— Силы небесные! — потрясенно отступил марсианин...

Но так как фантасты народ закаленный и привыкший к чудесам, то марсиан Рея Брэдбери сравнительно хладнокровно проводили в зал.

А тем временем на лужайке бесшумно приземлился этероиеф — почти шар со сглаженным сегментом внизу, на манер поставленного колумбова яйца из алюминия и стекла. Минус-материя, накопленная в резервуарах, придала ему невесомость, а двигался он за счет распада радиирующих веществ, ускоренного в сотни тысяч раз. Из него вышли стройные, юношески гибкие фигуры с непропорционально большими головами. Приблизился их командир, инженер Мэнни, и снял защитную маску. Его глаза были чудовищно велики, со зрачками, расширенными даже по сравнению с глазами. Возникло впечатление крайней оригинальности, пожалуй, уродства, но не карикатуры. Инженер и его товарищи произнесли несколько слов по-русски и, закрывая глаза от вспышек фото-

репортерских блицев, прошли в специально затемненную ложу в сопровождении писателя Александра Богданова.

Словно большая птица, пошел на посадку летучий корабль, похожий на гигантского жука с тремя парами крыльев. Из него медленно вышла худенькая женщина с бело-голубоватым удлиненным лицом. Немного приподнятый нос, слегка удлиненный рот были по-детски нежны, а пепельные глаза взволнованны и встревожены. И в сердцах землян словно зазвучал далекий голос, повторяющий печально на неземном языке: «Где ты, где ты, Сын Неба, вернисы!..»

Ну, конечно же, каждый фантаст, каждый истый любитель фантастики прозакладывал бы свою душу черту, чтобы очутиться в этом зале, когда начались выступления марсиан.

Первым выступил владелец боевого треножника. И люди невольно вздрогнули, когда, усиленный микрофонами, раздался его глухой низкий голос:

— Когда-то мы пытались завоевать Землю, пока не поняли, что, заплатив биллионами жизней, человек купил право жизни на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. И оно осталось бы за вами, будь мы, марсиане, даже в десять раз более могущественны. Ибо человек не живет и не умирает напрасно.

Встал Глава марсиан, так и не снявший маски:

— Если вы попадете на Марс, то насладитесь им и не требуйте от него, чтобы он стал иным. И умейте жить с природой в согласии, в ладу, как умели это мы.

Мягким и выразительным голосом сказал инженер Мэнни:

— Мы ждем посланцев с Земли. Они должны быть живой связью между нашим и земным человечеством, чтобы ознакомиться с нашим строем жизни и ближе познакомить марсиан с земным.

Вышел седой морщинистый инженер Гор.

— Мы видели, земляне, вас в бою, мы снова научились у вас любить жизнь, и мы надеемся на вас, сильную расу с горячей кровью.

К сожалению, по чисто техническим причинам пресс-конференцию пришлось прервать. Писатели-фантасты, как правило, не слишком-то уважающие точные науки, колдуя над Генератором Времени, не справились с ним, когда золотистая ночная бабочка нечаянно замкнула ток, и марсиане были вынуждены поспешно улететь.

Репортаж с пресс-конференции вел специальный корреспондент „ЮТа"

Ю. МОИСЕЕВ

КАК НА ПОЖАРЕ

(Фантастический рассказ-шутка)

Дмитрий **БИЛЕНКИН**

ВКЛЮЧИЛАСЬ ПЕРВАЯ ПРОГРАММА. Аппарат лег в дрейф вокруг Звезды. Раскрылись щитки, выдвинулись локаторы. Тело, скользящее в холодных пространствах, стало похоже на махровую черную розу.

Датчики, как губки, впитывали информацию. Иногда по бокам аппарата вспыхивали язычки огня. Тогда его орбита петлей захлестывала бег то одной, то другой планеты. Но к их поверхности разведчик не приближался.

Внезапно приборы разведчика поймали радиопередачу.

ВКЛЮЧИЛАСЬ ВТОРАЯ ПРОГРАММА. Аппарат сошел со звездоцентрической орбиты. Теперь он узил круги над избранной планетой. Его аналитический блок ловко и быстро препарировал все радио- и видеосигналы, идущие оттуда. И когда структура языков чужого мира перестала быть тайной, ВКЛЮЧИЛАСЬ ТРЕТЬЯ ПРОГРАММА.

* * *

— «Эридан», с ума спятили!!! На четвертую, говорю, четвертую! Что-о?! «Плутон», вас еще не хватало...

Что «Эридан» валился из космоса с неисправными двигателями — ладно, это было полбеды. Что сеть внеземных станций уподоблялась теперь посудной лавке, куда попал слон, — тоже, но авария «электронного мозга» в расчетном центре! Теперь все зависит от самообладания Тан Ростова, проворства рук главного диспетчера и крепости его голосовых связок. Если бы в диспетчерской разом занялись огнем все четыре угла, суматохи было бы меньше. Видеофоны неистовствовали, как болельщики в минуту гола, наземные службы орали сразу по пяти каналам, на пульте бились в истерике операционные сигналы, а тут еще вышел на связь «Плутон»!

— Немедленно! — взмокшие помощники вдрогнули, как от удара тока. — Всех переключить на вспомогательные центры, всех!

— «Плутон» не получил от вас команды, непорядок, — жирным голосом напомнил о себе орбитальный грузовик.

— Катитесь к черту! — взбешенно огрызнулся Ростов, отчаянно нажимая кнопки на пульте. — «Эридан», эй, «Эридан»!

— Буду жал...

Главный диспетчер локтем (пальцы были заняты) вырубил связь с «Плутоном». Ему было не до орбитального, ни до чего на свете, кроме «Эридана». Он с силой оттолкнул руку помощника, сующего трубку видеофона. И тут, как назло, заглушая слова, на волну «Эридана» полезла посторонняя передача! Ростову захотелось стукнуть олуха по темени.

— Эй, на волне 8119, убирайтесь прочь! Сию же секунду!!! Да не тебе «Эридан», не тебе... 17-15, даю «Эридану» 17-15, сектор «В»! Подтверждения не слышу!

Еще бы! Наглец и не думал убираться с волны. Он шпарил что-то свое, и голос «Эридана» тонул в помехах, как писк комара в реве буйвола. Тан зашелся от ярости.

— Вон из космоса!!! — заорал он так, что дневной свет в глазах пошел красными пятнами. — 8119, убирайся вон!

Кажется, помогло. Волна очистилась. «Эридан», наконец, уразумел, что от него требуется, расчетный центр справился с повреждением. Уф!.. Паника спадала.

И только теперь, когда можно было сесть в кресло и закурить сигарету, память выплеснула в сознание обрывки фраз из той, посторонней передачи. Главный диспетчер не донес сигарету до рта. Он так и замер, выпучив глаза.

Рис. В. КАЩЕНКО

* * *

Аналитический блок разведчика трижды оценил ситуацию. Ошибки не было. В ответ на дружеское послание с планеты последовал энергичный и недвусмысленный приказ убраться. У автомата не было гордости, но она была у его создателей. Они предусмотрели возможность враждебного отказа, и потому немедленно ВКЛЮЧИЛАСЬ ЗАПАСНАЯ ПРОГРАММА.

Локаторы мгновенно убрались в гнезда, щитки захлопнулись, включился главный двигатель. Уже через час система негостеприимной Звезды, отвергнувшая дружбу древней цивилизации Галактики, скрылась из виду.

ПЛУТНИ ЕГОРА

Юрий **САМСОНОВ**

(Фантастическая сказка)

I

В тот день стояла нестерпимая жара и на улицах почти не было прохожих. Тем более велико было удивление одного Велосипедиста, когда он увидел игрушечный самосвал, идущий по мостовой с соблюдением всех правил уличного движения. Велосипедист повернул и погнался за странной игрушкой с целью проследить ее маршрут. Тогда, словно стремясь уйти от погони, самосвал стал набирать недозволенную скорость. Все же Велосипедист старался не отстать. Но внезапно, как он рассказывает, из-за угла выскочил игрушечный танк, юркнул под переднее колесо, в результате чего Велосипедист получил нетрудовую травму, а велосипед находится в ремонте по настоящее время.

Другое происшествие случилось в этот день на усадьбе известного в нашем городе Пенсионера, с которым я лично не знаком и о котором слыхал, что у него имеется большая коллекция редких кукол различных стран и народов. Не могу судить о том, с какой целью была создана подобная коллекция, так как своих детей Пенсионер не имел и не имеет, а чужие дети на его усадьбу не допускаются из опасения, что они обворуют сад, за охраной которого Пенсионер тщательно следит.

Как мне стало известно, хозяин усадьбы, человек еще не старый, энергично занимающийся спортом, в это время дня любил загорать, лежа в саду на раскладушке. Отсюда он мог видеть все свои владения и в случае чего пугнуть мальчишек, если они снова полезут за малиной, как это имело место накануне. Пенсионер задремал

на солнышке и проснулся от звуков незнакомого голоса, который повторял ему:

«Проснись! Эй, проснись! Я ухожу от тебя. Мне у тебя не нравится. Слышишь? Я ухожу».

В ответ на что Пенсионер, будучи спросонок, заявил:

— На здоровье!

Голос замолк, и стали слышны удаляющиеся незнакомые шаги. При этом Пенсионер проснулся окончательно, сел на раскладушку и стал глядеть в спину уходящего незнакомца. На незнакомце были порванный выгоревший пиджак и дырявая соломенная шляпа. Пенсионер стал вспоминать, где он их видел, эти вещи, но вспомнил не сразу: а когда вспомнил, то не поверил, что от него уходит сделанное его собственными руками огородное пугало. Пенсионер издал жалобный крик и побежал в дом, чтобы позвонить в органы милиции, но тут обнаружилась пропажа всей ценной и редкой коллекции кукол. Пенсионер издал второй жалобный крик и упал в обморок.

А днем мой товарищ, начальник лаборатории, по имени Квант, сказал мне:

— Ты понимаешь что-нибудь в холодильниках? Мой испортился: за ночь пережарил все продукты.

Я хотел пошутить, но вспомнил, что с моим приемником тоже случился непонятный факт: приемник был выключен, но тем не менее самостоятельно включился и закричал: «А физики — дураки!» — после чего стал громко хихикать, затем снова выключился. Я долго думал и решил, что мне это почудилось.

Ведя этот разговор, мы с Квантом шли с обеденного перерыва. Наш городок невелик, это даже скорее дачный поселок, и все органы милиции заключаются в одном Сержанте, к которому мы обращались перед тем по поводу розысков одного пропавшего самопрограммирующегося автономного кибернетического устройства. В данное время этот Сержант шел к нам навстречу. Квант спросил у него по поводу упомянутого устройства:

— Как дела, Сержант? Напали на след?

На что Сержант ответил:

— Не до вас пока. Две крупные кражи расследуем. Слыхали? У Пенсионера коллекцию взяли. И магазин очистили. «Детский мир». Игрушки унесли, а выручка почему-то цела. Голова кругом идет!..

Сержант пошел дальше своей дорогой, а мы — своей, по каковой причине и не попали в число первооткрывателей новой, неизвестной зоологам фауны Пруда. Впрочем, как выяснилось позже, самым первым открыл ее даже не Сержант, а некий Мальчишка, о чем будет рассказано ниже.

Как только мы явились с перерыва, в лабораторию пришел Шеф. Мы ожидали от него усиленного нагоняя по поводу неудачных розысков уже упомянутого самопрограммирующегося кибернетического устройства, названного «Егор», исчезнувшего по нашей вине. Однако нагоняй не состоялся, и Шеф сказал:

— Неприятность, мальчики. У нас обворовали склад.

На нашем складе не содержалось ровно ничего, что могло бы понадобиться типичному среднестатистическому вору ни в личное пользование, ни для продажи на сторону: это склад деталей для уникальных электронно-вычислительных устройств.

— Я позвонил Сержанту, — сказал Шеф, — но его не нашли. Может, лучше в область позвонить? Очень необычная кража...

Мы тщательным образом осмотрели складское помещение, но не обнаружили никаких следов преступников.

Больше в тот день ничего особенного не случилось, и поэтому я сразу приступаю к рассказу о происшествии, которое имело место ночью. Когда раздался сильный стук в мою дверь, я встал и пошел открывать. Подойдя к двери, я задал вопрос:

— Кто там?

На что получил ответ:

— Это я, Квант, открой.

Я отворил дверь, но Квант входить не стал, а потребовал, чтобы я немедленно оделся и пошел с ним, причем не стал объяснять куда. Тем не менее я оделся, и мы направились на территорию

института, прямиком к складу. Невзирая на печати, Квант отпер замок. Тут ничего не изменилось с дневного периода, и я недоумевал, зачем мы пришли, но Квант отдал мне фонарик, пошел в угол и снял одну за другой две половицы, причем было видно, что он делает это уже не в первый раз. При свете фонарика я увидел довольно большую дыру в земле под полом, которая напоминала нору крупного животного. Квант спросил, не хочу ли я полезть в нее первым; я ответил отрицательно, так как вообще не видел в этом никакой необходимости. Тогда Квант взял у меня фонарик и полез сам, а я за ним.

Из норы мы попали в просторный подземный ход, который, судя по виду стен и деревянных подпорок, был прорыт совсем недавно. По мере того как мы продвигались вперед, нам стали слышны какие-то голоса и звуки; наконец мы увидели яркий свет. Квант выключил фонарик. Мы стали красться вдоль стены и, незаметно выглянув, увидели нижеследующее.

Перед нами было просторное подземное помещение, освещенное тысячами светильников незнакомой нам конструкции. В их свете были представлены все оттенки спектра, что сильно напоминало новогоднюю елку. Но и при отсутствии светильников в этом подземном помещении было бы не менее светло, так как повсюду пылали огни миниатюрных кузнечных горнов, расположенных в стенных нишах. Надо отметить, что это являлось чрезвычайно красивым зрелищем, но нам некогда было на него любоваться, так как нас, естественно, гораздо больше интересовали обитатели этого подземелья.

Это оказались лилипуты, но только не такие, которые выступают в цирке, а совсем маленькие, их уместилось бы по дюжине в каждой моей горсти. Куда ни погляди, во всех направлениях их были тысячи, и все они занимались большой производственной деятельностью.

Только в одном месте в этом помещении я увидел знакомые мне предметы: это была гора дырявых ведер, ржавых кастрюль, сломанных чугунов, одна спинка от двуспальной кровати и множество другого металлолома. Опознать эти предметы было несколько затруднительно, потому что по ним сплошь сновали эти маленькие существа. Маленькими топориками они разрубали на кусочки жесть ведер, кувалдочками дробили чугуны, а кроватную спинку они усыпали, как муравьи веточку, положенную на муравейник: двуручными пилами они распиливали ее железные прутья на чурки.

Я подтолкнул Кванта; но он стоял неподвижно. Тогда я один вошел в помещение, откашлялся и громко спросил:

— Эй, кто вы такие?

На мой вопрос последовал ответ:

— Мы гномы! Мы гномы!

Однако «гномы» — это из сказок братьев Гримм, и я не поддался на провокацию, я задал следующий вопрос:

— Что вы здесь делаете?

На что последовал такой ответ:

— Работаем! Работаем!

— «Работаете»? — повторил я суровым тоном. — А кто вам разрешил?

— «Мамаша»! — закричали они. — «Мамаша»!

Тут мы с Квантом переглянулись и вытерли со лбов холодный пот. Должен сказать, я уже и сам начинал предполагать что-то подобное. Тут Квант отодвинул меня плечом и, войдя в помещение, спросил:

— А где сейчас «Егор»?

— Знаем, да не скажем! Знаем, да не скажем! «Егор» не велел!

— А что он делает сейчас? — спросил Квант.

Тут в помещении поднялся такой хохот, что меня оторопь взяла. Гномики катались со смеху, утирая беретиками слезы. Все же, несмотря на смех, они ответили:

— «Егор» с Девчонкой разговаривает!

— Раз не хотите говорить, мы сами его поищем.

— Поищите! — отвечали они. — Ищите свищите!..

И мы с Квантом проследовали до конца помещения, где было

видно продолжение подземного хода.

На этот раз путь по подземному ходу был долог и привел нас прямиком к берегу Пруда, где открывался выход. Берегов мы не узнали. Прежде это были пологие песчаные берега без всяких предметов, за исключением тех, которые оставляли отдыхающие, с чем боролись горкомхоз и местная газета. На этот раз мы увидели белеющие под луной восточные города с минаретами в одном, с индийскими храмами в другом, а также с дворцами, через которые нелегко перешагнуть. В небольшой бухточке белели паруса игрушечных кораблей.

— Смотри, Квант! — сказал я, указывая на середину Пруда.

Оттуда к нам плыли крохотные острые лодчонки. На носу передней лодки выплясывал махонький, но страшный старикашка.

— Они заметили, — тихо ответил Квант.

Я мог только развести руками — и вдруг на мою раскрытую ладонь опустилось странное существо с крыльями, прозрачными, будто у стрекозы, только значительно более крупных размеров. Я сшиб его щелчком и тогда только сообразил, что и это тоже был человек. Целый рой их, прозрачных, крылатых, вился и сверкал над нами в лунном свете.

— Пойдем! — внезапно сказал Квант и схватил меня за руку.

И мы понеслись прямо к лаборатории. Квант и не подумал воспользоваться ключом. Он сбросил башмаки и беззвучно влез в раскрытое окно. Я последовал за ним. Я понимал уже, в чем дело: здание лаборатории было видно с берега, и все окна в нем были ярко освещены в этот поздний час, тогда как прежде света в них не было.

Итак, мы поднялись по лестнице на этаж, занимаемый «Мамашей» — универсальным кибернетическим устройством, разработанным в нашей лаборатории, — и увидели там следующую картину: лаборант Жорка, любитель запойного чтения, спал на кушетке, невзирая на яркий свет. Перед «Мамашей» на пюпитре лежала книжка «Тысяча и одна ночь», которую, конечно, извлекли из кармана Жоркиного халата, и «Мамаша» своим гулким голосом читала эту книжку. А на полу на корточках сидели некая Девчонка и уникальное автономное самопрограммирующееся кибернетическое устройство по наименованию «Егор», которое потерялось из нашей лаборатории некоторое время назад и которое Сержант безуспешно разыскивал.

Наше внезапное появление всех испугало. Девчонка и «Егор» вскочили на ноги, но дверь была закрыта, а прыгать из окна не стоило, так как это все же второй этаж, что чувствительно даже для кибера, каковым является «Егор». «Мамаша» прекратила чтение. Квант громко и сердито приказал:

— «Мамаша»... немедленно отключитесь!

И «Мамаша» стала отключать блок за блоком, но все же перед отключением последнего произнесла:

— Не обижайте его.

Затем она полностью прекратила работу.

— Девочка, иди домой, — сказал Квант, приоткрыв дверь. — «Егор», сюда!

Он отпер дверцу специального бронированного сейфа, где и было помещено с тех пор устройство по наименованию «Егор» и где оно временно хранится по сию пору.

(Окончание следует)

Плутни Егора

Юрий **САМСОНОВ**

(Фантастическая сказка)

II.

Окончание. Начало см. в № 5.

Когда меня направили работать в лабораторию Кванта, я не думал, что попаду в слесарную мастерскую. Она занимала почти весь полуподвал под Мамашей. Покрытые копотью окна и лампочки давали, по-моему, только инфракрасный свет, и можно было заблудиться в горах латуни и железа. Уши ныли от визга пил, дым паяльников выедал глаза.

Подчиненные мне два слесаря в перерыв поднимались наружу, и сквозь синеву дыма я видел в открытую дверь, как они, сидя на траве, едят хлеб и пьют молоко. И я тоже разворачивал свой бутерброд и шел к Мамаше.

Она меня уже узнавала. И здоровалась по-органному гулко. «Добрый день, мальчик! — говорила она. — Бутерброд с сыром? Сытно, питательно, вкусно. Поздравляю». — «Спасибо, Мамаша», — говорил я. И мы продолжали болтать, как два старых приятеля.

Но однажды, придя в понедельник, я увидел, что весь наш металлолом исчез, окна, стены и полы промыты, и чистые лампочки сверкают зря: без них видно, что здесь оставался только большой стол, на котором лежали готовые детали модели № 2. И Квант, указав кивком на стол, объяснил по-всегдашнему подробно и вразумительно:

— Сборка...

Мы стояли у стола, разглядывая то, что получалось. Не слишком-то это было красиво. Грубо обработанный металл корпуса отливал сине-

вой в местах пайки и сварки, заусенцы, кое-как сточенные напильником, шершавились, нога № 1, как мне показалось, была миллиметров на пятнадцать короче ноги № 2. Зато хороши были руки фабричной работы. Они напоминали гибкий душевой шланг. Это были скорее щупальца, чем руки, но кончались пятипалыми каучуковыми кистями. Верхнюю коробку мы еще не закрыли.

— Кажется, все? — сказал Квант.

— Надевай маску, — сказал я.

Чуть помедлив, Квант накрыл верхнюю коробку квадратным каучуковым пластом. В коробке щелкнуло, зашипело: сработала запальная батарейка, внутренний механизм пришел в движение. В центре каучукового квадрата возник бугор, он вытягивался вверх, принимая отчетливую ковшеческую форму, потом рядом с ним всплыли два черных пузырька. И вдруг лаборант вскрикнул, выдернул руку из кармана, будто его цапнули там за палец.

— Остановите! — вопил он невразумительно. — Бросьте... То есть надо переделывать!

С каучукового лица модели на нас уже смотрели живые любопытные глаза. Они остановились на Кванте, перебежали на меня.

— Переделать! — вопил Жорка, и глаза перекатились на Жорку. — Вот! — Жорка показывал нам крохотный блок, который он вытащил из кармана. — Не поставили! Ох!..

Квант схватился за голову. Лаборант в отчаянии вцепился руками в каучуковый квадрат. И вдруг мы услышали тоненький голос:

— Ой! Ты что, очумел? Больно же!

Лаборант отлетел в сторону. Модель подпрыгнула на столе, перевернулась, прыжок — и она на полу, прыжок — у окна, еще прыжок — зазвенело разбитое стекло.

Заглядывая в наш подвал снаружи, модель корчила преуморительные рожи. Мы обалдело смотрели на нее. Под сводами задребезжало что-то вроде сломанного колокольчика.

Так мы впервые услышали смех Егора...

III

Сбежав от нас, Егор выскочил на улицу и понесся вприпрыжку вдоль домов и длинных дачных заборов. На улице было пусто и тихо, а душа его просила приключений. Егор шевелил ушами, как локаторами, надеясь поймать звуки голосов. Но стояла жара, городишко словно вымер.

Егор уже не бежал, а шел. Он даже раздумывал, не вернуться ли к нам — ко мне и Кванту. Близко не подходить, конечно, и в руки не даваться, чтобы мы не вздумали его переделать. А так, сесть на бревнышки и поболтать — это можно.

Но тут он, наконец, услыхал голоса.

— Красная какая! — сказал шепотом кто-то поблизости.

У забора, обтянутого поверху колючей проволокой, стояли Мальчишка и Девчонка. Ребятишки были заняты: глазели в щели забора. Егор тоже заглянул. Ничего особенного, просто много травы, подумал он. А они что увидели?

— Эй, вы! — сказал Егор. — Чего уставились?

— Ой! — завизжала Девчонка и отскочила. Мальчишка тоже отпрыгнул в сторону.

— Да я вас не трону! — закричал Егор. — Я свой!

Он уселся в траву, охватив колени руками, и отвернулся, давая беглецам время одуматься. Ребятишки сперва замедлили бег, потом остановились и теперь медленно приближались.

— Что, струсили? — сказал Егор. — Здорово я вас!

— Ты кто? Негр? — спросил Мальчишка, увидев его черное каучуковое лицо. И сразу закричал:

— Да он железный!

Они, отступив, переглянулись.

— А что вы там увидели? — спросил Егор.

— Малина поспела! — скороговоркой сообщила Девчонка.

Егор посмотрел на ягоды.

— Вы хотите малины? — спросил он. — Взяли бы да и съели.

— Хозяина боимся.

— Это вон того, что ли? — спросил Егор, указав на какое-то су-

щество в драном пиджаке и дырявой соломенной шляпе.

Они фыркнули.

— Это пугало! Не человек, понимаешь? Не живой!

— Понятно, — сказал Егор. — Сейчас будете есть малину.

Он подпрыгнул, ухватился за верх забора. Девчонка ойкнула, Мальчишка шикнул на нее:

— Молчи, что ему сделается? Железный!..

Егор взялся за проволоку. Электрические искры, шурша, вонзились в нервные окончания. Через проволоку был пропущен ток. Егор пошевелил пальцами онемевшей ладони. Потом, щелкнув металлическими ногтями, перестриг проволоку и спрыгнул вниз.

Отстриженные ягоды падали в подставленную ладонь, копились розовой горкой. Ребятишки за забором причмокивали.

В сенях скрипнула дверь, и кто-то вышел на крыльцо. Егор услышал тонкий визг, покосился в ту сторону, увидел белое пятно рубахи, мелькнувшее в темных сенях. Мальчишка торопливо влез на забор, потребовал:

— Давай малину!

Егор высыпал ягоды в его ладошку, Мальчишка спрыгнул, послышался топот убегающих босых ног. Егор подумал: «Почему убегают? Такая игра? Тогда нужно их догнать».

Он уже оседлал забор, когда дверь сеней взвизгнула коротко, оттуда прогремел гром, и горсть градин ударила Егора в бок с такой силой, что его швырнуло вниз, за забор.

Егор с трудом поднялся на четвереньки. Глаза работали несинхронно: он видел в конце переулка большую толпу Мальчишек и Девчонок, которые ели малину, прыгали и что-то кричали. Но тут регуляторы привели зрение в порядок, и он увидел, что никакой толпы не было. Это всего-навсего те двое ели его малину, и Мальчишка прыгал и дразнился.

«Так вот вы какие!» — подумал Егор. Он поднялся на ноги. Мальчишка и Девчонка отбежали подальше. Ему ничего не стоило их поймать. Но Егор отвернулся и пошел в другую сторону. Тогда Девчонка сказала Мальчишке:

— Я с тобой не играю.

— Ну и иди к нему! — ответил Мальчишка.

А Девчонка догнала рассерженного Егора. Сперва они кое-как помирились, потом подружились, и, когда она сказала, что хочет живую куклу и живую сказку, началось все вышеописанное. И теперь мы сидим и ломаем головы: как быть?..

IV

— Серьезность, трудолюбие, чувство ответственности. Понимаешь всего этого у него нет, — говорил Квант, покусывая ногти. — Мало ли чего он может натворить... С другой стороны...

Оба они — и Квант и Шеф — верят, что вышли на главный проспект кибернетики. Кибер должен мыслить и страдать, говорит Шеф. Только так можно добиться самопрограммирования. И только такой робот может создавать конструкции более совершенные, чем он сам. У обычных машин при таких попытках получаются электронные дураки.

Это верно. И кое-что уже было сделано. Мамаша вправду грустила или веселилась. И она скучала. Она сама потребовала подобное себе существо специально для компании! Когда Квант сконструировал Егора, Мамаша одобрила проект, сделала кое-какие поправки и взяла на себя разработку отдельных узлов. Так вот и получился Егор. А мы загубили его по недосмотру.

Теперь Мамаша только вздыхает и задает вопросы о Егоре, которого мы перевели в темный чулан на нашем этаже. Бесполезные разговоры, Мамаша! Нет мудрого существа, которое бы составило тебе компанию. И не будет, если мы не найдем способ переделать Егора. Егор — он совсем не интеллектуал. В его мозгу был заложен жесткий минимум информации. Остальное он должен был приобрести сам. А он не желает приобретать. Он хочет только проказить и развлекаться. И, наверное, все из-за того несчастного, не поставленного на место блока. А что теперь делать?

Маска, панцирь, конечности — все проросло нежнейшими нервами.

— А если под наркозом? — ляпнул вдруг я.

Квант посмотрел на меня внимательнее.

— А я что, по-твоему, делаю? — медленно произнес он. До меня смысл этих слов дошел не сразу. Я смотрел, как Квант вертит в руках тот самый злополучный блок, проверяя контакты, я слушал, как Егор возится и скулит в темном чулане. Возня и скулеж становились все тише, все жалобнее. Да, четкий план, но, черт возьми, люди мы или нет? Ведь это же...

Егор питается светом. И не получает его второй день. И то, что происходит сейчас в чулане, называется г о л о д н а я с м е р т ь!

— Квант! — сказал я чужим голосом. — Квант! — И Квант отвернулся, не глядя. Квант сунул мне лист бумаги.

— Пиши, — буркнул Квант. — Тебе все-таки лучше удается официальный стиль. — И продиктовал:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

Коллектив нашей лаборатории просит не принимать решение о демонтаже автономного самопрограммирующего кибернетического устройства по наименованию «Егор», а также просит отдать вышеупомянутого Егора нам с целью дальнейшего его перевоспитания в нашем здоровом коллективе.

Несомненно, городскому хозяйству и личной собственности граждан нанесен значительный ущерб путем похищения гномами и другими существами различных бытовых механизмов и деталей для своих нужд. Однако при этом нельзя не учесть, что в процессе проказ и даже хулиганских поступков Егора им были стихийно решены некоторые из важнейших проблем кибернетики и биологии. Так, созданные при этом гномы и другие существа являются не просто высокосовершенными кибернетическими устройствами на атомарно-молекулярном уровне, а п о д л и н н о ж и в ы м и с у щ е с т в а м и, организованными на белковой основе, как это имеет место в живой природе. Отсюда следует, что они, как минимум, и м е ю т п р а в о н а ж и з н ь, и нелепо, как предлагают некоторые, заняться массовым их истреблением. С хозяйственно-экономической стороны не лучше ли пустырь, где поселились гномы, вокруг запущенного Пруда, оставить в пользование этих гномов и наших детей? Практика показала, что дети отлично ладят с оживившими героями своих сказок. Прежние опасения не оправдались, и мы думаем, что у нас будет теперь самый лучший в мире детский парк. Претензии Пенсионера по поводу восстановления коллекции, а также магазина «Детский мир» по поводу пропавших кукол рассматривать не можем, потому что все эти куклы теперь являются разумными живыми существами и вряд ли могут служить чьей-либо собственностью.

Предложение о демонтаже кибер-устройства «Егор» считаем полностью нецелесообразным. На наш взгляд, следует попросту принять меры для того, чтобы ввести инициативу Егора в нормальное русло».

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК

Рассказ-шутка

В. ЗАМАНСКИЙ, И. РОСОХОВАТСКИЙ

Рис. Б. БОССАРТА

— Митя, вынеси, пожалуйста, мусор.

— Счас.

— Митя! Вынеси мусор. Кому сказано?

Митя взял ведро и зло толкнул дверь.

«Несчастный, — горько думал он, спускаясь по лестнице. — Несчастный я человек. Дома — то мусор вынеси, то за хлебом беги. В школе учителя: «Вытри доску», «Приготовь тряпку», «Принеси мел»... Уроки. Даже Эдька командует — ищи металлолом, макулатуру неси. Тоже мне пионерский начальник».

Дверь 19-й квартиры открылась, на площадке появилась тяжелая фигура с миниатюрным локатором на макушке. Митя очень обрадовался этой встрече.

— Але! — закричал он. — А ну, вынеси мой мусор!

— Слушаюсь. Нести мусор, — произнес низкий голос.

Митя отдал ведро и не спеша спустился во двор.

На скамеечке возле парадного беседовали две старушки. Митя сел рядом.

— Хорошо Петру Ивановичу иметь такого домработника, — вздохнула одна из бабушек. — Только электроэнергии много съедает. — Она указала на робота, который, вежливо мигая большими фасетчатыми глазами, вручил Мите пустое ведро.

— Ваше задание выполнено. Будут ли дальнейшие указания?

И тут Митю осенило.

«Жить бы мне не среди людей, а среди роботов!»

Робот терпеливо ждал. Митя покосился на старушек.

— А ну, отойдем в сторонку.

Завернув за угол дома, они остановились.

— Значит, так, — начал Митя. — Во-первых, ты мне скажи такое дело: где живут ваши... Ну, такие, как ты, и всякие другие роботы? После того как их сделали на заводе.

— Ис-пы-тательный полигон базы Главроботторга. Там в течение года мы самосовершенствуем свои системы без вмешательства человека.

— Адрес!

— Поселок Испытательный. Улица Большая Электронная.

— Ты запиши мне все это на бумажке, — велел Митя. — А теперь отнеси домой ведро, возьми у предков деньги. Купи хлеб в магазине. Потом почини сестренке куклу. Потом... потом... Пойди в школу к моему звеньевому Эдьке и сдайся в металлолом на мою фамилию.

— Слушаюсь...

***

— Семнадцатый, вынеси мусор!

— Будет исполнено, шеф!

— Молодец, Семнадцатый. — Митя изо всех сил старался сдерживать счастливую улыбку.

Роботы на базе оказались очень послушными парнями и быстро научились почтительно именовать Митю «шефом».

За те два дня, которые он провел на испытательном полигоне Главроботторга, у Мити появилось много новых привычек. Он очень полюбил лежать на широкой и мягкой спине робота Грузчика Хрупких Предметов. Роботы Распутыватели Запутанных Узлов чесали ему пятки своими тонкими щупальцами, а робот Воспитатель Младенцев пел песни и рассказывал сказки.

— Четверка! Завяжи мне шнурки. Не видишь, у шефа ботинок развязался. Да не этот! Другой... Что ж ты его крутишь, это же тебе не проволока, а шнурок!

— Извините, шеф, — смутился робот № 4 — Копатель Траншей и Укладыватель Труб Большого Диаметра. — У меня не отрегулирован блок управления мелкими операциями. Передвиньте, пожалуйста, инфрарегулятор.

— Инфра... что?

Робот изумился:

— Неужели вы не знаете, что это такое?

— М-м-м... забыл.

— В таком случае у вас, может быть, вышел из строя блок памяти? Позвольте взглянуть.

И клешня робота с отверткой решительно потянулась к голове шефа.

— Убери отвертку! — заорал Митя.

Двери ангара распахнулись, туда вошел робот № 17 с мусорным контейнером. Со щитков и автопанелей робота ручьями стекала вода.

— Загадочное явление! — глубокомысленно проговорил Семнадцатый. — Миллионы кубометров воды вертикально низвергаются на землю, омывая предметы, не нуждающиеся в омывании. При этом наверху что-то громко грохочет, и этот грохот сопровождается вспышками яркого света.

Митя назидательно поднял палец:

— Так чтобы вы знали: это называется гроза.

Самый маленький, Закрыватель Консервных Банок, пропищал, с восхищением глядя на Самого Главного Начальника:

— Вы, наверное, знаете все на свете, шеф?

— Самый Главный Начальник знает все, — отчеканил Митя.

Тогда Семнадцатый поднял руку и спросил:

— А скажите, шеф, почему, когда гро-за, меня всего так и трясет?

— От молнии.

— Что такое молния?

— От электричества.

В разговор вмешался робот 3-48.

— Как видно, там, где сверкает, неисправны предохранители. — Он был электромонтером. — Но ведь у Семнадцатого с той сетью нет контакта. Как же так?

Митя отмахнулся:

— Не знаю.

— Минуточку, шеф, — не унимался настырный электромонтер. — Вы же сами сказали, что знаете все.

Роботы переглянулись.

— Можно спросить, шеф? — вкрадчиво проворковал робот Утешитель Плачущих Детей. — Что такое флюоресценция?

Вопросы сыпались со всех сторон:

— Расскажите о Метагалактике.

— Почему молоко белое?

— Не знаю... — прошептал Митя.

Из соседнего склада выкатился робот-электроинспектор.

— Шеф, на склад прибыло восемь новых роботов, — доложил он. — Каждому необходимо по семь комплектов запчастей. Выпишите мне, шеф, накладную.

Митя взял бумагу и карандаш.

— Семью восемь — сорок восемь, — подсчитал он вслух.

Роботы ахнули.

— Видите, я же говорил, что у вас не в порядке блок памяти, шеф, — с упреком заметил робот № 4.

— Починить, починить нашего любимого, многоуважаемого шефа!

Десятки услужливых клешней с молотками, зубилами и паяльниками потянулись к побледневшему Мите.

— Тихо! — закричал он. — Я исправный. Главному Начальнику не обязательно знать все. Я же осуществляю общее руководство!

Роботы отступили и зашушукались.

Наконец один из них вышел вперед и заявил:

— Кое-кто из нас подозревал это и раньше, но теперь мы все убеди-

лись, что ты, шеф, не Самый Главный Начальник, а просто примитивный робот устарелой конструкции.

***

— Шеф, вынести мусор! — приказал Семнадцатый.

Митя, кряхтя от натуги, погрузил мусорный контейнер на тележку.

— Твои движения должны быть более точными, — заметил Четвертый. — Ты напрасно расходуешь энергию и теряешь в среднем по 0,003 секунды при каждом сгибании суставов. Если так будет продолжаться и дальше, мы не доверим тебе смазку наших подшипников...

Гол в свои ворота

Фантастический рассказ

Д. БИЛЕНКИН *Рис. Р. АВОТИНА*

«Выше головы не прыгнешь», — твердит пословица. «Прыгай!» — приказывают обстоятельства, и — гоп! — человек прыгает выше головы.

Мрачные обстоятельства, которые на этот раз заставили людей опровергнуть пословицу, были кратко изложены в речи Президента фирмы «Робот — друг человека».

— Господа, — сказал он. — Реклама конкурентов забивает нашу, и продукция лишается сбыта. Прошу придумать нечто гениальное.

Мозговой штаб фирмы «Робот — друг человека» энергично задумался.

Первым взял слово Главный рекламист — попожение обязывало его быть гениальнее других.

— Предлагаю... э-э... предлагаю очередную «мисс Европу» выдать замуж... э-э... за робота нашей фирмы.

— Гм! — сказал Президент.

Специальный рекламист возликовал, уловив в «гм!» Президента сомнение.

— Все поймут, что это фикция, — бросил он. — Да и согласится ли мисс...

— За миллион долларов любая мисс согласится обвенчаться хоть с утюгом, — парировал Главный рекламист.

— Слишком банально, — после тщательно взвешенного молчания сказал Президент. — Нет остринки. Такой, знаете ли, чтобы влилась в нерв общества. О свадьбе с роботом пошумят неделю-другую, а потом забудут.. Прошу выдвигать новые идеи.

В кабинете от напряженной работы мысли, казалось, потускнел воздух.

«Один — ноль в мою пользу», — удовлетворенно подумал Специальный рекламист. Однако он прекрасно понимал, что начальство уважает подчиненных не за скепсис, а за положительные идеи. Но, как назло, мысль, скользнувшая на «футбольные» рельсы, сойти с них не желала.

И внезапно...

Специальный рекламист вдохновенно поднял голову.

— Господа! — звенящим голосом провозгласил он. — Чье имя шепчут мальчишки, взрослые и старики во всех уголках страны! Великих писателей! Нет! Ученых! Нет! Врачей, педагогов! Нет, нет и нет! На каждого человека, знающего, кто такие Эйнштейн и Хемингуэй, приходится десяток людей, которые спросонок назовут вам лучших футболистов страны. Моя идея проста. Мы создаем робота-вратаря, внешне тождественного человеку. Он спасет футбольный престиж страны. Вот тогда неожиданно для всех мы объявим, что гениального вратаря создали мы — фирма «Робот — друг человека». И наша продукция покорит сердца.

— Гм! — сказал Президент.

Главный рекламист даже пискнул от зависти.

— Да вы представляете, — закричал он, оборачиваясь за поддержкой к Главному технрлогу, — вы представляете, какую невероятную программу надо задать такому роботу, чтобы никто не заподозрил подделки?!

— Сложно, — сказал Главный технолог.

— Ничуть! — бодро возразил Специальный рекламист. — От вратаря никто не потребует ума и тонкости души. Достаточно снабдить его программой хватания мяча, программой выполнения некоторых элементарных человеческих функций, программой несложных острот для телевидения. Последнее, впрочем, не обязательно.

— Можно, — сказал Главный технолог.

— Нужно, — отрезал Президент.

Карьера вратаря Джона Смита была ослепительной, как восход солнца. Весной он появился в составе третьеразрядной команды «Белый лебедь», и уже к концу года «Белый лебедь» стал чемпионом страны. Его футболисты не стали играть лучше. Отнюдь. Они просто толпились всем гуртом на стороне противника и, наплевав на оборону, ждали благоприятного момента, чтобы с близкого расстояния вбить мяч в чужие ворота. Они ничем не рисковали. Проиграть они не могли, потому что новый вратарь брал все мячи — решительно все — в девятку, «сухим листом», с пенальти. Поэтому «Белый лебедь» либо играл вничью, либо выигрывал.

Болельщики взвыли. Портреты Джона Смита не сходили со страниц газет. Телевидение только за один месяц назвало его имя семь тысяч сто один раз! К декабрю было продано девять миллионов семьсот двенадцать тысяч открыток с изображением Джона Смита и почти столько же значков. Шипение недоброжелателей, щедро оплаченное хозяевами других команд, умолкло навсегда, захлестнутое потоками протестующих писем. Ежедневно Джон Смит получал тридцать любовных посланий и семьдесят писем от мальчишек, которые клялись во всем брать с него пример.

К тому же выяснилось, что Джон Смит простой, свойский парень без мудрствований, что у него обаятельная улыбка и богатый запас острот. Этим он завоевал еще несколько миллионов сердец.

Близились международные игры. Национальная команда, в состав которой был, естественно, включен Джон Смит, еще ни разу не выходила даже в полуфинал. Но теперь... Теперь в ее рядах было «чудо века» — непобедимый Джон Смит! Тренеры прославленных зарубежных команд, заранее бледнея от страха, сплотились разработать новые виды тактики и стратегии типа «Все на одного» или «Все в защите». Пресса неистовствовала. Сумма пари, заключенных на Джона Смита, перевалила за двести миллионов долларов. Его автографами спекулировали уже на всех континентах.

И вот наступил великий час... Лучший нападающий мира тринадцать раз обрушил на ворота Джона Смита свой знаменитый пушечный удар. И тринадцать раз мяч оказывался в руках приветливо улыбающегося Джона Смита. За битвой гигантов следила вся планета. Торговля противоинфарктными таблетками принесла такой доход, что благодарные аптекари выбили в честь Джона Смита золотую медаль.

Команда Джона Смита выиграла со счетом 1 : 0.

В этот вечер едва ли не каждый разговор, где бы он ни шел, начинался и кончался именем Джона Смита.

Следующая команда противника проявила позорное малодушие: игроки стадом овец сгрудились у своих ворот, чтобы таким способом свести игру на ничью. Понятно, что в этой толкучке защитники дважды забили мяч в собственные ворота... Оплеванная команда не рискнула вернуться на родину, где у посадочных площадок аэродрома их ждали толпы болельщиков с гнилыми ананасами наготове.

В третьей игре Джон Смит едва не стал жертвой подлого нападения. Подкупленный (как потом выяснилось за 350 тысяч долларов) игрок Бризантии нанес ему страшный удар в коленную чашечку, на что Джон Смит только улыбнулся (конструкторы снабдили его солидным запасом прочности).

Команда Джона Смита стала чемпионом мира!

— Пора! — сказал Президент, радостно потирая руки. — Наш мальчик взошел на пьедестал всемирной славы. Раскроем наши карты.

Специальный рекламист скромно сиял.

— Не выйдет, — вдруг сказал Главный психолог, только недавно приступивший к своим обязанностям после длительной болезни.

Президент грозно нахмурился.

— Вы что-то сказали!

— Да, господа, сказал. Я не хочу, чтобы из нас сделали фарш.

Президент оторопел. Главный рекламист, еще не понимая, в чем дело, радостно взбодрился, а Главный технолог ни к селу ни к городу мрачно обронил: «Возможно».

— Э-э... объяснитесь... — наконец пролепетал Специальный рекламист.

— Пусть за меня объяснит телевизор.

Главный психолог встал и включил телевизор. В кабинет ворвался неистовый рев.

— Джон Смит! Джон Смит! Джон Смит!!!

Экран наплывом заполнили перекошенные лица. «Вот он, вот он! — надрывался телекомментатор, силясь перекричать вопль толпы. — Вот он, великий, величайший, наш гений!!! Вы слышите, как встают трибуны! Тысячи овраций, тысячи порывов, слитые воедино!!! Да здравствует...»

— Надеюсь, теперь вам все ясно! — Главный психолог убрал звук. — ОН — кумир. Мы перед ним ничто. Тронуть его — все равно что наплевать в душу миллионам, они нам этого не простят. И кроме того, он принес национальной сборной победу. Надеюсь, вы патриоты, господа!

Президент бессильно упал в кресло. С экрана ему улыбался Джон Смит.

И. РОСОХОВАТСКИЙ, А. СТОГНИЙ

(Научно-фантастический рассказ)

Авария «Сереб

От романа или рассказа писателя-фантаста не требуют научной достоверности. Ведь он создает художественное произведение, а не составляет научный прогноз. Естественно, автор вправе фантазировать, придумывать то, чего, может, никогда и не будет. Но рассказ, который мы вам предлагаем, несмотря на всю его фантастичность, обладает и качествами научного прогноза. Авторы его — писатель И. Росоховатский и заместитель директора Института кибернетики АН УССР лауреат премии имени Н. Островского А. Стогний. В рассказе отражены те проблемы, над которыми работают сейчас ученые-кибернетики.

Восемь человек сидели в центральном наблюдательном салоне батискафа и придумывали планы спасения. Они говорили бодрыми голосами и через минуту забывали о своих словах. Если бы нужно было говорить только правду, им пришлось бы молчать. Батискаф «Серебряная стрела» лежал на дне океанской впадины. Его двигатели не включались. Схема их включения была предельно простой. И если никто из восьмерых до сих пор не нашел причины аварии, то теперь им уже ее не найти.

А тот, кто мог бы это сделать, — девятый, конструктор «Серебряной стрелы» Роман Васильченко был убит мощным разрядом батарей.

Остальным оставалось жить совсем немного...

Вспыхнула красная лампочка на кислородном аппарате.

И вдруг все услышали голос Романа Васильченко:

— Слишком большое давление. Прогнулась на полтора миллиметра обшивка в носовом квадрате Е-2. Сжала стенку. Открылся люк Е-2. Образовалась избыточная радиация. Поэтому защитная дверь захлопнулась. Ее ручка оказалась в центре магнитного поля. А поскольку она железная, то изменились силовые линии в поле, и включить двигатели невозможно. Нужно заменить железную ручку пластмассовой — и авария будет ликвидирована.

Все оказалось настолько простым, что этому трудно было поверить. Восемь человек смотрели на фигуру в проеме двери бокового отсека, восемь лиц с разным выражением. Фигура стояла неподвижно, и только индикаторные лампочки мигали над тремя буквами, четко блестевшими на пластмассовой груди КДВ — кибернетического двойника Васильченко.

КДВ обдумывал дальнейшие действия: «Чтобы заменить ручку, нужно оставаться около 12,6 минуты в носовом отсеке. Высокая радиация может вывести из строя мои приборы. Риск велик».

Мгновенно он подсчитал величину риска. За то, что он выйдет невредимым, только 39,11 процента.

Люди смотрели на него с молчаливой надеждой. Они ожидали. Для них риск был бы в несколько раз больше и вероятность «неповреждения» колебалась бы около нуля. Эти люди — друзья и соратники Васильченко. Того, чью фамилию носит он.

КДВ вспомнил первую встречу с Романом. Его память тогда была подобна классной доске, на которой вверху написано лишь число и месяц, а Роман окончил уже среднюю школу, три курса института.

Его «программировали» в детстве люди, которые называются родителями. Потом воспитатели в детском садике, затем школа, после этого — институт. Многие люди заполняли его память разнообразной информацией. А он потом передал ее — неубывающую — своему двойнику. Щедро и заботливо...

КДВ вспомнил, как поехал с Романом в первую экспедицию на Охотское море. Он сопровождал конструктора Васильченко всю жизнь, изучал особенности его мышления и соответственно перестраивал блоки своего мозга. КДВ получал всю информацию, которую получал Роман. Они вместе обсуждали проекты, советовались по трудным вопросам. Они были ближе, чем друзья или братья. Иногда они делили обязанности, и, пока Роман решал одну половину дела, КДВ решал вторую

точно так же, как бы ее решил Роман. Так было до самой смерти конструктора, от которой КДВ не мог спасти его. Но остался он — двойник Васильченко, значит, остались его дела, память, логика и воображение. КДВ завершит неоконченные работы Романа и под руководством людей начнет новые. В первую очередь — батискары с дистанционным управлением. Потом то, что Роман задумал и о чем знали лишь они двое, — батискары, работающие за счет движения воды.

«Неужели теперь мозг и память Романа погибнут вторично? Имею ли я право рисковать? — думал КДВ. — Ведь эта опасность страшна только людям. Они погибнут без пищи и воды. А я могу спокойно дожидаться, пока «Серебряную стрелу» обнаружат и поднимут...»

Люди молча смотрели на него, ожидали...

«Попробую», — решил КДВ. Он нажал кнопку аварийного люка и вышел в коридор.

КДВ остановился перед новой дверью.

«Я не учел, что она заперта. Как же с ней справиться?»

Он предпринял несколько попыток выломать дверь, но только переломал одно за другим три электросверла. Тогда он попробовал открыть дверь включением сигнального механизма «Тревога по отсеку».

Открылось несколько других дверей, а эта оставалась в прежнем положении.

«Четыре нуля умножить на четыре нуля и еще раз на четыре нуля! — ругнулся про себя КДВ. — Придется поворачивать обратно».

Он представил, как те восемь посмотрят на него и что подумают. «Ты силен, пока с тобой люди», — вспомнил он фразу, которую часто повторял ему Роман. КДВ снова подошел к двери, из ящичка неприкосновенного запаса вытащил последнее сверло и начал сверлить в том же самом месте. И когда оно сломалось, как и три предыдущих, дверь слегка подалась. Тогда КДВ, оставив в образовавшейся щели обломок сверла, отошел в глубь коридора. Выпустил шасси, включил самую большую скорость и, рискуя сломать свои локаторы, что было бы равносильно потере слуха, сильно ударился в дверь.

Она распахнулась, и КДВ несколько раз перевернулся на металлическом полу. Отделался КДВ сравнительно легко: искорежил антенну и один из блоков. Вместо поломанной антенны он выпустил новую и включил запасной блок.

Счетчик нейтринного излучения послал тревожный сигнал прямо в кибернетический мозг КДВ. Он остановился в нерешительности, помигивая лампочками. Для него было безопасно излучение, убивающее за секунду человека. Но здесь оно достигало такой мощности, что становилось опасным для некоторых деталей в его чувствительных приборах.

КДВ снова высчитал показатель риска. И когда был уже готов повернуть назад, вспомнил, как Роман на Охотском море спас товарища, как опустился на рекордную глубину в легком скафандре и пробыл там вдвое дольше допустимого. Тогда риск был еще больше.

Роман думал во много раз медленней, но сейчас он бы решил скорее. Он бы просто не стал раздумывать. И у КДВ появилось странное ощущение, словно между седьмым и восьмым блоками замкнулся контакт. Если бы он мог точно определить свое состояние, то назвал бы его коротким словом «стыд».

КДВ не стал терять времени на самоанализ. Он решительно двинулся к отделу Е-2. Счетчик посылал угрожающие сигналы. Но КДВ больше не размышлял об опасности. Он думал о людях. Орган времени, часовой механизм, связанный с мозгом, отсчитывал секунду за секундой. Как сократить их количество, как ускорить спасение восьмерых?..

...Когда КДВ вышел из батискафа, его оглушили приветственные возгласы и музыка. Он рассматривал толпу встречающих, особо отмечал лица, похожие на лицо Романа Васильченко. Шум мешал ему думать. Но впервые за свою жизнь при таком шуме он не включил звуковых фильтров.

Люди подбежали к нему, подняли на руки, понесли. Те из них, кто стоял близко, могли на пластмассовой груди под инициалами «КДВ» прочесть «Выпущен в 1982 году Украинским институтом кибернетики».

И тогда взгляды всех устремились на седого спасшего человека.

— Поздравляем вас! — закричали ему, и он, улыбаясь, кивнул головой в ответ.

А потом его глаза затуманились. Этот седой человек, руководитель лаборатории Института кибернетики, вспоминал историю создания кибернетических двойников...

Фантастический рассказ

Вл. ШИТИК

Школа стояла на высоком песчаном берегу большого озера. А вокруг шумел красивый парк. Его посадили очень давно, лет за двести до того, как мы приехали сюда учиться. За это время большинство деревьев, наверное, заменили, потому что аллеи были свежие, курчавые, полные душистого липового аромата. И эти липы, и клены, и ясени были аккуратно подстрижены. Садовник говорил, что именно в этом и есть красота парка.

Каждая группа школьников имела на острове свой излюбленный уголок. Мы собирались на окруженной густым орешником полянке, посреди которой рос серебристый тополь. Он был очень стар; и даже взявшись за руки впятером, мы едва могли обхватить его ствол. Мы любили сидеть здесь перед вечером, спрятанные полумраком и чащей. Только звезды видели нас. Мы воображали себя путешественниками, которых судьба забросила на неведомую планету. В ветвях тополя гудел ветер, озерные волны с шумом накатывались на берег, а нам было и радостно и чуть боязно.

Другие группы приходили на остров со своими учителями. Мы же почти всегда одни. Не потому, что не любили своего учителя. Он был добрый и умный. Однако иногда не понимал или не хотел понимать нас. Мы, как и все ребята нашей школы, грезили космосом. Воспитатели остальных групп рассказывали ребятам о путешествиях к планетам и звездам, возили их на космодромы. Наш учитель почему-то считал, что именно нас космос подождет. Мы от него не слышали ни слова о самых интересных полетах в космос. Даже когда во время одного урока пришло известие, что возвращается экспедиция с Тау Кита, он, как обычно, промолчал. Мы слушали радио, а учитель подошел к окну и все время, пока шла передача, задумчиво смотрел на пустынный озерный плес.

Вся Земля радовалась, ликовала. Он один, казалось, остался безучастным. Это нас удивляло и обижало. Потому что мы любили учителя и уважали. Он был внимателен к нам и умел рассказывать очень интересно. А знал он так много, что нам порой думалось: столько не знает на Земле никто. Однако равнодушия к космосу мы не прощали никому. И у нас появилась от учителя тайна.

Знал ли учитель об этом? Вероятно. Он понимал нас лучше нас самих. Только не хотел замечать наши космические мечты и планы. Даже когда на уроках случалось проходить темы, связанные с историей завоевания космоса, он говорил:

— Штурм космоса не романтика, друзья. Это трудно даже взрослым.

— Зачем учитель нас пугает? — больше всех возмущался Сашка Шарай.

Рассудительный Мишка Патупчик успокаивал его:

— Чтобы понять космос, надо побывать в пространстве.

Мы соглашались с Мишкой. Откуда было нашему учителю знать, что такое полет к звездам?! Он был совсем земным человеком. Ну кто еще, кроме нашего учителя, мог на целый день пойти в степь?! Он и нас взял с собой. Бескрайнее однообразное поле, на котором колосилась золотистая пшеница, да жаворонки в небе. Что тут необычного? Только наш учитель мог восторгаться этим. Он останавливался на каком-нибудь пригорке, подставив лицо солнцу, и слушал, как шелестела пшеница, как из синей бездны неба лилась песня жаворонка. Учитель посмотрел на нас с каким-то сожалением и, прощаясь, вздохнул.

Вскоре подошли экзамены. Занятые, озабоченные, мы почти забыли о своей обиде. Учитель всем помогал, и мы снова удивлялись, как много он знает.

А потом был экзамен по истории, который мы сдавали своему учителю. Каждый из нас мог выбрать любую тему. Мы условились не касаться ничего, что имеет отношение к космическим полетам. Сашка нарушил договор; и когда он читал свое сочинение, в классе стало необычно тихо. Я не отрывал взгляда от учителя. Он и Сашку слушал, как недавно меня: внимательно, сосредоточенно, прикрыв глаза.

Сашка был умный парень. Если уж идти наперекор учителю, то, вероятно, только так, как сделал он,— хорошо подготовленным. Я слушал и думал, где он собрал столько сведений? Но самое главное нас ожидало, оказывается, впереди. Сашкин голос вдруг зазвенел, точно струна, что вот-вот оборвется, и он выпалил:

— В жизни было немало случаев, когда космос покорялся юным.

Сашка подошел к учительскому столу и нажал кнопку. На окна опустились черные занавеси. Засветился экран, на котором каждый ученик может писать, чертить схемы, оставаясь за своей партой и нажимая нужные кнопки.

Я подумал, что Сашка вернется сейчас к своей парте и нарисует какую-то иллюстрацию к докладу. Но он подошел к проекционному аппарату, и экран ожил. Мы увидели рубку космического корабля. центральный пульт, над которым склонился пожилой человек, а рядом стоял... мальчик.

Дружный вздох восхищения и, наверно, зависти пронесся над классом. Ведь ни о чем подобном мы не осмеливались даже мечтать.

Сашка начал рассказывать, назвал экспедицию, звезду, возле которой она побывала, год, когда возвратилась на Землю. В рубке было много приборов, на экранах светились чужие звезды, а в бинокуляры телескопа можно было увидеть и планеты этих звезд. А мальчик словно ничего не замечал. Он смотрел в сторону, на нашем экране его лицо было слегка в в профиль; похоже, что он чего-то ждал от штурмана (я не сомневался, что посредевший человек был именно штурманом), и вся его фигура выражала покорное терпение.

Тем временем Сашка закончил свое выступление. Он подошел к учительскому столу, нажал кнопку. Занавеси поползли вверх, солнечный свет залил класс.

— Ты больше ничего не знаешь, Саша? — спокойно, как всегда, спросил учитель.

— Было мало времени, чтобы докопаться в архиве до дальнейших событий. Вероятно, мальчик вырос, стал знаменитым космонавтом...

Мы ждали, что учитель сейчас поставит оценку и вызовет следующего — Мишку Патупчика.

Но он неожиданно попросил: «Включи, Саша, проектор», — а сам затемнил класс.

На экране снова возникли рубка звездолета, штурман и мальчик.

— Ну слушайте. «Алтай» возвращался в солнечную систему, — начал рассказывать учитель. — До дому оставалось шесть независимых лет.

Это знали взрослые, а мальчику тогда было еще все равно. Ему на корабле было интересно все: и как фотоэлемент открывает дверь, стоит ему подойти к ней и как робот-нянька ходит за ним следом, не давая забраться по лестнице в машинную часть или в хранилище, где находились припасы, и многое иное. Мальчик родился на корабле, он был единственным малышом. Тогда он не скучал еще, всегда находя себе занятие. У него было много игрушек — ему их делали и взрослые и робот. Игрушки словно продолжали корабельную жизнь. Это были модели ракет, вездеходов, роботов. Мальчик не удивлялся. Он лишь иногда спрашивал, почему взрослых на корабле много и они часто собираются вместе, а он всегда один?

Об этом мальчик узнал гораздо позже, когда ему показали фильм о Земле.

В первый раз родная планета не поразила его. Он смотрел спокойно а затем спросил: «Земля — это как дендрарий?» На звездолете был такой уголок, где росли настоящие деревья. Ему не объяснили, да и разве это можно объяснить? Среди деревьев шел такой же мальчик, как он, а может, еще и меньший. Это было непривычно, странно и почему-то вызывало непонятное желание бежать отсюда. Мальчик остался на месте, зная, что отсюда можно убежать только в дендрарий. Он впервые подумал, что дендрарий тоже игрушка, но для взрослых.

Пока он так рассуждал, на экране стало больше детей. Они бегали, прыгали, ловили друг друга. И смеялись — будто у них не было иного дела, как смеяться, — звонко, весело, как никто не смеялся на звездолете. Мальчик выключил фильм и сказал роботу: «Хочу к детям». На корабле детей больше не было, робот не знал, что это такое. Мальчик пошел к отцу.

Отец внимательно выслушал его путаный рассказ о фильме, потом положил на голову свою большую и теплую руку и словно через силу сказал: «Осталось шесть независимых лет. Тогда...» Он не объяснил, что будет тогда. И мальчик спросил: «А когда будет это тогда?» Отец молча повел его в каюту, нажал на кнопку электронной машины, что стояла возле кровати мальчика, и из нее выползла белая лента с множеством черных черточек. Отец покопался в своих карманах, потом в ящике стола и, наконец, вытащил маленькую палочку. Этой палочкой он сделал на ленте из первой черточки крестик

и отдал ее сыну. «Будешь каждый день, — начал было он, но, вспомнив, что мальчик не представляет себе день, повторил: — Будешь каждый раз, как прозвучит большая сирена, ставить здесь один крестик. Когда поставишь все, тогда мы прилетим на Землю, и ты пойдешь к детям». Он погладил сына по голове и вышел.

Мальчик знал, что старших надо слушаться. И он только однажды поставил лишний крестик. Но черточек оставалось так много, что он не мог их даже пересчитать и не верил, что они кончатся. Черточки даже снились ему.

Потом мальчик смотрел фильм о Земле по многу раз подряд, каждый раз находя в нем всегда нечто новое, желанное и... недостижимое.

Учитель замолчал. В голубоватом полумраке мы видели только его фигуру, высокую, широкоплечую, и гордую голову с поседевшими волосами, которые белели в неровном фосфоресцирующем свете экрана.

Молчали и мы, захваченные интересным рассказом, удивленные тем, что, оказывается, наш воспитатель знает и эту нелюбимую им тему лучше нас.

Наконец Мишка нарушил тишину:

— Он потом встретился с детьми?

— Звездолет вернулся, когда мальчик уже вырос. Он остался на Земле, — ответил учитель, и нам показалось, что голос его дрогнул. — Ибо что может быть лучше нашей чудесной, прекрасной Земли!

— А тот мальчик, — спросил я, — где он сейчас?

Занавеси поползли вверх. Снова стало светло. Учитель стоял за столом неподвижно, глядя поверх наших голов. И мы узнали в нем мальчика, о котором он рассказал.

Перевел с белорусского ***Б. МЕСНИН***
Рис. ***М. САЛОЖНИКОВА***

КОМАНДИР «НЕПТУНА»

Из рассказов читателей

«Если командир корабля выйдет из строя, то его заменяет штурман или старший инженер».
Устав планетолетчиков, глава 8, часть 3, § 7.

Дмитриев, удобно устроившись в старинном кресле, поставленном в углу небольшого салона, внимательно, как будто в первый раз, рассматривал картину, висевшую над дверью. Из состояния созерцательной неподвижности его вывел удар гонга и металлический голос автомата, уныло повторяющего: «Расхождение курса с расчетной траекторией. Расхождение курса с расчетной траекторией. Расхождение курса с расчетной тра...»

Автомат, прервав предложение на полуслове, замолк. Дмитриев прошел в рубку, отделенную от салона тонкой перегородкой. Стажер, сидя в штурманском кресле, проводил маневр корректировки курса. Командир подошел и наклонился через голову Громова, осматривая десятки циферблатов. Он прислушался к чуть слышному шуму двигателей и вдруг бросился к пульту управления. Но было поздно.

Страшный удар потряс корабль. Потух свет. В полной темноте Громов рванул на себя массивный рычаг аварийного обеспечения. Зажглись лампы аварийного освещения, и в их тусклом свете Громов увидел, что Дмитриев, широко раскинув руки, лежит на полу. Не было времени расстегивать сложный замок, и Громов, рванув ремень, опустился на колени рядом с командиром. Тот был еще жив, но на его голове зияла глубокая рана. Стажер достал из карманчика кресла небольшую аптечку и, быстро обработав рану, забинтовал ее. Затем он сделал Дмитриеву инъекцию быстродействующего тонизирующего вещества, бережно опустил его в ближайшее кресло. После этого он шагнул к пульту. Громов уже понял, что произошло.

«Нептун» только девять месяцев назад стал космотанкером, и до этого был пассажирским планетолетом класса «дельта». Основные конструкции остались на месте, но была снята дублирующая система охлаждения реакторов. Это было правильно, так как система весила пятьдесят две тонны. Но зато при аварии реакторы могли работать без охлаждения не больше десяти минут, так как перегрев реакторов угрожал взрывом.

У «Нептуна» имелись два двигателя, укрепленных на концах длинных кронштейнов. Взрыв правого двигателя, происшедший, по-видимому, из-за примесей в ядерном топливе, не причинил серьезных повреждений корпусу «Нептуна», но осколками была разрушена центральная магистраль охладительной системы.

Итак, если через двадцать восемь минут «Нептун» не затормозит, он будет притянут Солнцем.

Как быть? Вызвать помощь? Невозможно, так как от толчка вышел из строя передатчик. Затормозить корабль за десять минут? Невозможно, ускорение превысит двенадцатикратное, и раненый Дмитриев не выдержит его. Тормозить космотанкер с перерывами? Нет, реактор должен остывать не менее часа. Оставалось одно. Надо выйти в открытый космос и попытаться восстановить систему охлаждения. Но на пульте ярко светились циферблаты, отмечая, что корпус «Нептуна» заражен радиоактивными обломками взорвавшегося двигателя. Радиация в семнадцать раз превышала максимально допустимую. Громов вспомнил симптомы лучевой болезни. Но ведь это единственный шанс...

Через несколько минут он был уже в вакуум-скафандре. Прежде чем надеть шлем, подошел к Дмитриеву. Командир уже пришел в сознание и, взглянув на Громова, закованного в металл скафандра, все понял. Побелевшие губы с трудом разжались, и Громов скорее увидел, чем услышал слова: «Держись, командир».

Громов пошел к шлюзовой камере. Включив воздух в баллонах, он надел шлем и, когда был выкачан последний воздух из камеры, отодвинул предохранители. Прикрепив ящик с инструментами к скафандру, Громов с помощью ракетного двигателя скафандра летел по направлению к месту аварии. Достигнув центральной магистрали, он полетел вдоль нее. Вот он опустился возле разрыва в трубе, имевшей в диаметре полтора метра.

Он работал, почти ничего не видя из-за вспышек сваривае мого металла, но в уши лез непрекращающийся писк датчиков радиации. Наконец ремонт был закончен. Громов скользнул в люк и, закрыв камеру, снял с себя скафандр...

На мгновение Громов вспомнил слова Дмитриева. Может ли он с чистой совестью назвать себя командиром? И, восстановив в памяти все, что произошло, он ответил себе: «Да!»

Громов включил радиоаппаратуру. Когда голос радиста с Меркурия загремел в репродукторе, снова и снова вызывая «Нептун», он сказал срывающимся от волнения голосом: «Говорит командир «Нептуна».

Тобий ГУРВИЧ, ученик 8-го класса „А“ 57-й школы г. Риги

Публикуя сегодня рассказ Тобия Гурвича, мы приглашаем всех ребят, интересующихся научной фантастикой, начать разговор об этом жанре литературы. Какие вопросы науки, попадающие в сферу интересов писателей-фантастов, более всего привлекают вас? Назовите лучшую, на ваш взгляд, книгу, изданную в последние три года. Влияет ли такая литература на ваши склонности к науке и технике? Пробуете ли писать сами? Как вы думаете, всегда ли автор точен в рассказе?

Ждем ваших откликов, рассказов.

Научно-фантастический рассказ

В. ФИРСОВ

Игорь Лавров проснулся среди ночи от ощущения безотчетной тревоги. Какое-то время он лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, что его разбудило. Словно что-то невидимое бесшумно витало в воздухе, мешая заснуть, настораживая, беспокоя.

Он натянул почти невесомое одеяло до подбородка и попытался заснуть. Однако сон совершенно прошел. Лавров понял, что больше не заснет, потому что тревожное нечто, ворвавшееся в его сон, по-прежнему витало в темноте, словно предупреждая о неведомой опасности.

— Чушь какая-то, — проборматал он. — Тоже космонавт называется, — и вдруг понял, что его разбудила тишина.

Игорь хорошо помнил гнетущее ощущение давящего безмолвия, которое испытал в сурдокамере, готовясь к полету на Ио. Сейчас вокруг царила такая же тишина, оглушающая до звона в ушах, лихорадящая, тревожно кричащая прямо внутрь черепной коробки: «Опасность! Опасность!»

Он открыл глаза и сразу увидел неяркие красноватые вспышки.

Комната, которую он занимал, была не очень велика — примерно десять квадратных метров. Откидная койка, два легких кресла, письменный стол с книжной полкой да стенной шкаф — вот и все, что находилось в ней, если не считать овального экрана видеофона да большого циферблата часов над ним. Только они да еще несколько контрольных приборов под экраном позволяли догадаться, что это не скромный номер гостиницы, а одно из помещений исследовательской станции на Ио — первой луне Юпитера. Сейчас один из этих приборов ритмично мигал, и на его стекле вспыхивала надпись, от которой у Лаврова пробежал мороз по коже: «Разгерметизация станции».

Он невольно посмотрел на дверь. Он знал, что все двери станции герметичны, однако мысль о том, что сейчас за нею царит космическая пустота, а товарищи, возможно, уже мертвы, показалась ему дикой.

О причинах катастрофы он в этот момент не подумал. Бывают в космосе непредвиденные случайности, возможность которых ничисто отвергается вероятностными оценками опасности. Тем не менее они все же иногда происходят, и вот тогда-то сразу становится ясно, на что способен каждый.

В ближайшие несколько часов смерть ему не грозила. Лавров сообразил это мгновенно. Правда, перспектива гибели от медленного удушья вместо удушья мгновенного не показалась ему особенно привлекательной. Тем не менее судьба подарила ему несколько лишних часов, а это было уже немало.

Он натянул на плечи мохнатый цветастый халат и подошел к пульту. Он не знал, живы ли товарищи, и подумал, что, возможно, они спят в своих комнатах, еще не зная о беде, и что на подобный случай наверняка предусмотрены какие-то меры, но какие именно, представить не мог. Не знал он также, что следует делать лично ему, потому что в инструкции, которую он вызубрил перед отлетом, об этом не говорилось ни слова, но первое, что он сделал, было, безусловно, самым простым и самым правильным. Однако он напрасно нажимал на кнопки. Экран оставался по-прежнему темным, все приборы внутренней связи безмолвствовали.

Он подумал, что надо предпринять что-нибудь еще, лишь бы не оставаться в губительной бездеятельности, хотя и понимал

всю нелепость каких-либо действий, потому что скафандра у него не было, а за дверью царила пустота межпланетного пространства.

И вдруг ему в голову пришла простая и ясная мысль. Он запахнул плотнее халат, подошел к двери, взялся за ручку и, помедлив немного, повернул ее...

* * *

— Проснулся, — сказал Вербицкий. Все сидевшие рядом тотчас повернулись к экрану.

Несмотря на темноту в комнате Лаврова, на экране можно было различить, что Игорь неподвижно сидит на краю кровати, а к его ногам медленно опускается одеяло, напоминающее гигантского ската.

— Жаль, парень сегодня не выспится... И все же проверка нужна. Надеюсь, вы не забыли Меркулова! — напомнил Вербицкий.

Меркулов первым подвергся тому самому испытанию, которое теперь проходил Лавров. Тогда монтаж оборудования станции только заканчивался. Монтажники включили приборы, когда Меркулов уже лег спать, и никто не заметил, что один из них подключен неверно. Лишь в середине следующего дня кто-то спохватился, что Меркулова нигде не видно. Когда к нему вошли, он лежал на полу без чувств. Четырнадцать часов провел он в ожидании неминуемого конца. Нагрузка оказалась чрезмерной для его нервов. Первым же рейсом он был отправлен на Землю.

Отыскивать дефект было некогда, и начальник станции просто распорядился пока не занимать эту комнату, благо помещений хватало. Потом кто-то предложил вселить туда новичка. И испытание стало традицией.

Кроме начальника станции профессора Ильина, все ее нынешние обитатели по очереди прошли через это испытание. Проверка была нелегкой, но необходимой. Исследователям опасности грозили непрерывно, и только мужество и огромная выдержка, поддержанные абсолютной уверенностью в товарищах, могли помочь им в труднейших испытаниях.

— Сейчас он бросится к приборам, — сказал Ковальчук.

— Как бы экран не разбил, — с преувеличенной серьезностью сказал Вербицкий.

В свое время Вербицкий, увидев страшный сигнал, забыл про ослабленное тяготение. Он устремился к пульту с такой силой, что его кинуло через всю комнату и он чуть не врезался в экран.

— А Лавров не очень торопится, —удовлетворенно сказал Ким.

В овале экрана темная фигура, озаряемая неторопливыми красными вспышками, приблизилась к пульту. Лавров безуспешно пытался включить связь. Все испытуемые действовали одинаково. Разница начиналась лишь после этой попытки. Ким, например, начал выстукивать стены, пытаясь услышать ответный стук. Шутов стал кружить по комнате, заложив руки за спину, словно на прогулке, и ходил так больше двух часов. Вербицкий оделся в свой праздничный костюм и снова лег на кровать, зачем-то накрывшись одеялом. А Ковальчук — тот стал писать завещание, о чем сейчас вспоминал со стыдом.

Дверь кают-компании открылась, и вошел начальник станции.

— Что нового! — спросил он, бросив взгляд на экран.

— Молодец Лавров, — сказал Ким. — С удовольствием возьму его завтра в разведку.

— Для этого вы и устроили ему бессонную ночь! — вполне серьезно спросил профессор. — Разведка отменяется. На Солнце началась вспышка.

— Лаврова не будить до обеда! — грозно сдвинув брови, сказал Вербицкий. — Пусть отоспится. Все равно делать ему нечего.

— Лавров без дела не останется, — возразил профессор. — Кстати, куда он делся!

Все повернулись к экрану.

— Действительно, где же он! — озадаченно протянул Ковальчук.

— Я здесь, — раздался голос за их спинами. Все разом обернулись.

Стоявший в дверях Лавров посмотрел на космонавтов, которые пытались придать своим лицам нейтральное выражение, потом взглянул на профессора. Он все сразу понял, но не подал и виду.

— Анатолий Петрович, в моей комнате не в порядке приборы. — Он кивнул на экран, который Ким тщетно пытался закрыть спиной. — Впрочем, вы это, кажется, уже заметили, — с невинным видом добавил он. — Так что я пойду спать. — И он шагнул в коридор.

— Подождите, Игорь Андреевич! — торопливо воскликнул Ковальчук. Он снова вспомнил, как писал завещание, и втайне позавидовал выдержке Лаврова. — Скажите, как вы... — Он немного смешался под насмешливым взглядом Лаврова и спросил не совсем то, что хотел: — Как вы... открыли дверь!

В его вопросе прозвучал неподдельный интерес, и Лавров понял, что все ждут от него серьезного ответа.

— Я вспомнил, что дверь открывается внутрь, — сказал он после паузы. — Давление воздуха на нее что-то около пятнадцати тонн. Даже при несработавшей блокировке я не смог бы ее открыть в случае аварии.